

Герберт Хьюит

РОЖДЕННЫЙ С МЕЧОМ В РУКЕ

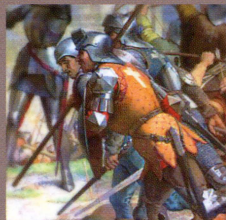
ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ
ЭДУАРДА ПЛАНТАГЕНЕТА
1355—1357

Х Р О Н И К И

В О Е Н Н Ы Х

С Р А Ж Е Н И Й

Х Р О Н И К И В О Е Н Н Ы Х С Р А Ж Е Н И Й

Х Р О Н И К И В О Е Н Н Ы Х С Р А Ж Е Н И Й

H.J. Hewitt

THE BLACK PRINCE'S EXPEDITION

Х Р О Н И К И В О Е Н Н Ы Х С Р А Ж Е Н И Й

Герберт Хьюит

РОЖДЕННЫЙ С МЕЧОМ В РУКЕ

Военные походы
Эдуарда Плантагенета
1355—1357

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(415)"1171/1399
ББК 63.3(0)4
Х99

Серия «Хроники военных сражений»
выпускается с 2008 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Хьюит Г.

Х99 Рожденный с мечом в руке. Военные походы
Эдуарда Плантагенета. 1355—1357 / Пер. с англ.
И.А. Петровской. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. — 255 с. — (Хроники военных сражений).

ISBN 978-5-227-02271-4

В своей книге автор не только рассматривает политику и стратегию ведения войны Эдуардом Плантагенетом, прозванным Черным принцем, но и оценивает всю кампанию в целом: состав войска, снабжение его продовольственными ресурсами, обеспечение должного уровня военной дисциплины, подробное описание вооружения и обмундирования воинов и многие другие составляющие средневековой армии.

Эдуард Плантагенет остался в истории наследным принцем, сумевшим внести достойный вклад в развитие своей страны. Возможно, если бы его ранняя смерть не помешала ему стать королем Англии, этот вклад был бы куда значительнее.

УДК 94(415)"1171/1399
ББК 63.3(0)4

- © Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2010
- © Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2010
- © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2010

ISBN 978-227-02271-4

РОЖДЕННЫЙ С МЕЧОМ В РУКЕ

Военные походы
Эдуарда Плантагенета

1355—1357

АНГЛО-ГАСКОНСКИЕ ВОЙСКА СТОЯЛИ НА СЕВЕРНОМ КРАЮ ЛЕСА НУАЙЕ
ЛИЦОМ К СЕВЕРО-СЕВЕРО-ЗАПАДУ

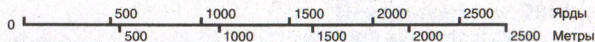

Леса

Дороги

Железные дороги

С.А. — Поле Александра

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой работе я не старался внести вклад в историю военного искусства: тогда мне пришлось бы ограничиться исследованием уже хорошо изученной темы. Но это не было и попыткой заполнить пробелы в трудах Омана, Лонгмена, Макиннона, Таута, Беллока, Денифля, Молинье, Делашенале, Лота. Для этих авторов экспедиция 1355—1357 годов была всего лишь одним эпизодом в сложной истории XIV века, и каждый из них, разумеется, выбирал для рассмотрения только те аспекты событий, которые имели отношение к его теме. По сути, они описывали только одну военную сторону этой экспедиции, а поскольку ее целью была борьба за права (на французскую корону. — *Ред.*) Плантагенетов, следовательно, это было военным давлением на подданных короля Франции, а преимущественно применяемый метод — уничтожение. Может показаться, что достаточно изучить только военные действия, чтобы описать экспедицию принца для британской национальной истории. Однако люди, из которых состояло войско Черного принца, были заинтересованы не только в том, чтобы сражаться, но и в том, чтобы захватить добычу и пленных. Кроме того, они понимали, что должны вернуться в Англию, и вернуться со своими ценными пленниками и награбленным. Этим сторонам экспедиции принца до сих пор уделялось слишком мало внимания. Историки не занимались также чеширскими лучниками, двумя пе-

реездами по морю, вознаграждениями за службу и не интересовались тем, что во время экспедиции Эдуард показал себя не только как военачальник, но и как государственный деятель.

Таким образом, существует возможность составить более многостороннее описание этой экспедиции, чем уже существующие исторические повествования. Пытаясь это сделать, я почувствовал, что не следует слишком подчеркивать чисто военные и политические аспекты, хотя их роль и важна; что наилучшая услуга, которую в этом случае автор может оказать читателю, — это изобразить поход принца «весь в целом» — так, чтобы читатель смог представить себе это сообщество посланных в чужую страну людей, их различное происхождение и различные причины участия в походе, их прежний опыт и вознаграждения за службу, а также их боевые дела.

Эти обстоятельства определили форму предлагаемой читателю книги. Первое, конечно, — это характер и количество данных, доступных для изучения. Второе, хотя я старался сделать свое исследование почти всесторонним, я не стал рассматривать в нем финансовую сторону экспедиции по двум причинам: она неразрывно связана с финансированием всей войны, и она рассмотрена в отдельном специальном исследовании, которое сейчас уже далеко продвинулось. Но главным основанием для этого все же было мое собственное представление о том, что нужно, чтобы обеспечить единство этого труда и пропорциональность его частей.

О битве при Пуатье написано так много, что я бы предпочел вообще не рассматривать ее. Но сделать так означало бы лишить экспедицию принца ее самого славного эпизода, а повествование — того единства, которого я желал добиться. Поэтому я применил здесь тот принцип, которому следовал во всей работе: боевые действия заняли свое законное место, но я уделил внимание и другим сторонам этого сражения.

Я сожалею, что не имел возможности воздать должное гасконцам и валлийцам. Гасконцы внушили принцу

замысел этой экспедиции, искренне приветствовали ее, помогали осуществить ее во время обоих походов и в битве при Пуатье, а их предводители были деятельными и надежными людьми. Однако не сохранилось данных об их численности, а этот показатель необходим, чтобы оценить, насколько важна была их роль. Что касается уроженцев Северного Уэльса, исследователя и тут ждет разочарование из-за нехватки данных. Сохранился всего один отрывок реестра Черного принца, относящийся к этой области. Если бы у нас были разделы реестра за 1557 и 1558 годы, мы, вероятно, нашли бы там «почетные упоминания» и интересные данные о наградах, сравнимых с теми, которые получили чеширцы.

Я обошел французские библиотеки в поисках трудов научных обществ и местных историков и имел честь встретиться с архивистами департаментов и городов Тулузы, Бордо и Пуатье. Я также переписывался с архивистами еще нескольких французских городов. В общем и целом можно сказать, что французские архивы, как национальные, так и местные, содержат мало материала по этой теме и что Делашеналь, Муасан, Молинье и Брёйль использовали основную часть французских данных. Еще несколько французских работ уточнили неясные места в рассказах хроникеров о походе принца через Лангедок.

Фруассар — ненадежный источник, когда речь идет о подробностях, но его труд необходим исследователю как общая картина той эпохи. Поэтому хроники Фруассара тоже были использованы — надеюсь, с должной разборчивостью; и когда мне казалось полезным процитировать его слова, я, как правило, чувствовал, что перевод лорда Бернера, выпущенный в издательстве Globe, лучше подходит для моих целей, чем пересказ на современном английском.

Для кампаний 1355 и 1356 годов невозможно сделать то, что Роттсли сделал для битвы при Креси. Поименный список, вероятно интересный для специалистов по истории XIV века, можно найти в указателях реестра

Черного принца, в календаре патентных списков и в других частях дневника Хенкстуорта.

Попытка описать средневековую военную экспедицию «со всех сторон» вынуждала меня углубляться в административное искусство, дипломатию, оружейное дело, финансы, географию, топографию, юриспруденцию, мореплавание и еще несколько областей, для которых необходимы специальные познания; и рассчитывать, что в исследовании, когда оно охватывает такую широкую область, не окажется ни одной ошибки, — значит ожидать слишком многого. Многосторонность не достигается без риска.

Г. Хьюит

Глава 1

ФОН ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ

Военная экспедиция принца Эдуарда в 1355 году была началом нового этапа Столетней войны, новой главы в истории Гиени (на современных картах — Гюйен. — *Ред.*) и нового этапа деятельности принца.

На начальных этапах этой долгой войны боевые столкновения как на море, так и на суше, как правило, имели исход благоприятный для англичан. Победа при Слэйсе (1340) дала английскому королю Эдуарду III преимущество на море и укрепила союз (с фламандцами. — *Ред.*) на севере; при Креси были унижены французский король и его дворяне. (В битве при Креси в 1346 г. разрозненные атаки рыцарской конницы французов, увязнувшей в раскисшем после дождя поле, были отбиты укрепившимися на холме англичанами, прежде всего благодаря их лучникам. — *Ред.*) Захват Кале (1347) дал англичанам важный плацдарм на французской земле, и обе стороны признавали важное значение этого плацдарма; кампания Генриха, графа (позже герцога) Ланкастерского показала, что англичане могут применить свою силу не только на севере (кроме того (английский историк в свойственной англичанам манере об этом не пишет) состоялись осады англичанами французских крепостей Камбре (1339) и Турне (1340), которые закончились для британцев полным провалом. — *Ред.*). Но эти успехи были слишком незначительными для того, чтобы пошатнуть власть династии Валуа. (В 1328 г. династия Капетингов (по прямой линии) прекратилась, т. к. ни один из сыновей Филиппа IV не оставил после себя мужского потом-

ства. Франция выбрала на королевский престол представителя новой династии — Валуа, младшей линии рода Капетингов. Английский король Эдуард III, внук французского короля Филиппа IV по материнской линии, предъявил свои притязания на французский трон. — *Ред.*) Королю Эдуарду III, чтобы занять французский престол, нужно было более мощное и длительное давление на французов, чем его прежние попытки.

Три обстоятельства помешали ему начать еще одну большую военную кампанию. Первой помехой была эпидемия (чумы. — *Ред.*), которая на какое-то время нарушила общественную жизнь, экономическую деятельность и, естественно, военные действия в Западной Европе. Второй помехой была внутренняя особенность как английского, так и французского общества: ни один из этих народов тогда еще не мог долгое время содержать в полевых условиях большую армию. Третьей помехой была политика папского престола: папа постоянно предлагал свои услуги (с целью достижения мира. — *Ред.*) в качестве посредника. Хотя первоначальные успехи ободрили Эдуарда III, английский король был еще далеко от своей цели. Король Франции Филипп VI, хотя и понимал, какие сильные удары получила его страна, не желал подчиниться требованиям (весьма наглым. — *Ред.*) Эдуарда III. Мир был недостижим, но обе стороны были бы рады перерыву в войне. В сентябре 1347 года было заключено перемирие, которое потом продлевали несколько раз, а в ходе встреч представителей Франции и Англии делались попытки заключить мир.

Условия перемирия были простыми. Его должны были соблюдать все воюющие государства и все государства — их союзники; все осады в Гиени, Пуату и Бретани немедленно прекращались; людям, заплатившим за себя выкуп, обеспечивалась неприкосновенность; купцы могли приезжать и уезжать так же свободно, как в мирное время; были назначены люди, которые должны были предотвращать нарушения перемирия. Эти условия оставались, или предполагалось, что должны оста-

ваться, в силу до возобновления военных действий в 1355 году.

1348 — 1355 годы были заполнены активной дипломатической деятельностью с целью добиться постоянного мира. Папы Климент VI и Иннокентий VI из своего дворца в Авиньоне отправляли посланников ко дворам обоих противников, а затем посылали одно письмо за другим, подчеркивая серьезность их задачи, и этим посланникам, и королям, умоляя их склониться душой к заключению мира. По содержанию этих писем видно, что английская сторона все тверже стояла на своем и что англичане чем дальше, тем сильнее сомневались в беспристрастности посланников. Мир так и не был достигнут. Но перемирие несколько раз продлевалось на год или близкий к году срок.

Однако дипломаты с их искусством переговоров и папский престол с его милосердной помощью не могли предложить королям такое урегулирование спора, которое было бы приемлемо для обоих. Население Франции тогда еще по-настоящему не чувствовало себя единым народом. То, что Аквитанией правил английский герцог, не вызывало возмущения у жителей Гаскони. В большинстве случаев его решения совпадали с чувствами, которые местные жители унаследовали от предков, и с их коммерческими интересами. Теоретически оно не противоречило и феодальному порядку: сеньор не обязательно должен был происходить из того же народа, что и его вассалы. Но на деле это правление противоречило глубинным силам, которые медленно и незаметно вели все части страны, известной под названием Франция, к объединению под властью французских монархов. Положение Эдуарда III не вписывалось в рамки тогдашних норм. Как король Англии он был равен французскому королю; но как герцог Аквитании был его вассалом и по феодальным законам был обязан не только признавать его сюзереном, но и выполнять для него вассальные повинности за этот феоd. Эдуард III иногда был готов отказаться от своих притязаний на французский трон в

обмен на формальное признание независимости Гасконии от Французского королевства. Однако французы ни в коем случае не могли связать себя соглашением о таком признании.

Похожая трудная ситуация существовала за несколько поколений до них, когда английские короли были также и герцогами Нормандии. Французский король Филипп II Август силовыми мерами устранил опасность, которую создавало для Французского королевства соединение этих двух титулов в одних руках. (В начале XIII в. Филипп II захватил большинство английских владений на континенте, в т. ч. Нормандию, закрепив свои завоевания в драматичной, но славной битве при Бувине в 1214 г. и победив превосходящие войска германского императора, графов Фландрского и Булонского и англичан. (В ходе этой битвы французский король был сбит с коня, но пока враги искали в его доспехах место, через которое можно было его поразить, французы отбили своего короля.) В этом же году чуть ранее сын Филиппа II разгромил высадившееся английское войско при Ларош-о-Муан. — *Ред.*) Оставалось только уничтожить, силой или иными способами, опасность, возникшую из-за наследования герцогства Аквитанского. Юридическое решение спора было дешевле и изящнее, чем явная война. Гасконским подданным короля Англии было предложено обратиться в высший феодальный суд. В лучшем для англичан случае такой судебный процесс подрывал авторитет Эдуарда III, в худшем — землю конфисковали. С помощью таких судебных процессов (прежде всего боевых действий. — *Ред.*) французские монархи отгрызали от английских владений один кусок за другим, и это постепенное сокращение английских земель невозможно было остановить. Против экспроприации земель по закону Эдуарду III нечем было бороться.

Но тут стало похоже, что переговоры, наконец, приближаются к заключительному соглашению. В апреле 1354 года полномочные представители королей и два кардинала встретились в городе Гин и составили черно-

вой вариант договора, согласно которому Эдуард III отказывался от притязаний на французский трон, Иоанн II же признавал независимость герцогства Аквитанского. Это означало, что Эдуард III навсегда переставал быть вассалом французского короля. Утвердить этот договор предполагали той же осенью в Авиньоне, а герцог Ланкастерский, епископ Норвичский и граф Арундел получили полномочия обсудить при папском дворе условия окончательного мирного договора. Они приехали туда в сопровождении внушительной свиты и были встречены с показным радушием, но договор не был подписан. Представители Франции отказались от договоренностей, достигнутых в Гине, и результатом встречи было лишь продление перемирия до середины лета 1355 года.

Старший сын и преемник Филиппа VI Иоанн II Добрый (правил в 1350—1364 году) заботился о том, чтобы его королевство не дробилось на части, и потому твердо решил не уступать англичанам ни пяди французской территории; но во Франции были и партикуляристы, которые препятствовали королю в его политике и в то же время создавали возможности для вторжения англичан во Францию. В разное время они давали о себе знать в прибрежных районах Фландрии, Артуа, Нормандии, Бретани и Аквитании. Как раз в это время произошло их очередное выступление на севере: Карл Злой решил перейти от одного сюзерена к другому — он предложил себя в союзники английскому королю. Карл был не только королем Наваррским, но также имел другие весьма обширные владения: Эвре, Мортен, Пор-Одемер, Шербур, Валонь и Карантан, что делало его одним из самых могущественных феодалов Нормандии. Для Эдуарда, уставшего от бесконечных переговоров, Карл со своими интригами был полезной поддержкой в борьбе против французского короля. С ним был заключен договор, и ему было обещано, что к нему на помощь будут посланы войска.

Через несколько недель после этого открылся еще один путь для вторжения англичан. Из Гаскони к ан-

глийскому королю прибыли несколько феодалов, чтобы пожаловаться ему на образ действий Жана д'Арманьяка, наместника французского короля в Лангедоке, и попросить, чтобы Эдуард позволил своему сыну, принцу Уэльскому, приехать в Гасконь.

Эдуард, довольный тем, что дальнейшие переговоры с французами оставляли мало надежд на приемлемое для него урегулирование спора, и уверенный, что в случае военных действий будет иметь поддержку на французской земле, стал думать о возобновлении войны. Некоторые его действия в начале 1355 года, возможно, предвещали ту политику, о которой он открыто объявил лишь в апреле. В феврале были реквизированы три корабля для доставки продовольствия в королевские замки в Гаскони. Король и Бартоломью де Бургерш-младший получили от папы разрешение отложить обещанное паломничество в Сантьяго-де-Компостела (в Северо-Западной Испании). В начале марта были отданы приказы реквизировать корабли, чтобы перевезти графа Уорвика и других знатнейших аристократов в Гасконь. Джон де Чиверстон был назначен сенешалем Гаскони¹.

В начале апреля война была объявлена открыто. Папским нунциям, которые приехали в Англию с положенной по обычаю большой свитой, английский король заявил, что не желает продлевать перемирие, поскольку французы за время его действия причинили значительный ущерб его заморским владениям. Он, король, обсудит это с членами своего совета и сообщит о своем решении через своего посланника. Если говорить коротко, с середины лета между Англией и Францией должна была возобновиться война. На заседании совета было решено, что принц Уэльский с английской армией отправится в Гасконь.

К концу апреля административная машина по сбору флота уже была на ходу, и аристократы, которые должны

¹ Информация о датах не совсем полна. См.: Calendar of Patent Rolls (далее — *C.P.R.*), 1354—1358, 22, где Джон де Чиверстон назван сенешалем Гаскони в марте 1354 года.

были сопровождать принца, получили предварительные платежи. 1 июня король в письмах к архиепископам объяснил, что французские послы при папском дворе отказались от соглашения, принятого в Гине, и поэтому он обязан возобновить войну.

Область, куда должен был отплыть принц Уэльский, в английских документах XIV века называется Аквитания, Гиень (Гюйен) или Гасконь, и между этими названиями нет четких различий. Слово «Аквитания», разумеется, использовали как название герцогства Аквитанского, но в записях, в английских хрониках и у Фруассара чаще всего встречается название Гасконь. Но авторы французских хроник и современные французские историки обычно отличают Гасконь от Гиени и в тех случаях, когда необходима точность, обычно используют название Гиень (Гюйен). Воины из союзных принцу войск, набранные в области между Пиренеями и провинцией Сентонж, имели боевой клич «Гиень, святой Георгий!» или просто «Гинь!».

Еще задолго до середины XIV века Аквитания, Гиень и Гасконь перестали быть политическими образованиями и стали единой областью, которую англичане и французы делили между собой. Огромное наследство, которое в XII веке принесла английской короне Алиенора Аквитанская, сократилось до полосы длиной примерно в двести миль, которая тянулась вдоль побережья от южной части провинции Сентонж (окрестности Рошфора) до Пиренеев, а ширина ее, если измерять от побережья в глубь страны, была от тридцати до шестидесяти миль. Однако частями этой полосы были два опорных пункта стратегии англичан — Страна Басков с Байонной и нижнее течение Гаронны с Бордо. Это был именно тот край, который в прошлом терпел урон из-за французских вторжений, а немного раньше вынес на себе тяжесть агрессии французов, тот край, который позвал англичан на помощь; он должен был стать базой для военных опера-

ций принца и своими войсками поддержать его против французов.

Нет ничего удивительного в том, что жители этого края были на стороне англичан. За двести лет, прошедших с той свадьбы, которая объединила герцогство Гиень с Английским королевством (Алиеноры Аквитанской и Генриха Анжуйского, позже английского короля Генриха II), герцоги-короли поддерживали и укрепляли верность им их здешних подданных. Генрих II несколько раз приезжал в это герцогство до того, как передал его своему сыну Ричарду Львиное Сердце. Ричард жил здесь больше, чем в Англии. Иоанн Безземельный (который в борьбе с Филиппом II Августом потерял почти все английские владения во Франции), правда, ни разу не посещал Гиень, но Генрих III и Эдуард I прожили в ней какое-то время, и в разное время наместниками английского короля в Гиени были члены или родственники королевской семьи — Ричард Корнуоллский, Симон де Монфор и Генрих, граф Ланкастер.

Система управления, при которой и сенешаль Гаскони, и констебль города Бордо назначались на свои должности английским королем (и обычно были уроженцами Англии), поддерживала постоянную политическую связь этого края с Англией. Однако многие должности второго уровня занимали гасконцы, в состав королевского совета в Гаскони входили виднейшие местные феодалы. Собрание трех сословий Гаскони обеспечивало дворянам возможность — или по меньшей мере подобие возможности — хотя бы консультировать королевскую власть по поводу чрезвычайных налогов. Аппарат управления в этом краю — как и в любой другой стране — имел много недостатков, но, по мнению месье Бутрюша, «Гиень (с Нормандией) имела самую лучшую систему управления среди великих феодалов того времени».

Помимо этих политических связей, были и личные контакты, помогавшие поддерживать понимание между Англией и ее дальними владениями. Гасконские феодалы бывали при английском дворе, гасконские купцы

приезжали в Англию закупать зерно, гасконские вино-торговцы постоянно вели дела с английскими купцами, англичане же приезжали в Гасконь по королевским или своим собственным делам, и каждый *наезд* означал приезд в этот край целой толпы англичан — дворян и недворян.

Но самой глубинной причиной такой долговременной верности гасконцев английскому королю была их собственная выгода. Для них вся вражда англичан и французов была только спором династий или феодалов. (Действительно, в это время абсолютное большинство английских феодалов были нормандско-французского происхождения и, как и английские короли, говорили только по-французски. — *Ред.*) Идея объединения всех, кто живет между Пиренеями и Ла-Маншем, в одно государство под властью короля Франции еще не могла встретить теплый прием на юго-западе. Выражением идеалов жителей этого края был их боевой клич: «Гиень, святой Георгий!» или даже «Гиень!». Герцог Гиени был их природным господином, и они следовали за ним, так что моральные основания их позиции были совершенно ясны. Экономические причины были еще более очевидными. Хотя Гасконь и Гиень (Гюйен) вели большую торговлю с Северной Европой, главным потребителем местных товаров была Англия. В XIV веке Гасконь и Гиень процветали, и каждый английский *наезд* увеличивал это процветание. Английские короли строжайшим образом соблюдали муниципальные и торговые права не только Бордо, но и менее крупных городов, а если возникал спор о правах — что случалось часто, — короли старались примирить спорящие стороны¹.

Гасконцы в душе были сторонниками своей местной независимости. Полная самостоятельность в то время была невозможна, но под английской властью они имели больше свободы, чем дала бы им французская власть, и благодаря тесным связям с Англией местные жители

¹ См., например Gascon Rolls (Гасконские списки) 66/68 в 6.

жили богаче, чем могли бы жить при более тесных связях с Францией.

Однако верность делу Англии означала необходимость терпеть нападения французов во время каждого активного периода войны. С 1337 по 1340 год французские войска прошли по долинам рек Гаронна и Дордонь, овладели Сент-Макером и заняли Ла-Реоль, дошли до окрестностей Либурна и Сен-Эмильона, вели яростные бои вокруг Бурга и Бле. Во время перемирия депутация гасконских дворян приехала в Англию (и еще одна такая же депутация должна была приехать в 1355 году), чтобы напомнить Эдуарду III, как им необходима защита, а когда в 1345 году военные действия возобновились, граф Дерби нанес французам ответный удар, вернул недавно потерянные земли и, кроме них, захватил Бержерак, Оброш и Эгюйон.

Положение было выровнено, и во время прекращения (или частичного прекращения) военных действий с 1347 по 1355 год гасконские города, так тяжело пострадавшие во время этих двух походов, были восстановлены и заново укреплены. Но, по сути дела, обстановка была очень нестабильной: здесь между войсками стран-противников не было Ла-Манша, а граница между ними была определена нечетко и менялась под давлением то одной, то другой стороны. Дерби благодаря своей решительной политике отодвинул линию границы в восточном направлении, но в 1351 году он был снят со своей должности, а его преемник, граф Стаффорд, был не таким энергичным, и вскоре основная часть завоеваний Дерби была потеряна. В конце 1352 года наместником короля Франции в Лангедоке и соседних провинциях был назначен Жан д'Арманьяк. В январе 1353 года он признал и одобрил возвращение в ряды сторонников Франции нескольких предводителей, которые раньше сочувствовали англичанам, а в феврале того же года начал осаду города Сент-Антонен-Нобль-Валь в Руерге. (Графство Руерг находилось к северо-востоку от Тулузы. — *Ред.*) Он также отправил отряды своих войск осаж-

дать города и замки между Ажаном и Периге. Его последующие действия предвещали беду гасконцам. Консулы Ажана приняли меры, создававшие препятствия для экспорта зерна в Гасконь. Штаты Лангедока, которые созвал Жан д'Арманьяк, проголосовали за выделение ему крупной суммы, которую было решено собрать немедленно, а сенешальство Каркасона проголосовало за выделение денег и приняло решение собрать их в три приема, поскольку борьба будет долгой; был также принят ордонанс о том, что каждый мужчина в этих краях должен приобрести себе оружие.

Осада Сент-Антонена была временно прекращена согласно условиям перемирия, но возобновилась в июне 1353 года, когда начались мелкие военные столкновения на обширной территории, главным образом вокруг Бовиля. Ажан прислал двести саперов, которые должны были «идти и причинить вред вражеским землям». Англичане упорно сопротивлялись, города во время боев переходили из рук в руки, но в конечном счете Эгюйон и Презас достались французам, англичане отступили, и к концу 1354 года Жан д'Арманьяк создал силы, угрожавшие английским владениям в Гасконии.

Такой была обстановка, когда гасконские дворяне отправились в Англию, чтобы рассказать королю Эдуарду III о положении дел в их стране. Им было трудно обороняться, но было совершенно необходимо дать отпор натиску Арманьяка, а значит, для этого была нужна помощь английских войск. А поскольку уже более пятидесяти лет ни один английский король и ни один наследник английского престола не приезжал в Гасконь, с политической точки зрения было выгодно, чтобы эти войска возглавил один из сыновей короля, — и действительно, это укрепило верность гасконцев¹.

Если же взглянуть на эту ситуацию шире — в контексте всех англо-французских отношений, то она давала

¹ Этот результат был достигнут: *valde confortavit fideles de Vasconia* (что на латыни значит: «очень ободрил верных гасконцев». — *Пеп.*). *Chronicon Galfridi le Baker de Swynebroke*, ed. Thompson, E. Maunde (далее — *Baker*), 128.

возможность англичанам перейти к более широкомасштабным действиям. Грабежи, учиненные Арманьяком и его войсками, породили вражду к французам, достаточно сильную для того, чтобы гасконцы оказали поддержку английскому королю, если бы тот решил нанести из Гасконии удар, который приближал достижение его главной цели. И король Англии мог отправить туда экспедиционную армию, которая могла не ограничиваться оборонительными и карательными мерами и даже не только контратаковать. Эта армия могла бы продемонстрировать на юге Франции твердость намерений короля Англии требовать французский трон для себя так же ясно, как другие военные операции английских войск демонстрировали силу его воли на севере страны. Подходящим предводителем для такого похода был наследник престола, принц Эдуард.

В июне 1355 года принцу исполнилось двадцать пять лет. У него был свой дом в Кеннингтоне, был совет, управлявший его поместьями, большой доход (однако недостаточный для того образа жизни, который он вел). Принц не был женат.

Эдуард был наследником престола с самого рождения, то есть испытал на себе те влияния, которые формируют жизнь и характер большинства молодых людей, которым предназначено занять высшее место в стране независимо от того, есть ли у них склонность к этому или необходимые способности. Народ ожидает, что наследник будет уважать законы своей страны, вести достойный его звания образ жизни и играть роль наиболее вероятного преемника их государя с достоинством, великодушием и некоторой долей скромности. Народ также ожидает, что он будет достойно проявлять себя в тех областях жизни, которые в это время считаются подходящими для королевской особы. Если принц не упускает из виду желания подданных и не потакает слишком явно своим наклонностям, народ высоко ценит наслед-

ника, отмечает его достоинства, одобряет добродетели и считает воплощением своего идеала.

Но как только наследник становится мужчиной, для него наступает время испытаний. «Весь мир и вся его слава, — пишет Бегхот, — все самое привлекательное, все самое соблазнительное всегда предлагалось принцу Уэльскому в те дни и всегда будет предлагаться. Было бы неразумно ожидать величайшей добродетели там, где искушения в их самой трудной для преодоления форме действуют на человека в то время жизни, когда его мораль наиболее слаба». Долг борется с удовольствиями. Становится труднее хранить верность идеалу жизни, посвященной великому делу. Часто блестящий юноша незаметно превращается в обычного человека. Однако посредственность не помеха для глубокого уважения. Для того, кто занимает «должность» принца, достаточно хорошо играть роль принца.

В середине XIV века роль принца Уэльского была predetermined, когда этот принц был еще подростком, и стала ясна еще до того, как ему исполнилось двадцать лет. Эдуард III был успешным королем в прямом смысле этого слова. Он был известен своей физической силой, большой любовью к оружию и умением им владеть, блеском своего двора и любовью к церемониальной стороне рыцарства; и он вел во Франции войну, в которой рыцари могли получить награды. Все это английский народ одобрял. И принц, который желал проявить себя достойно, мог лишь только стараться подготовить себя к той роли, в которой король был доволен собой и получает поддержку дворянства, парламента и народа. Вероятно, эта задача в большей степени соответствовала природным склонностям и дарованиям принца Эдуарда. Она их сформировала, и иного быть не могло.

Ни один наследник престола не имел лучших возможностей изучить искусство быть королем. Принц Эдуард, родившийся от молодых родителей, воспитанный при дворе, учившийся у Уолтера Берли, сэра Уолтера Менни и сэра Бартоломею де Бургерша, знакомый

с видными деятелями государства и Церкви, бывавшими при дворе, замещавший своего отца в совете, когда тот был в отъезде, должно быть, с детства был хорошо знаком с государственной машиной, процессом управления страной и основными вопросами своего времени. Он сопровождал Эдуарда III во время вторжения англичан в Нормандию в 1346 году, был посвящен в рыцари на французской земле, сражался при Креси (командовал правым крылом английских войск. — *Ред.*), участвовал в боях вокруг Кале и в морском сражении при Лез-Эспаньоль-сюр-Мер.

Такой опыт можно считать нормальной для Средних веков подготовкой будущего короля к управлению страной. Но к этому времени стали заметны и собственные склонности принца. Он был самым молодым членом ордена Подвязки и старался играть видную роль в этом высоком обществе. Принц был хорошо знаком с идеалами рыцарского благородства и находился в удобном положении для того, чтобы осуществлять их на деле: одним полем для этого был королевский двор, другим — площадка для рыцарских турниров. Он посещал эти турниры и участвовал в некоторых из них¹. Принц придумал конструкцию удили для своих боевых коней. Он снабжал членов ордена подвязками, пряжками, наконечниками для поясов и застежками². Для Одли и Чендоса он покупал парами доспехи, обтянутые черным бархатом, а для себя такие же пластины, но бархат на них был красный³. Другие подарки — доспехи и коней — он тоже щедро раздавал своим друзьям, которые почти все были старше принца и имели достойные этих рыцарей боевые заслуги до наступления долгого перемирия, которое прервало боевой путь самого принца. Принц Эдуард смотрел на будущее с точки зрения военных подвигов. Через

¹ Например, тех, которые были в Элтеме. Black Prince's. The Register of Edward the Black Prince, 4 parts (далее — *B.P.R.*), IV, 124.

² Дата не позднее 1352 года.

³ Если бы принц, выбирая цвета, поступил наоборот, мы поняли бы, почему он получил прозвище Черный.

двенадцать лет его стали называть самым рыцарственным из живших тогда благородных дворян — «цветом рыцарства». Фруассар был того же мнения¹ и в *Хронике четырех первых королей Валуа* описал его так: «Один из лучших рыцарей в мире, в свое время прославившийся более всех».

Однако в более поздние времена значение слова «рыцарственный» так расширилось, что нам сейчас необходимо указать, что оно означало в XIV веке. В то время главными качествами рыцаря были верность и доблесть. Быть рыцарственным означало принимать сложившийся общественный порядок таким, какой он есть. Рыцарский идеал облагородил манеры при дворе и установил четко определенные правила ведения боя для турниров и даже для войны. Но он не имел никакого отношения к принципу общественного устройства, который был выражен вопросом «Кто был тогда дворянином?». В понятие «рыцарственный» не входила и обязанность проявлять милосердие и сердечную доброту к тем, кто не участвует в боях. Рыцарское благородство было, по сути дела, совместимо с открытым и безжалостным истреблением людей, и вскоре принц проявил холодное безразличие к человеческим страданиям².

Жизнь принца в том виде, как ее вел Эдуард, стоила дорого. Однако он не становился от этого менее щедрым. Принц продолжал дарить своим друзьям деньги,

¹ Это, конечно, было в очень большой степени комплиментом, но он был применен и в других случаях — например, к сэру Джону Чендосу и к армии принца, когда она грузилась на корабли в Плимуте, *Life of the Black Prince*, ed. Pope, M.K., and Lodge, E.C. (далее — *Chandos Herald*), строка 611). В «редакции», написанной после смерти принца, Фруассар говорит «*che fu en son vivant le plus honnoure' prinche du monde*» (на французском языке того времени это, очевидно, означает «который был при жизни самым почитаемым принцем в мире». — *Пер.*)

² Его поведение в Лиможе хорошо известно, но эта черта характера видна и в нескольких эпизодах первого рейда, что принц был «отважен и жесток, как лев» (*Comme uns lyon fels et crueus*) в битве при Пуатье, и ср. с этим *le prince estoit cruels en son air*. (На тогдашнем французском это, видимо, значит «принц имел вид жестокого человека». — *Пер.*) Его отец проявил такую же бесчеловечность во время хорошо известных событий в Кане и Кале.

лошадей, части доспехов, украшения, чаши золотые, серебряные или из позолоченного серебра с эмалью; не только близким друзьям, но всего лишь знакомым и даже гонцам, приезжавшим от влиятельных особ, он дарил скаковых и боевых коней, вьючных и ломовых лошадей, парадных верховых коней. Он тратил крупные суммы на игру (вероятно, проигрывал в кости) и покупал себе очень дорогие украшения тонкой работы. К 1355 году из-за собственных больших расходов и щедрых подарков казна принца была обременена долгами. Поспешно отправлялись в путь гонцы с указаниями собрать и прислать доходы как можно скорее, заключались соглашения о займах под залог будущих доходов. О причинах такой расточительности можно только догадываться. Поведение принца не было недавно возникшей семейной традицией. (Его отец стал королем в шестнадцать лет. Его дед примерно за пятьдесят лет до времени действия этой книги стал королем в двадцать три года и не отличался чрезмерной расточительностью, пока был наследным принцем.) Возможно, это была расчетливая политика, а возможно — нерасчетливая щедрость или просто слабость к подобного рода действиям.

Несмотря на финансовые затруднения принца, его стремление достойно проявить себя в воинском искусстве не ослабло. Перемирие с Францией длилось около восьми лет. Его завершение обещало в будущем возможность отличиться на поле боя. Принц был рад, что военачальник де Бюш потребовал его присутствия в Гаскони, и попросил короля, чтобы тот позволил ему первому переправиться через море. Король, совет и парламент одобрили обе просьбы.

К XIV веку уже существовало представление, что война в какой-то мере должна вестись по правилам, которые должны соблюдать обе стороны конфликта. Летописцы применяли в своих хрониках выражения «законы войны», «закон оружия», «законы рыцарства»; и хотя,

разумеется, никого нельзя было принудить к исполнению этих законов (точнее, международных обычаев), все же эти обычаи были очень прочными, и их нарушение могло быть названо неверным или даже бесчестным поступком. Эти правила ведения войны произошли от двух источников. С одной стороны, всеобщее желание иметь какой-то общепринятый порядок действий в повторяющихся ситуациях (например, при сдаче города) привело к формализации отношений между воюющими сторонами и между победителем и побежденным. Эта прогрессивная мера имела международный характер, поскольку командующие каждой из противостоящих армий считали, что их противник обязан соблюдать эти обычаи. С другой стороны, рыцарство уже было международным понятием, объединявшим все военное сословие на основе соблюдения определенных принципов и смягчавшим формальные отношения, установленные законом. Например, по закону пленный был собственностью того, кто взял его в плен, а по правилам рыцарства ему было обеспечено хорошее обращение, пока он находился в плену; по закону от пленного можно было потребовать уплаты выкупа до того, как он будет отпущен на свободу, а по правилам рыцарства пленный мог быть отпущен под честное слово, чтобы отдать распоряжения о сборе денег для своего выкупа.

Законы и обычаи войны не делали различия между теми, кто воюет, и теми, кто не воюет. Как бы ни сожалел об этом наблюдатель (и Фруассар часто сожалеет), но, если город был взят приступом, его жители отдавались на милость победителя так же, как солдаты оборонявшегося гарнизона. Обычно начальник гарнизона и мужчины благородного происхождения оказывались в плену, знатных женщин (если они находились в городе) победители щадили, некоторым богатым горожанам, которые могли заплатить за себя большой выкуп, сохраняли жизнь. Но всех остальных, если им не удавалось спастись бегством, победители могли убить — и часто убивали.

Поэтому жизнь людей, не участвовавших в войне, была под угрозой. Их свобода и имущество тоже не были в безопасности. Когда их захватывали в плен, то уводили из домов для переговоров о выкупе. Командующий вторгшейся армии забирал у людей их скот, зерно и вино и ничего не платил за них; а золотом, серебром и прочими ценными вещами завладевали солдаты.

По этой причине, хотя воины в очень многих случаях искренне желали сражаться для того, чтобы прославиться своей отвагой, бои были также возможностью обогатиться. Фруассар, подводя итоги битвы при Пуатье, даже объединяет эти две цели, когда перечисляет ее выгоды. Он пишет, что все, кто сопровождал принца, «стали богаты честью и имуществом». Все ожидали, что военные действия должны быть прибыльными, а самую большую прибыль можно было получить, захватывая пленных, которые могли заплатить за свою свободу большой выкуп. Если не вдаваться в подробности, то правило было такое: рыцарь, захвативший пленника, должен был договариваться о выкупе и оставлял значительную часть этого выкупа себе¹. Знатные пленники иногда долгое время находились в плену, ожидая передачи (наличными) тех сумм выкупа, о которых договорились.

Однако свобода самых знатных пленников могла стать предметом не только финансового, но и политического торга. Поэтому король — во всяком случае, в Англии — оставлял за собой право на владение такими пленными и на ведение переговоров об их освобождении. Тот, кто захватывал такого пленного, разумеется, получал достойное вознаграждение. Джон Копленд, сумевший в 1346 году взять в плен Давида, короля Шотландии, был награжден очень щедро, и об этом, должно быть, в армии принца знали все до одного. Томас

¹ Раздел добычи подробно рассматривается и Хэем. Hay, D. *The Division of the Spoils of War in Fourteenth-Century England* (далее — Hay). Это ценное, но, по моему мнению, не полное исследование этого вопроса.

де Холланд тоже получил крупную сумму денег за то, что взял в плен и передал королю графа д'О. Возможность, что в будущей экспедиции будут захвачены ценные пленники, была формально учтена в скрепленном печатью договоре, который заключили между собой король и принц. В этом договоре даже был пункт о том, что, если в плен будет взят «глава» войны, право на него принадлежит королю.

Нужно также добавить, что с пленными, которых удерживали в плену ради выкупа, обычно обращались хорошо. Если это были рыцари, с ними обращались как с почетными гостями, которые случайно были подданными другого короля. Их могли отпустить под честное слово, а во время перемирия воюющие стороны договаривались о том, чтобы таких пленников пропускали через границы, когда они ехали уплатить часть выкупа или возвращались к тем, кто их захватил в плен, если не смогли внести такой платеж. С заложниками и послами тоже обычно обращались достойным образом.

В общем и целом война была ужасающе жестокой; лучники стреляли с твердым намерением убивать и должны были всеми силами обороняться от одетой в кольчуги и латы конницы, но возникли обычаи, которые руководили поведением воинов, принадлежавших к рыцарскому сословию, и в некоторых случаях облегчали для них тяготы войны.

Для них война в каком-то смысле была игрой или опасным спортом, предназначенным только для дворян. Обучение воинскому искусству было дорогостоящим и трудным. Турниры были прекрасной возможностью для этого и большими событиями светской жизни. Рыцари Золотого руна и Звезды, а также рыцари ордена Подвязки получали приглашения на такие состязания и участвовали в них, и дворяне имели склонность переносить на поле боя те правила, настроение и великолепие, которые царили на рыцарских турнирах. Это было прекрасно и величественно, но это не была война. Эдуард III, хотя и был рыцарем из рыцарей и любил

церемонии и роскошь, не одобрял турниры. А король Иоанн, напротив, поощрял их.

Личные подвиги, как на поле для состязаний, так и на поле боя, были не только военными, но и социальными успехами того, кто их совершил, поскольку служили доказательствами его доблести, самого ценного из качеств воина; а доблестью называлось сочетание большого приобретенного умения владеть оружием и величайшей храбрости. Доблесть ценилась так высоко, что полководческое искусство оказывалось на заднем плане. Командовал армией король, один из членов королевской семьи или кто-либо из знатнейших аристократов, но его пригодность для этой должности значила мало; честь доставалась тому, кто сражался храбрее всех. Не было ни какого-либо подобия позднейшего генерального штаба, ни карт, ни точного представления о ресурсах. Конечно, старшие по возрасту среди рыцарей имели некоторые приобретенные на опыте познания в тактике, но во многих кампаниях не было никакой стратегии¹, и все они сводились к разорению — то есть разграблению территории и унижению ее жителей — земель, по которым армия проходила либо к вражеской столице, либо без ясно определенной конечной цели. У исследователей стало нормой считать эти военные операции не кампаниями, а рейдами, но современники Черного принца не делали различия между рейдом и кампанией. Сам король во главе большой армии в Нормандии или Генрих, герцог Ланкастер во главе армии среднего размера в Гасконии действовали так же, как военачальник более низкого ранга, воевавший на границе с Шотландией. Операции отличались масштабом, но не своим характером.

¹ «Долгие переходы с неясными целями» (*Thompson A.H.* Указ. соч. С. 798); «прерывистость и бесцельность многих средневековых кампаний» (*Tout. Medieval and Modern Warfare*, 24); «Он скорее не был медлительным, а действовал без плана» (*Belloc H. Crécy*).

Глава 2

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Весна и начало лета 1355 года были временем напряженной подготовки к будущей войне. Согласно обещаниям, данным Карлу Злому и гасконским дворянам, были составлены планы перевозки войск в Нормандию и Гиень (Гюйен). Король также заявил, что сам поведет армию против врага. Таким образом, готовились три похода со схожими задачами, но на разных театрах военных действий. Англия никогда раньше не прилагала так много усилий, как в то лето, когда собирала людей, коней, оружие и корабли для продолжения войны с Францией.

Архиепископам, канцлерам университетов и главным должностным лицам четырех монашеских орденов король в немногих словах объяснил причины возобновления войны и попросил их молиться за него и его людей. Одной этой просьбы было достаточно, чтобы все англичане поняли, какова новая политика их монарха.

Другие меры короля коснулись других сторон жизни народа. Было, разумеется, необходимо реквизировать подходящие корабли и собрать их вначале в устье Темзы, а затем в Саутгемптоне или Плимуте. Стало необходимо контролировать, как обычно делалось во время войн в XIV веке, передвижение людей, продовольствия и даже изменение цен. Отныне никто не имел права отплывать за море без согласия короля, зерно можно было экспортировать только в Кале. Поскольку потребности крупных военных экспедиций требовали накопления запасов вина и вызывали рост цен на него, был отдан приказ

осмотреть все винные погреба Лондона, записать количество хранящегося в них вина каждого сорта и определить, какое его количество следует принудительно продать по установленным ценам крупнейшим феодалам и другим владельцам феодалов, чтобы общенародный труд — подготовка к войне — шел без задержки. Огромный спрос на доспехи вызвал повышение цен и на них. Поэтому было приказано осмотреть лавки оружейников, оценить находящийся в них товар и выставить его для продажи по разумной цене «знатнейшим господам и прочим владельцам феодалов, которые собираются выступить на защиту королевства».

Когда в Англию дошли слухи о том, что французы готовятся уничтожить английский флот и вторгнуться на английскую территорию, в южных графствах были отданы приказы выпускать в море только хорошо вооруженные корабли, в гаванях ставить все корабли близко к берегу, а всем мужчинам этих графств иметь при себе оружие для защиты своего края. На холмах было приказано устроить, «согласно обычаю», сигнальные костры, чтобы местные жители могли быстро узнать о появлении врага и вовремя оказаться «в тех местах, где возникнет опасность».

В мае—июне были набраны участники для тех походов, одному из которых посвящена эта книга.

Армия, которую принц должен был возглавить, делилась на две непохожие части — тех, кто шел с ним самим, и тех, кого привели крупные феодалы, назначенные сопровождать его. Чтобы набрать свою часть воинов, принц сначала отправился в графство Честер, которое уже давно было известно тем, что давало в королевские армии особенно много солдат. Оно управлялось иначе, чем остальная Англия, имело места, где могли скрыться преступники, бежавшие от суда, и уже поставляло большие отряды для завоевания Северного Уэльса, для войн Эдуарда I в Шотландии и для армий, сражавшихся во Франции в 1346—1347 годах. Кроме того, люди из Чешира под началом командира-чешир-

ца, сэра Хью Келвели, участвовали в малой войне, которая, несмотря на перемирие, продолжалась в начале 1350-х годов в Бретани.

В делах административного управления к Чеширу обычно присоединяли Флинтшир, а Северный Уэльс тоже находился под управлением чиновников принца. Эти три области, объединенные таким образом, хорошо воспользовались выгодами мира: во Флинтшире шла добыча полезных ископаемых, а Честер стал рынком для значительной части Северного Уэльса.

Хотя национальные чувства валлийцев не угасли, старинная вражда кельтов и саксов ослабла. В таких обстоятельствах валлийские солдаты сражались в составе английских армий в Шотландии и во Франции. Поэтому Флинтшир и Северный Уэльс, так же как и Чешир, были местами, где можно было набрать войска.

Но вербовали солдат в этих трех местностях по-разному. В Чешире нанимали только лучников. В Уэльсе обычно половина нанятых солдат были лучники, а другая половина была вооружена копьями. У чеширских лучников жалование было выше, чем у валлийских. Кроме того, англичане, жившие в Уэльсе, никогда не служили в валлийских отрядах.

До середины XIV века солдаты, набранные в этих трех местностях, шли на войну в зелено-белой униформе (*cotecourtepiȝ*) и носили шляпы таких же цветов. К этому времени предоставление одежды солдатам было достаточно распространенной практикой, но считается, что валлийцы были первыми войсками, которые появились в униформе на поле боя в континентальной Европе. Как были изготовлены эти мундиры, неясно. Сукно для них закупал судья или королевский управляющий Честером. Именно этот управляющий в 1347 году был обязан «выдать каждому (солдату) короткий плащ и шляпу двух цветов — зеленый справа». Но единственное упоминание об их пошиве, которое я смог найти, — это упоминание о 50 *s.*, уплаченных за «кройку и шитье упомянутых *cotecourtepiȝ*» (1328). Записи в документах 1355 года,

касающиеся и солдат из Чешира, и солдат из Северного Уэльса, позволяют предположить, что они получали сукно и сами отвечали за изготовление из него одежды.

В 1346 и 1347 годах лучники, отобранные в этих местностях для войны с Францией, всегда получали плату вперед за столько дней, сколько должен был продолжаться их путь от границы графства до порта, где они должны были сесть на корабли, или до того места, где они должны были присоединиться к принцу. Обычно этих дней было четырнадцать, пятнадцать или шестнадцать, а путь солдат проходил через Сэндвич или Дувр. Такие платежи были, несомненно, необходимы, чтобы солдат мог прокормиться в дороге. Кроме того, они облегчали труд офицера, который должен был вести отряд: были случаи, когда валлийские войска отказывались отправиться в путь, пока им не выплатят этих денег.

В 1355 году, когда появились планы возобновления войны, принц вернулся к прежним источникам снабжения действующей армии. Не следует полагать, что его титулы и связь с этим краем к тому времени уже сделали его там очень популярным: принц еще ни разу не был в своем владении (то есть в Уэльсе. — *Пер.*). До 1353 года он не приезжал и в свое графство Честер, а в том году появился там лишь из-за опасного восстания, которое он подавил, применив демонстрацию силы, после чего ему были уплачены очень большие штрафы. Он еще ни разу не вел армию в бой. Позже, после того, как в 1357 году он вернулся в Англию с победой, в народе должна была возникнуть сильная любовь к нему лично, но новобранцы 1355 года шли в войска не под влиянием чувств.

В апреле или мае 1355 года принц провел совещание с некоторыми из своих чеширских рыцарей и оруженосцев по поводу военных налогов, а затем объявил свои указы. Из различных частей графства Чешир нужно было набрать триста «лучших и самых умелых лучников» обычным путем («отобрать, испытать и поставить в строй») и еще «сто лучших и самых умелых лучников,

каких можно найти в графстве». Кроме того, требования принца было положено удовлетворять в первую очередь, раньше всех остальных. Из Флинтшира было решено набрать сто лучников, а из Северного Уэльса — сто сорок солдат (неясно, были они лучниками или нет).

Во главе чеширских солдат должны были стоять от сотни (то есть округа. — *Пер.*) Меклсфилд — сэр Джон Найд и Роберт Лег; от сотни Эддисбери — Роберт Браун; от сотен Виррел и Брокстон (совместно) — Хамо де Мески и Хью Голбурн; от сотни Нентвич — сэр Джон Гриффин. Солдат из Северного Уэльса должен был вести Грону ап Гриффит. Для солдат из Флинтшира не назван ни один начальник.

Рыцари получали 2 *s.* в день, оруженосцы и Грону ап Гриффит 1 *s.* в день, чеширские лучники 6 *d.* в день, лучники из Флинтшира и солдаты из Северного Уэльса 3 *d.* в день. Был также один валлийский священник, получавший 6 *d.* в день.

Солдатам были выданы обычные бело-зеленые мундиры и шляпы — один комплект форменной одежды для каждого солдата.

Все три отряда должны были направиться в Плимут, и солдаты из Чешира должны были дойти до этого порта к середине июля. В пути они должны были как-то кормиться, и потому им, как обычно, жалованье было выдано вперед — лучникам из Чешира и Флинтшира за двадцать один день, солдатам из Северного Уэльса (чей путь был, однако, длиннее) за десять дней, рыцарям за столько дней, сколько пройдет от их отъезда из дома до прибытия в Плимут, — формулировка слишком расплывчатая, но, вероятно, срок устанавливался в соглашении, которое заключал с рыцарем управляющий городом Честер. Сэр Хоуэлл ап Гриффит должен был проделать свой путь «за разумное число дней (жалованье ему заплатил управляющий Северным Уэльсом). Рыцари, кроме того, получили вперед плату за полгода службы.

Тем, кто поступил в войско принца, были выданы охранные грамоты, которые действовали до середины

июня 1356 года, а у некоторых грамот, составленных позже, срок действия продолжался до 28 июля 1356 года.

Из Честера большая проезжая дорога вела в Шрусбери, а затем по долине Северна через Бриджнорт, Вустер, Тьюксбери и Глостер в Бристоль. Очень вероятно, что интересующие нас солдаты отправились в путь именно по этой дороге. В Эксетере они вышли бы на дорогу, которая шла от Лондона через Солсбери, Шафтсбери и Йовил до Плимута.

Расстояние от Честера до Плимута — примерно 275 миль. Получается, солдатам, чтобы уложиться в оплаченное время, надо было проходить примерно 13 миль (около 21 км) в день. Идти было легко, светлых часов в сутках было много, и эта задача была вполне по силам этим людям — при достаточном количестве еды. Возможно, кому-то из лучников приходилось стрелять кроликов, снимать с них шкуру и готовить мясо.

Что же касается солдат из Северного Уэльса, то если действительно им выплатили вперед на такой долгий путь жалованье только за десять дней, пришлось, возможно, перенести большие лишения. Может быть, наместник Северного Уэльса еще раньше отослал принцу так много денег из текущих доходов, что не смог оплатить солдатам столько дней, сколько оплатил наместник Честера. Ведь и в Честере было бы невозможно выплатить такие большие суммы, если бы там не были под рукой деньги, собранные, когда жители графства уплатили большие штрафы, наложенные на них в 1353 году.

Операция по набору солдат прошла не совсем гладко. Хотя и было объявлено, что нужды принца следует удовлетворять в первую очередь, есть данные о том, что некоторые чеширские лучники, которые были «отобраны, проверены и поставлены в строй», чтобы идти на войну в его войске, вступили в отряды других командиров. Роберт де Фулсхерст (или Фулшерст. — *Пер.*) служил королю под командованием другого военачальника, то ли получив на это разрешение, то ли нет, а некоторые солдаты перешли в войско Генриха, герцога

Ланкастерского. До отплытия армии из Плимута небольшое число солдат было признано слишком большими, чтобы отправиться вместе со своими товарищами во Францию, а некоторые дезертировали — около двадцати флинтширцев, четырнадцать солдат из Северного Уэльса и четыре из Чешира. Среди четверых чеширцев был некий Ричард из Вистастона, который исчез и унес с собой 6 л. денег, полученных в качестве жалованья «для себя и своих спутников».

Чеширские лучники были первой группой солдат, следовавших за принцем. Второй группой были люди, набранные способом, который в то время становился нормой. Их набирали не по поручению о поставке солдат в войско и не обязательно из какой-то определенной области; они не были и феодальным ополчением, потому что время, когда бойцы, составлявшие эту громоздкую структуру, действительно служили как солдаты, уже прошло. На смену феодальному ополчению приходила — и к 1350-м годам уже пришла — система военной службы, согласно которой солдаты служили добровольно, и все служившие в войсках, даже крупнейшие феодалы, получали за это плату. Такие нововведения давали возможность набирать войска для более удаленных театров военных действий, повысить дисциплину и принять в армию людей, которых по какой-либо причине привлекала жизнь солдата. Служба за морем была основана на контрактах (имевшего форму договора за печатью) между королем и частными лицами. В таком контракте указывалось число солдат (отдельно для каждой категории), которых следует привести, срок службы, иногда место, где эти солдаты будут служить, и всегда сумма жалованья и размер «наградных» платежей, то есть премий. В контракте также оговаривалась (или подразумевалась) выплата компенсации за лошадей, погибших во время войны, и мог быть установлен порядок распределения «военных выгод». Войска, набранные таким способом, оставались под началом того, кто заключил договор с королем, и командующий сам выпла-

чивал своим подчиненным жалование (которое лично получал от короля для всего своего отряда вперед — к примеру, за следующую четверть или половину года).

С середины 1340-х годов, когда возникла необходимость отправлять военные экспедиции в Гасконь, Шотландию, Пикардию и Бретань, эта система стала применяться шире, и число солдат, которых аристократ или рыцарь должен был по контракту набрать или держать в готовности, могло быть большим. Например, Ральф, граф Стаффорд в 1354 году согласился «до конца своей жизни оставаться с королем во главе ста вооруженных людей в военное и мирное время».

Подобные договоры, скрепленные печатью, заключались и с людьми, служившими у принца. В 1347 году сэр Джон Хайд, сэр Джон Уиллоуби и сэр Томас Фернивел поступили на службу к принцу на один год, а сэр Джон Фицуолтер на полгода. Условия договора включали для каждого из рыцарей размер его жалования, количество людей, которые должны его сопровождать, договоренности о поставке продовольствия рыцарям и их солдатам, размер жалования солдат и в некоторых случаях количество лошадей и условия их содержания. В 1353 году сэр Джон Сюлли был пожизненно зачислен «в особую свиту принца в военное и мирное время, в сопровождении одного оруженосца». Условия договора с этим дворянином служат примером того, какова была основная обстановка жизни рыцаря в то время. Его жалование составляло 40 *l.* в год, которые следовало уплатить из доходов, полученных с одного поместья в Девоншире, которое принадлежало герцогству Корнуоллскому. В мирное время он и его оруженосец «будут есть в зале, а его управляющий будет есть в зале или получать жалование в размере 2 *d.* в день. Он будет иметь пять коней, которых будут кормить сеном и овсом и подковывать, и четырех конюхов... Во время войны он будет получать продовольствие при дворе или получать жалование натурой или деньгами... и будет иметь девять коней... Сам он будет получать верховых коней от прин-

ца... Если его вызовут к принцу, ему возместят дорожные расходы».

Вторую группу тех, кто следовал лично за принцем, составляли тяжелая кавалерия и лучники, нанятые командирами, заключившими с принцем договоры на поставку того или иного числа солдат. Имена многих из этих людей встречаются в записях Хенкстуорта. Им платили стандартное жалованье (рыцари получали в день 2 *s.*, тяжеловооруженные всадники 1 *s.*, конные лучники 6 *d.* и пешие лучники 3 *d.*). Их общая численность не указана, но известно, что общее число этих солдат, чеширских лучников и людей самого принца, было 433 тяжеловооруженных всадника, 400 конных лучников и 300 пеших лучников, а потому возможен приблизительный подсчет.

Третью группу составляли слуги и чиновники принца, которые не были наняты для экспедиции, а сопровождали его, исполняя свои обычные обязанности. Имена некоторых из них будут названы на одной из последующих страниц этой книги.

Перейдем от тех, кто следовал за самим принцем, к свитам крупных феодалов, назначенных сопровождать его, а именно: графов Уорвика, Суффолка, Оксфорда и Солсбери, сэра Джона де Лайла и сэра Реджинальда Кобхема. Отряд де Лайла насчитывал 100 человек; в это число входили он сам, 20 рыцарей, 39 оруженосцев и 40 конных лучников. Численность других отрядов неизвестна, но они должны были быть крупнее — вероятно, намного крупнее. С их знатными предводителями были заключены договоры — в том смысле, в котором мы употребили эти слова немного раньше. Они получили от короля жалованье за полгода вперед и отправились в путь так, чтобы достичь порта в июле. Де Лайл и его люди прибыли на место 9 июля.

Попытки установить общую численность экспедиционной армии основаны на трех источниках. Во-пер-

вых, летописцы в своих хрониках называют цифры: Эвесбери сообщает о 1000 тяжеловооруженных всадников, 2000 лучников и большом отряде валлийцев. Найтон говорит про 800 тяжеловооруженных всадников и 1400 лучников. Уолсингем пишет, что в войске было 1000 лучников и 1000 тяжеловооруженных всадников. Во-вторых, договор за печатью между королем и принцем, датированный 10 июля 1355 года (к этому времени подготовка могла считаться завершенной), содержит указание, что армия состояла из свиты принца, в которую входили 433 тяжеловооруженных всадника и 700 лучников (из них 400 конных и 300 пеших), и отрядов крупных феодалов. В-третьих, были сделаны остроумные, но не доведенные до полного завершения попытки определить количество людей в свитах крупных феодалов по различным «наградным» выплатам и платежам за морские перевозки. Эти расчеты слишком сложны, чтобы приводить их здесь, но конечный результат можно сформулировать так: общая численность армии принца была около 2600 человек. Если делить их по «родам войск», то армия включала чуть больше 1000 тяжеловооруженных всадников, 1000 конных лучников, от 300 до 400 пеших лучников и около 170 валлийцев.

Войско, имевшее эту структуру, состояло вовсе не из безымянных бойцов. Авторы хроник называют имена многих знатных господ и мелкопоместных дворян, а в записях сохранились имена нескольких сотен других участников похода. Предоставление охранных грамот, выдача наград за хорошую службу, назначение поверенных (которые по закону получали право действовать от имени солдата на то время, когда он будет находиться за пределами Англии) — все это зафиксировано в документах. Даже дезертиры и больные, вернувшиеся домой из Плимута, названы по именам, а дневник Хенкстуорта содержит сведения о многих десятках других людей.

Состав этого войска был, вероятно, достаточно типичным для экспедиционных армий того времени. Поскольку король и герцог Ланкастерский были заняты

другими делами, главой армии стал принц. С ним были, с одной стороны, четыре виднейших аристократа и, с другой, лучники с берегов рек Ди, Мерси и Уивера. К ним было добавлено по горстке людей почти из каждого графства страны. Жители пограничных с Шотландией земель должны были выполнять другую обязанность — охранять Англию от нападений с севера, но из Уэстморленда приехал рыцарь Роджер де Клифффорд, который поступил в отряд графа Уорвика, а из Йоркшира явились несколько человек более низкого происхождения¹. Было также несколько иностранцев, отнесенных к категории *Almains* («германцы». — *Пер.*)². Если характеризовать солдат этой армии не по тому, откуда они прибыли, и не по общественному положению, то нужно сказать, что среди них был, пожалуй, слишком большой процент людей, обвиненных в убийствах. Другие были обвинены в кражах, изнасилованиях, похищениях людей, побегах из тюрем. Было и несколько людей, против которых служители закона вот-вот должны были пустить в ход свою чиновничью машину, и им нужно было получить отсрочку приговора. Но в одном отношении армия принца не была типичной: военачальники того времени обычно не имели в своем войске и конных, и пеших лучников одновременно. Основной упор явно был сделан на лучников, и это, в сочетании с отсутствием минеров и умелых ремесленников (которых использовали в осадных операциях), а также саперов (которые прокладывали дорогу телегам больших обозов), может говорить о том, какого рода боевые действия англичане предполагали вести в Гаскони.

Иногда общение между солдатами из разных составных частей армии было затруднено. Валлийцев и англичан разделял языковой барьер, но даже между уроженцами северных и южных графств Англии была большая разница и в словарном составе языка, и в произноше-

¹ Например, люди из Кингстон-апон-Халла и Свайнфлита, которые были прощены.

² Они могли присоединиться к армии в Бордо.

нии; а принц и графы говорили на англо-нормандском языке, принятом при английском дворе (т. е. на французском языке. — *Ред.*). Вероятно, они понимали английский язык (Фруассар отметил один случай через несколько лет после этой экспедиции, когда принц говорил по-английски). Прибыв в Бордо, предводители англичан должны были работать с гасконскими дворянами, которые говорили на французском диалекте юго-запада Франции. Некоторые из гасконских солдат говорили на беарнском диалекте. Венгфельд, Бургерш, Чендос, Лоринг и другие приближенные принца, должно быть, говорили и по-английски, и по-французски¹.

Все четыре знатнейших аристократа, сопровождавшие принца, участвовали в той военной кампании, во время которой произошло сражение при Креси. Роберту де Аффорду (или Уффорду), графу Суффолку было уже пятьдесят семь лет, Томасу Бошану, графу Уорвику — сорок два, Джону де Виру, графу Оксфорду — тоже сорок два, а Уильяму Монтакуту, графу Солсбери — только двадцать восемь. В марте предыдущего года (до официального разрыва отношений с Францией) были отданы приказы собрать караван кораблей, чтобы доставить Уорвика и остальных в Гасконь. Но в действительности Уорвик приплыл туда с основной частью армии. Оксфорд раньше уже служил в Гиени под командованием Дерби (будущего Ланкастера). Суффолк уже долгое время служил и как военный, и как дипломат. В 1340 году он оказался в плену у французов, которые держали его в тюрьме в Париже, и был освобожден, уплатив большой выкуп, в который сам король внес свой вклад — 500 *l*.

Хотя графы благодаря высокому сану и большим свитам занимали видные места в армии принца, рядом находилась группа людей, чьи способности, знания и опыт делали их ценными участниками совета и организаторами деловой стороны экспедиции. Сэр Джеймс Одли, сэр

¹ Основная часть реестра Черного принца составлена на французском языке.

Ричард Стаффорд и сэр Джон Чендос тоже сражались при Креси. Одли, доблестный солдат, владевший землями на севере Стаффордшира и в Девоне, много лет находился на службе у короля. Стаффорд (брат Ральфа, графа Стаффорда) служил под командованием Дерби в Гаскони, а затем на разных должностях — у принца. Он был в числе тех, кому было поручено осмотреть земли принца, когда тот только что стал принцем Уэльским, а позже он сопровождал сэра Уильяма Шерсхалла на выездную сессию суда в Северный Уэльс. Чендос был хранителем и главным управляющим обширных лесов, принадлежавших принцу в Чешире.

В отряде принца было много и других людей, которых он много лет знал как своих чиновников или друзей. Главными из них были сэр Джон Венгфельд, начальник его администрации (который в 1358 году был назван «управляющий делами принца»); сэр Балдуин Ботетур, главный смотритель парадных коней принца; сэр Бартоломью де Бургерш, судья Честера; сэр Найджел Лоринг, камергер принца; сэр Стефен де Касингтон, сэр Роджер де Котсфорд, Алан Чейн, Уильям Трассел.

Среди людей из домашнего штата принца были Николас Бонд, дворянин, состоящий при покоях принца, Дитрих Дейл, привратник покоев принца; Генри де Алдрингтон (портной), Уильям де Бектон (дворецкий), Ричард Докси (пекарь), Роберт Эгрмонт (отвечал за шатер принца), Джефри Хемлин (хранитель доспехов принца), Джон Хенкстуорт (вел учет платежей), Уильям Ленч, Генри де Беркемпстед и Джон де Пелингтон (слуги). С принцем также были два монаха-проповедника и три служащих, которые упомянуты как священники приходов Колсдон, Скотер и Уитингдон.

Большинство этих аристократов, чиновников и слуг уже хорошо знали друг друга. Они благодаря своим способностям обеспечивали высокий уровень штабной работы в начинавшейся военной кампании. Нередко имена Одли и Чендоса встречаются вместе, и ясно, что, хотя

мнение графов выслушивалось с почтением, точка зрения этих двух советников с самого начала много значила для принца. «Герольд Чендос» называет их «главными советниками».

Для графов сопровождение принца в Гасконь было обязанностью, которую им полагалось выполнять согласно их званию, признанием их пригодности для войны и почетом (за что они, разумеется, получали жалование); для Чендоса, Лоринга и Стаффорда это была часть их судьбы — судьбы людей, которые делали себе карьеру на службе у принца; для Одли это было работой по профессии, за которую он ежегодно получал жалование; для преступников — возможностью оправдаться перед законом и вернуться к нормальной жизни. Но многих, должно быть, волновало что-то большее, чем обязанность, дело или избавление от ареста, — ведь, несмотря на трудности долгого пути к месту сбора, тяготы плаванья по морю и лишения военно-полевой жизни в чужой стране, экспедиция обещала приключения, возможности отличиться и даже стать богатым.

Пока аристократы и простые воины шли к Плимуту, в Лондоне были приняты меры для охраны их интересов во время их отсутствия на родине. Были выданы десятки охранных грамот, а во многих местностях были отданы распоряжения, чтобы, если против лучника или начальника солдат начато судебное разбирательство, оно было приостановлено до его возвращения.

Интересы принца тоже были старательно соблюдены. Он, Венгфельд и другие члены его совета должны были покинуть Англию на много месяцев, и следовало ожидать, что возникнут определенные трудности в управлении владениями принца, его герцогством и его графством — в первую очередь графством. На десяток заранее сделанных его чеширскими чиновниками запросов относительно лесов, замков и усадеб были присланы ясные ответы. Были также даны более подробные указания относительно дичи в лесу Меклесфилд и различных дел, которые надо было решить до возвращения принца.

Кроме того, были учтены последствия предстоящей экспедиции с человеческой и финансовой точки зрения. Многие люди, служившие в домашнем хозяйстве принца, должны были сопровождать его. Поэтому им была выделена крупная сумма денег на покупку всего нужного для экспедиции, а двум монахам-проповедникам также были выплачены деньги на необходимые приготовления. Для принца была изготовлена новая печать, которой он должен был пользоваться в Гаскони.

Одному купцу на короткий срок было дано поручение покупать золото для принца: оно было удобным для перевозки денежным средством, и его принимали в уплату за покупки по другую сторону моря.

Были выплачены военное жалованье и премии, которые назывались наградными платежами. Их общая сумма была такой:

Принц Уэльский.....	8120 <i>l.</i> 18 <i>s.</i> 0 <i>d.</i>
Граф Уорвик.....	2614 <i>l.</i> 4 <i>s.</i> 0 <i>d.</i>
Граф Суффолк.....	1428 <i>l.</i> 6 <i>s.</i> 8 <i>d.</i>
Граф Оксфорд.....	1174 <i>l.</i> 13 <i>s.</i> 10 <i>d.</i>
Граф Солсбери.....	1124 <i>l.</i> 2 <i>s.</i> 2 <i>d.</i>
Сэр Реджинальд Кобхем....	652 <i>l.</i> 0 <i>s.</i> 8 <i>d.</i>

Принц настойчиво потребовал срочного возвращения денег, которые брала у него займы его тетка, графиня Геннегау (Эно), и добился своего. Он также получил деньги, взятые в долг, в размере 500 *l.* от сэра Томаса Вогана из Ирландии. Эти деньги, возможно, были полезны, но суммы были маленькие по сравнению с теми, которые принц уже взял в долг и с ожидавшими его впереди расходами.

21 июня король сделал два распоряжения в пользу принца — пожаловал ему все деньги, которые ему самому предстояло получить по решениям, которые вынесли сэр Уильям Шерсхалл и другие судьи на заседаниях судов в Корнуолле и Девоне, а также, ввиду того, что расходы принца неизбежно должны быть выше нормы, по-

жаловал ему 1000 марок в год из таможенных сборов Лондонского порта. В этот период (конец июня и начало июля) принц уплатил многие свои долги, но ранее он много истратил на щедрые подарки, а потому его финансовое положение было непрочным. Надо было объяснить кредиторам принца, что будет с его долгами, если он погибнет в предстоящей экспедиции. И еще до отъезда принца Эдуарда из Лондона пришли королевские жалованные грамоты, в которых было объявлено, что, если принц умрет во Франции, его душеприказчики в течение трех лет после его смерти будут управлять всеми его замками, усадьбами, землями и арендными платежами в Англии, Уэльсе и других местах и выплатят долги принца из полученных доходов¹.

Последним важным делом в Лондоне было заключение договора, скрепленного печатью, между королем и принцем, где были определены полномочия принца в будущей военной экспедиции и вклад в нее короля. Договор был заключен 10 июля. А 12 июля — или около этого дня — принц покинул Лондон. Примерно 26 июля он прибыл в Плимут.

Если бы все прежние меры дали ожидаемые результаты, армия отправилась бы в море тут же. Но кораблей было недостаточно, и, видимо, нужно было какое-то время, чтобы прибыли остальные. Эта задержка (которая продолжалась целых шесть недель) имела очень негативные последствия. Она, вероятно, сильно ухудшила моральное состояние готовых к отплытию войск и, несомненно, нарушила планы намеченного на осень конного рейда, ухудшила состояние финансов принца и создала большие трудности с обеспечением солдат едой.

О неизбежных финансовых затруднениях, возникших в это время, можно судить по письму принца к управляющему Северным Уэльсом: принц сообщил, что «на-

¹ Когда принц уехал в 1359 году из Англии, этот срок был увеличен до четырех лет.

ходясь в Плимуте, должен нести больше расходов... чем ожидал», и приказал управляющему попытаться занять 100 *l.* и прислать ему эти деньги к 16 августа. Было подсчитано, что к концу сентября могли быть собраны крупные суммы денег в Чешире, Северном Уэльсе и Южном Уэльсе. Всем трем управляющим были переданы настоячивые требования сделать все возможное, чтобы эти суммы были собраны полностью и переданы главному налоговому сборщику принца. Кроме того, один из чиновников был отправлен в Дорсет для получения налогов, и шериф этого графства получил настойчивое требование срочно собрать их.

Относительно обеспечения продовольствием армий в средневековой Англии есть много данных по движению больших партий продуктов (например, об их доставке в Северный Уэльс, Шотландию и Кале), но мало известно о подробностях того, как было организовано питание солдат во время переходов и в лагерях, пока они находились в Англии. Лучники из Чешира, Флинтшира и Северного Уэльса, несомненно, сами обеспечивали себя едой во время пути на юг и запад к порту, откуда должны были отплыть. Как их кормили в Плимуте, неясно. В этом городе было около двух тысяч жителей. В море и в реке Теймар водилась рыба, но прибрежные земли вблизи этого города были бедными.

Что касается людей, находившихся непосредственно под командованием принца, то в апреле шериф Корнуолла получил несколько приказов собрать для них запас продовольствия в Плимуте, привезти необходимое количество вина из портов Дартмут, Фой и других, а также 100 четвертей овса и 100 четвертей пшеницы и хворост «в месте, которое должно находиться как можно ближе к городу и где это причинит меньше всего ущерба». Было также приказано срочно прислать список уже имеющихся запасов, а позже должны были приехать чиновники принца. Кажется, Бартоломью де Бургерш-сын или его заместитель был послан туда заранее — вероятно, чтобы выполнить приготовления, — и были отданы приказы

доставить запасы «в то место возле Плимута, где он поселится».

Если бы экспедиция отплыла вовремя, то, возможно, накопленных запасов хватило бы. Но задержка спутала все расчеты и, может быть, стала причиной уже упоминавшихся «бóльших расходов, чем ожидал» принц. Для своего домашнего хозяйства он достал общим счетом 17,5 четверти пшеницы — вероятно, в Девоне и Корнуолле. Было также получено продовольствие (какие именно продукты, не указано) из Девона, Сомерсета и Дорсета, суммарная стоимость которого равнялась 1067 *l*. Хотя были даны распоряжения своевременно уплачивать возникавшие при этих закупках долги, прошло много месяцев и возникло много недовольства из-за задержек с уплатой, прежде чем это было сделано.

В эти недели задержки принц жил в монастыре Плимpton, в четырех или пяти милях от порта, занимаясь делами Корнуоллского герцогства и своими финансами. Соотношение доходов с расходами вызывало у его кредиторов опасения, но все же принц оставлял в Англии очень подробный перечень своих займов, приобретений и подарков, которые преподнес и которые получил сам. Тем временем его солдаты ждали отправки, находясь у порта. Кони, снаряжение, доспехи, телеги, мостки были готовы. Недоставало лишь достаточного количества кораблей и попутного ветра. Армия отправилась в путь только 9 сентября.

Помимо сбора людей и вещей и их перевозки к месту отплытия, в подготовительные работы вошло заключение нескольких соглашений общего характера о ведении будущей кампании и некоторые меры, больше относящиеся к политике, чем к военным действиям.

Поневоле имея много свободного времени в дни долгой задержки в Плимуте, а затем в ходе плавания, предводители армии, должно быть, обсуждали военные операции, которые надеялись вскоре осуществить. Мало-

вероятно, чтобы король Эдуард III дал им подробные указания на этот счет. Маловероятно и то, чтобы они составляли планы действий для себя или принца — кроме, может быть, распределения войск и командиров на три отряда, из которых по традиции состояла армия. Дороги, расстояния и рельеф местности за пределами Англии были им неизвестны. В таких экспедициях войскам обычно указывали путь местные проводники, а поскольку армии «жили за счет земли, по которой шли», их маршруты во многом определялись количеством запасов, которые они могли найти в той или иной местности.

Однако для некоторых сторон этой кампании были составлены планы, которые одобрил король. Как наместник короля, принц имел очень большие полномочия в отношении управления Гасконью, ее чиновников и ее доходов. Что касалось финансовой стороны дела, то солдаты уже получили плату и «наградные» за шесть месяцев службы. На случай, если король пожелает, чтобы принц дольше оставался в Гаскони, было обещано жалование еще за шесть месяцев. В основных вопросах войны принц имел полномочия действовать по своему усмотрению. Он мог заключать краткосрочные и долгосрочные перемирия. Было решено, что в случае захвата пленных выкуп за них будет принадлежать ему, но если в его руки попадет «глава» войны (то есть французский король), этот пленник будет принадлежать королю Эдуарду III, однако принц получит достойное вознаграждение. Принц получил также некоторые из военных «выгод». Он мог раздавать в дар земли, захваченные во время войны. И наконец, если принц будет «окружен или осажден», король должен был прийти ему на выручку, и несколько знатных дворян также пообещали оказать всю возможную помощь. При таких обстоятельствах принц мог заключить перемирие или принять другие меры, которые он посчитает необходимыми.

В командовании войсками полномочиям принца не было никакого явно установленного предела. Нет ни одного упоминания о каком-либо совете при нем. А что

касается других военачальников армии, то упомянута лишь одна их роль: «Если принц в этих странах понесет какие-либо расходы по совету лордов, которым поручено отправиться с ним, эти затраты будут ему возмещены». Однако эти «лорды» были намного старше принца, и, видимо, подразумевалось, что они будут давать принцу советы не только касательно расходов, но и в других делах. В Бордо и в других местах принц созывал свой совет, в состав которого, несомненно, входили «лорды, которым поручено отправиться с ним».

Определенная подготовительная работа была проделана и в отношении более близких к политике сторон этого большого военного предприятия. В июле 1355 года был составлен ряд документов¹, определявших полномочия принца, в которых были, в неявной форме, раскрыты цели политики короля.

На первом месте было возвращение утраченных земель. Принц имел полномочия «брать в руки короля все земли, города, замки, льготы, таможенные сборы, доходы от чеканки денег и другое имущество, принадлежавшее когда-либо герцогству Гиень».

В тесной связи с этим находилось возвращение утраченных вассалов. Некоторые дворяне в тех землях, через которые должна была идти армия принца, меняли сеньора, выбирая ту из враждующих сторон, которой сопутствовала удача. Не только мелкие феодалы, но и виднейшие семьи, например семейство де Фуа, вели такую расчетливую политику, исходя только из собственных интересов. Например, в 1353 году, когда Жан д'Арманьяк собирался начать свою кампанию, некоторые феодалы, ранее перешедшие на сторону англичан, поспешили обратиться к нему с просьбой о прощении и разрешении присоединиться к французам. Принц имел полномочия решать вопросы, связанные с такой ненадежной или изменчивой верностью. Он мог принимать под защиту ко-

¹ А именно договор, скрепленный печатью, процитированный выше, и четыре документа в Гасконских списках.

роля тех, кто «желал встать или вернуться» на сторону англичан; он имел право объявлять прощение за неверность сеньору и за иные преступления, миловать приговоренных к изгнанию и объявленных вне закона, передавать земли мятежников тем, кто служил верно, или тем, кто желал присоединиться к англичанам.

Третьей целью было приобретение новых друзей и дополнительных войск. Принц имел полномочия вести переговоры и заключать соглашения с людьми любого звания из любого королевства или государства ради установления отношений прочной дружбы и верности. Он также мог принимать от дворян вассальную клятву верности как в Аквитании, так и во Франции.

К этим трем задачам могла быть прибавлена четвертая — поддержание дружеских отношений с надежными сторонниками. Семейства Бюш и Лебре все эти трудные годы оставались верны делу Англии и теперь получили награду за свое постоянство. 6 июля король Эдуард пожаловал в дар капталью де Бюшу (к а п т а л ь — редкий титул крупных феодалов на юге Франции, означавший «главный»; названный здесь де Бюш был видным участником описываемых событий и родственником упомянутой ранее семьи де Фуа. — *Пер.*) свои права в городах Бенож и Ила, соляную варницу в Бордо, замок Кастийон возле Сент-Эмильона и многие другие владения. Эти дары были преподнесены и как признание прежних заслуг, и в ожидании будущей службы. Через несколько дней после этого получили признание труды Бернара Эзи, сеньора де Лебре. За свою службу во время войн в Гаскони он уже получил дары от Генриха, графа (позже герцога) Ланкастера, и теперь король подтвердил эти акты дарения.

Хотя принц, может быть, очень смутно представлял себе характер военных операций, которые собирался вести, он получил очень ясные указания о том, какие политические задачи он должен решать. Он был наместником короля, имел в своем распоряжении все средства для управления Гасконью и должен был взять с собой из

Англии «достаточно денег для умиротворения народа этой страны (Гаскони) и других земель, которые он почитает полезными для короля». В те дни, когда принц ждал отплытия в монастыре Плимптон, его казначею были выплачены 10 000 марок, которые следовало передать из казны констеблю Бордо, — как указал принц, «чтобы расплатиться за продовольствие и заплатить жителям этих мест за содействие в войне»¹. Принцу должно было понадобиться не только полководческое искусство, но и мастерство государственного деятеля или по меньшей мере умение управлять государством.

Хотя рыцари, другая тяжеловооруженная конница и лучники прибыли в порт отплытия полностью снаряженными для войны, было очевидно, что лучникам во время кампании понадобится дополнительный запас оружия. Поэтому мы коротко расскажем об изготовлении, хранении и транспортировке луков, стрел и тетив.

Хотя в инвентарных списках имущества, хранившегося в кладовых английских замков в середине XIV века, упоминаются арбалеты, типичным боевым оружием был длинный лук. Дальнобойность у него меньше, чем у арбалета, но скорострельность выше, что делало лук грозным оружием на поле боя. Победы, которые английские войска одержали в те времена, были добыты в значительной мере благодаря умелому применению лучников во взаимодействии с конницей. Посаженные на коней, лучники становились намного мобильнее, но лук был слишком большим для стрельбы с коня, и перед боем лучники спешивались.

Изготовление луков и изготовление стрел — разные, но почти всегда связанные между собой ремесла. Изготовители луков и стрел работали на продажу; иногда они заключали договор о поставке своего товара по определенной цене, а иногда их (так же, как других ре-

¹ Казначейство (Q.R.) Отчеты E 101/26/35.

месленников) заставляли работать «за королевское жалованье».

Луки были белые или цветные, а продавались дюжинами. Стрелы обычно не делились на категории, а назывались просто стрелами. Но они могли быть «без наконечников», «с наконечниками», «с твердыми, хорошо закаленными наконечниками». Их поставляли связками по две дюжины каждая. Наконечники для стрел были кованые, но об этой работе упоминали редко. В замке Честер в 1350 году был запас из 4000 наконечников, ожидавших, когда их прикрепят к стрелам. Они стоили 52 s. 2 d. Тетивы к лукам поставляли дюжинами или большими партиями.

Большие заказы на это оружие поступали в четырех основных случаях: при снаряжении лучников, принятых на военную службу в графстве, при поставках оружия в замки, при перевозке больших партий непосредственно к месту военных действий на шотландскую границу или в один из южных английских портов для доставки во Францию и, наконец, для поддержания в порядке больших запасов оружия, хранившихся в лондонском Тауэре, который был огромным национальным арсеналом. Два эпизода показывают, каков был размер и характер заказов для Тауэра. Король Эдуард 30 января 1356 года направил из замка Бембург четырнадцати шерифам (отвечавшим за девятнадцать графств) распоряжения о поставке общим счетом 9900 связок стрел и 5600 белых луков. Половину этого оружия было приказано доставить в Лондон до Пасхи, а вторую половину — до продолжавшихся две недели праздников в честь Троицы. Второй случай произошел в 1359 году: Уильям де Ротвел, хранитель личного гардероба короля в лондонском Тауэре, получил поручение «взять в Лондоне и в других местах столько оружейников, стрельников, кузнецов и иных ремесленников и рабочих, сколько требуется для изготовления доспехов, луков, тетив, стрел, наконечников к стрелам... и дать им работу за королевское жалованье... купить и срубить лес,

пригодный для изготовления стрел... а также купить 1000 луков, белых и цветных, 10 000 связок хороших стрел и 1000 связок лучших стрел с твердыми, хорошо закаленными наконечниками... 100 больших партий тетив... перья из гусиных крыльев и прочие необходимые вещи...».

Не следует полагать, что такие приказы исполнялись или хотя бы могли быть исполнены быстро и полностью. В первом из этих двух эпизодов, то как выполнялось распоряжение, можно в значительной мере проследить по отчетам шерифов, а из них становится ясно, что лишь несколько графств поставили запрошенное количество оружия к назначенному сроку. Шерифы приобрели те запасы указанных товаров, которые были в наличии в подведомственных им землях. Они докладывали о своих закупках и ценах, о том, где оружие будет сложено, каким образом оно будет доставлено в Лондон и сколько будет стоить перевозка. Например, шериф Сомерсета и Дорсета исполнил требование поставить 300 белых луков и 400 связок стрел. Общая стоимость луков (каждый стоил 18 *d.*) была равна 22 *l.* 10 *s.*; стрелы стоили 26 *l.* 13 *s.* 4 *d.*; поставленное военное снаряжение было сложено на телеги и возы в Дорчестере и отослано в Тауэр под присмотром ехавшего верхом служителя; полная стоимость работ по сбору и доставке была равна 74 *s.* Но от Херефорда потребовали 1000 связок стрел, а поставлено было только 363 (по цене 16 *d.* каждая). А из Бедфорда и Бакингема, куда было отправлено указание поставить 600 связок, были присланы только 260 (по 18 *d.* за связку).

Именно из этих запасов, изготовленных или собранных в Тауэре, Уильям де Ротвел поставлял нужное количество оружия по приказу короля. Сколько луков, стрел и прочего было — и было ли вообще — поставлено в экспедиционную армию до ее отплытия в Бордо, я выяснить не смог. (Лучники должны были везти запас оружия с собой, а луки и стрелы, конечно, можно было достать и в Гаскони.) В начале 1356 года большие

запасы этого оружия были для войск принца изысканы в Англии и, как мы увидим позже, вместе с подкреплениями отправлены в Бордо.

В течение XIV века роль лошади постоянно повышалась. Монархи, принцы и князья, знатнейшие аристократы и сам глава Церкви окружали себя и своих посланников все большим великолепием. Достоинство знатного господина создавалось не только его придворными должностями, но и количеством его конных охранников. Епископы во время поездок в Авиньон, аббаты и приоры во время поездки в родительский дом брали с собой больше конных слуг, чем обычно. Паломничества в Кентерберии и Компостелу становились больше похожими на увеселительные прогулки: путешествовать верхом на коне не так утомительно, как странствовать пешком. Турниры сохранили свою привлекательность и стали более роскошными. Ордена Подвязки, Золотого руна и Звезды были товариществами не только умелых бойцов, но и искусных наездников. Управление конем было составной частью каждого воинского подвига. Отдавалось бесчисленное множество указаний насчет овса, сена, подстилки и сбруи для лошадей.

Изменения в военном искусстве и структуре армий также увеличили значение лошади. Вошло в обычай сажать на коней всех лучников или их часть. Война все больше принимала форму опустошения обширных территорий быстро продвигавшимися войсками. Поэтому армиям было нужно больше лошадей на каждые сто воинов, чем в предыдущем веке. Кроме того, увеличившийся вес рыцарских доспехов и появление доспехов для лошадей создали потребность в крепких телом конях, которые назывались боевыми, и некоторые из них стоили очень дорого. Вьючные и ломовые лошади по-прежнему были необходимы.

Доля в общем числе лошадей верховых, вьючных и тянувших телеги или возы была, несомненно, в разных

случаях очень разной. Фруассар, описывая войну на шотландской границе в 1327 году, сообщает, что шотландцы обходились без транспортных средств и без приспособлений для приготовления еды, а англичане, отправляясь в поход, взяли с собой телеги и палатки, но оставили их в Дареме. Однако для кампании 1359 года англичане взяли с собой во Францию очень много хозяйственных вещей (посуду для приготовления еды, палатки, кузницы, ручные мельницы) и перевозили их на запряженных четырьмя лошадьми телегах, тоже доставленных из Англии. Обычная военная кампания была в этом отношении посередине между этими двумя крайностями: транспортные средства использовали каждый раз, когда дорога была проходима для колесных повозок. Некоторые телеги или возы могли быть специально сделаны для применения за морем. Доспехи, запас стрел, некоторое количество подков и гвоздей и немного еды и вина нужно было перевозить почти везде.

Для разведения лошадей король имел конные заводы, за которыми надзирали специальные чиновники. У принца были племенные жеребцы в Меклесфилде, Байфлите, Принсес-Рисборо и Уокинге. Он покупал десятки лошадей (и дарил тоже десятки). Но, разумеется, поставка лошадей для армии была делом не для короля или принца. Лошадь была составной частью той службы, которую были обязаны выполнять те, кто занимал земли согласно феодальному договору; лошадь стала — или могла стать — частью службы, выполняемой по договору. Феодал заключал договор о том, что он предоставит своему сеньору определенное число воинов и лошадей на тот или иной срок. Король же давал обязательство выплатить компенсацию за лошадей, погибших во время войны.

Эта явно необходимая гарантия низшей договаривающейся стороне от высшей привела к установлению правила, по которому стоимость лошадей, принимаемых на службу, определяли путем официальной оценки, чтобы защитить короля от обмана. Эту работу вы-

полняли (обычно в порту, где армия грузилась на корабли) специально обученный служащий и хорошо разбирающийся в этом деле рыцарь. На лошадях ставили хорошо видимые метки, и список лошадей (где были указаны владелец, масть животного и его стоимость) отправляли королю. Этот же принцип был применен в договорах, скрепленных печатью, которые принц заключил со многими рыцарями. Если лошади погибали во время войны, нужно было отправить просьбу о возмещении ущерба, и после должной проверки (а часто и после большой задержки) владельцу выплачивали возмещение¹.

Для подготовки кампании во Франции было необходимо осуществить еще две меры: король взял на себя предоставление транспорта для лошадей и расходы по их перевозке на кораблях, а также обеспечение армии приспособлениями для погрузки лошадей на корабли.

Наконец, нужно упомянуть еще одну принятую меру. В любое время, когда король считал необходимым, экспорт лошадей мог быть запрещен или ограничен так, что можно было экспортировать только дешевых животных; то, как выполнялся этот запрет, можно было проверить с помощью приказа тому органу власти, который управлял портом, присылать раз в год отчет о количестве лошадей, которые прошли через порт в течение предыдущего года.

Такой запрет был объявлен в январе 1355 года, когда власти Пяти портов (союз портовых городов графств Кент и Суссекс, существовавший еще до завоевания Англии нормандцами. Первоначально их было пять — Гастингс, Хит, Нью-Ромни, Дувр и Сэндвич. Союз существует и теперь, в нем 14 городов, но он уже давно не играет такой важной роли, как в Средние века. — *Пер.*), Бостона, Кингстон-апон-Халла (Гулля) и десяти

¹ Некоторые примеры, относящиеся к экспедиции 1355—1357 годов, можно найти в *В.Р.Р.* Сэр Уильям Трассел в трогательном письме от 1358 года перечисляет шесть своих лошадей, которых потерял на военной службе, и умоляет заплатить за них.

других портов получили указания препятствовать перевозке лошадей на кораблях с целью продажи и разрешать перевозку лишь лошадей мелких пород.

К несчастью, невозможно отыскать какие-либо подробности ни о том, откуда были поставлены лошади, ни о количестве и цене лошадей, взятых в экспедицию принца в 1355 году. Его собственному отряду было нужно самое меньшее 833 лошади — по одной для 433 тяжеловооруженных всадников и для 400 конных лучников, которых принц должен был обеспечивать лошадьми согласно договорам. К этому следует прибавить лошадей для тяжеловооруженных всадников (а возможно, и для конных лучников) из отрядов знатнейших спутников принца, лошадей для части людей из его хозяйства и администрации и лошадей для рыцарей, взятых на службу на время или пожизненно, а также для их конюхов.

Шорник Лэмкин, у которого принц незадолго до этого приобрел седла, уздечки и другие части сбруи, поставил для экспедиции в Гасконь несколько седел.

Поручение оценивать и помечать лошадей получили Джон Дейнкурт и еще три человека¹. Но существовала договоренность (между королем и принцем), что, если тяжеловооруженные конники предпочтут покупать себе лошадей в Гаскони, то могут сделать это, а оценивать этих лошадей будет констебль Бордо. Этот констебль также должен был оценивать и метить лошадей, которых тяжеловооруженные всадники иногда покупали, чтобы возместить понесенные в ходе войны потери. Принц должен был получить денежную компенсацию за все потери, подтвержденные в установленном порядке.

Разрешение покупать лошадей не в Англии, а в Гаскони могло быть принято, чтобы облегчить приобретение лошадей, которых трудно было достать в Англии, и уменьшить необходимость в морских перевозках в

¹ Отчет Дейнкурта показывает, что он приезжал в Плимут. О Саутгемптоне он не упоминает.

то время, когда шла подготовка еще двух экспедиций. (Экспедиция герцога Ланкастерского отплыла из устья Темзы в июле без лошадей.) Поскольку разрешение касалось только тяжеловооруженных конников, можно предположить, что лошади для конных лучников были собраны в Плимуте вместе с лошадьми военачальников. Насколько мне известно, не сохранилось ни одного экземпляра списка оцененных и помеченных лошадей; я также не смог найти никаких данных о корме, который взяли на корабли, чтобы давать его лошадям во время плавания. В составе экспедиции из Англии отправились и два коновала.

Погрузку лошадей на корабли в Плимуте мы обсудим позже.

Транспортировка английской армии через море в середине XIV века происходила так: выбирали порт, где войско должно было погрузиться на суда; власть реквизировала подходящие корабли; для них нанимали или вербовали насильно моряков; реквизированные корабли и вместе с ними несколько «королевских кораблей» отправлялись в выбранный порт; принимались меры для того, чтобы скоординировать прибытие войск, лошадей и грузов с прибытием кораблей.

Состояние гаваней и портовых сооружений до сих пор недостаточно исследовано, и потому нельзя показать, как легкость погрузки определяла выбор порта. В некоторых портах были построены причалы, в некоторых применялись лебедки, в некоторых были лоцманы. В разное время пунктами отправления экспедиций, отплывавших во Францию, были устье Темзы, Сэндвич, Портсмут, Саутгемптон и Плимут. Из Честера отправлялись по морю войска в Ирландию, экспедиция графа Дерби в 1345 году отплыла в Гасконь из Саутгемптона, а большая армия короля в 1346 году из Портсмута.

В мирное время королевские приставы получали указания «арестовывать» корабли для перевозки назначен-

ных должностных лиц к месту их службы в Аквитанию или Ирландию или для перевозки продовольствия в королевские замки, расположенные во Франции. Во время войн эти приставы получали более широкие права, а иногда назначались «адмиралы» для группы портов «к северу от Темзы» или «к западу от Темзы». Эти адмиралы (или их заместители) имели право не только арестовывать корабли и насильно вербовать моряков, но также имели дисциплинарную власть над всеми людьми, служившими на флоте, и проводили в жизнь законы, которые были одной из форм морского права.

Таким образом, за 1340-е и 1350-е годы судовладельцы и капитаны судов привыкли к тому, что в дни перемирия может быть реквизировано небольшое число судов, а в трудное время у них могут потребовать все суда, грузоподъемность которых превышает определенную, указанную в документах величину. Корабли, которые перевозили шерсть во Фландрию, продовольствие в Кале, зерно и соленую рыбу в Гасконь, а также те, которые курсировали между английскими портами, вдруг оказывались переброшенными с торговли на обслуживание потребностей войны. Поскольку кораблям часто приходилось подолгу ждать ветра, то очевидно, что невозможно было точно предсказать заранее ни день их реквизиции, ни день их прибытия в выбранный порт, ни день отплытия самой экспедиции.

Купеческие корабли, вероятно, достаточно хорошо служили в качестве транспортных судов. Военные запасы и снаряжение мало отличались от обычных грузов, плавание через Ла-Манш или через Ирландское море было коротким, дорожные неудобства можно было вытерпеть. Но чтобы переправить по морю большое число лошадей, необходимо было принимать специальные меры.

В некоторых случаях купеческие корабли были «снаряжены для королевской службы», то есть приспособлены для защиты и нападения. Война на море была похожа на сухопутные сражения тем, что бой начинал-

ся с обстрела противника стрелами и камнями, в морском сражении этот обстрел продолжался, пока корабли не сцеплялись один с другим, а затем начинался рукопашный бой. Поэтому высокая палуба была преимуществом для лучников, а с высоты мачт можно было метать стрелы или камни. Поэтому некоторые купеческие суда были отняты у торговли; высоту носовой и кормовой частей их корпуса увеличили, и на этих более высоких участках положили между бортами настилы из брусьев, которые стали полами башенок-укреплений, а борта кораблей были усилены планками, закрепляемыми под брусьями пола.

Был также третий род судов — корабли, построенные специально для войны, хотя иногда их могли использовать для перевозки грузов. На таких судах уже при постройке делали башенки-укрепления на корме и носу и «вороньи гнезда» — наблюдательные посты на мачтах. Как правило, эти суда были большими. Они были ядром королевского флота и были известны под названием «королевские корабли».

Сохранилось очень мало точных изображений типичных английских кораблей того времени. На тогдашних монетах и на печатях многих портов Ла-Манша есть изображения кораблей, но эти свидетельства нельзя считать точными. Художники не были специалистами по кораблям, имели очень мало места для рисунка, должны были приспособить рисунок к круглой рамке, и для них декоративность и символика изображения были важнее, чем его соответствие оригиналу. Прекрасные иллюстрации к хроникам Фруассара относятся в основном к XV веку и по большей части сделаны художниками из континентальной Европы. Английские корабли, которые использовались как транспортные суда для армий в середине XIV века, сильно различались между собой по водоизмещению. У немногих из них оно могло быть около 200 тонн, у подавляющего большинства было меньше 100 тонн, а у многих всего 50. У корабля была одна мачта и один большой квадратный парус, клюз для якорно-

го троса, большое количество разнообразной оснастки. В это время руль уже пришел на смену рулевому веслу¹.

Значительную часть той работы, которой в наше время занимается адмиралтейство, тогда осуществлял управляющий королевскими кораблями из своей конторы в лондонском Тауэре. Он руководил перестройкой купеческих судов для войны, постройкой королевских кораблей и закупкой всех видов снаряжения для тех судов, которые использовались на королевской службе, кроме приспособлений, необходимых для перевозки лошадей.

Для погрузки лошадей на суда изготавливались специальные мостки (*pontes*). Они были достаточно широкими, чтобы по ним могли проехать телеги. Возможно, эти телеги были нагружены продовольствием или вещами и предназначались для обоза воюющих во Франции войск. Поскольку мостки заказывали при каждой перевозке большого числа лошадей, они, видимо, не были частью портового оборудования.

И наконец, для судов, перевозивших лошадей, были сделаны сотни плетеных перегородок размером 7 или 7,5 фута на 4 или 4,5 фута. Когда лошадей в большом количестве доставляли в порт, где им, возможно, приходилось ждать много дней или даже недель, прежде чем их погрузят на корабль, для них нужно было отгородить место, и переносные плетни были необходимы. Они были нужны и после прибытия на место, когда лошадей сводили на берег и давали им время восстановить силы после переезда. Однако главным назначением перегородок было отделять лошадей одну от другой на корабле. В более близкие к нам времена эту задачу решали с помощью планок, подвешенных к крыше или потолку. Я не смог выяснить, каким образом перегородки закреплялись на своих местах.

¹ Изображения английских кораблей того времени, современные самим кораблям, можно увидеть на золотых кораблях Эдуарда III. Однако сейчас эти изображения признаны «искаженными и условными...». Более надежный способ — проследить эволюцию судов.

Поставка мостков и перегородок была обязанностью шерифов прибрежных графств, которые получали соответствующие указания непосредственно от короля.

Суда, полученные и приспособленные таким образом для перевозки экспедиционной армии, нужно было, разумеется, обеспечить командами, и, хотя обычно моряки, видимо, нанимались на корабли добровольно, капитаны выбранных кораблей имели разрешение принудительно вербовать в определенных, указанных в разрешении графствах столько людей, сколько им было нужно для команды корабля. Команды были, по современным меркам, большие, и все члены команды получали одинаковое жалованье.

Уже 14 апреля принц увидел, что часть его армии собралась в Плимуте. Поскольку статистических данных нет, не следует делать из этого вывод, что Плимут в то время был самым крупным портом юго-запада Англии. Однако он был самым западным из тех портов, в которые можно было без слишком больших усилий добраться из любой точки Англии; и если учесть, как проходили морские пути в Средние века, его преимущество перед Саутгемптоном в отношении близости к Бордо было больше, чем сейчас. К середине XIV века из Плимута стали часто, но далеко не всегда, отплывать корабли, которые направлялись в Бордо по делам короля. Из Плимута отплыли дочь короля Джоанна в 1347 году и другая его дочь, Изабелла, в 1351-м. Бернар, сеньор ле Бре, отплыл из этого же порта в 1352 году; именно в Плимуте был собран флот королевских кораблей в 1354 году. С другой стороны, «арестовать» корабли было легче в более оживленном порту — таком, как Саутгемптон.

Именно из Плимута отплыл сам принц, но есть много данных о том, что немалая часть кораблей для экспедиции была собрана в Саутгемптоне. Возможно даже, что несколько кораблей, предназначенных для доставки английских войск в Гасконь, ждали отправления в Саутгемптоне уже в конце апреля, поскольку 10 марта

было отдано несколько приказов реквизировать в южных портах корабли грузоподъемностью в тридцать и более тонн для Уорвика и других знатнейших аристократов, но Уорвик не отплыл. 27 апреля были отданы распоряжения собирать флот для экспедиции принца; корабли для этого флота могли быть реквизированы почти во всех портах Англии, и направлять их следовало именно в Саутгемптон. 6 мая шерифу Саутгемптона было отдано распоряжение послать в Саутгемптонский порт перегородки и мостки для погрузки на корабли лошадей, принадлежащих графам Уорвику и Суффолку; а список платежей показывает, что 8 мая в этом порту находилось сорок четыре корабля, предназначенные для нужд принца. Более того, 31 мая Джон Дейнкурт (заместитель адмирала на северном направлении) приступил к выполнению своих обязанностей в связи с этой экспедицией тоже в Саутгемптоне.

С другой стороны, хотя я не смог найти никаких сведений об отдаче приказов собрать суда в Плимуте, нет сомнений в том, что там ожидали прибытия кораблей, поскольку 6 мая шерифы Корнуолла и Девона получили указания прислать в Плимут перегородки и мостки для погрузки на корабли лошадей принца. Более того, когда в июле прибыл из Байонны король Наваррский с несколькими кораблями, были даны указания, чтобы эти корабли были включены во флот, запрошенный для принца, «в Саутгемптоне или Плимуте, как укажет податель этих писем».

Итак, корабли собирались в обоих портах. Экспедиция Уорвика должна была стать частью экспедиции принца. Корабли, реквизированные для Уорвика, были взяты во флот принца и позже считались частью этого флота. Несомненно, предполагалось, что лошади Уорвика и Суффолка будут погружены на суда в Саутгемптоне. Возможно, Уорвик, Суффолк и их свиты тоже сели на корабли в этом порту. Принц, когда корабль *Saint Esprit* был выбран на роль его «зала», написал из Плимптона (где он ждал отплытия и откуда мог видеть Плимут) мэру

Саутгемптона, приказывая ему сделать несколько изменений на этом корабле. И затем именно мэр Саутгемптона, Джон Клерк, командовал кораблем, на котором принц отплыл в Бордо.

Все меры, которые администраторы могли осуществить, чтобы добыть подходящие суда, принудительно завербовать на них моряков и поставить на корабли приспособления для перевозки лошадей, выполнялись своевременно, и в приказах на этот счет чувствуется настойчивость. Корабли должны были прибыть в порт погрузки к 11 июня, и в начале мая на корабли, которые уже собирались там, был послан чиновник, чтобы выплатить морякам жалованье непосредственно на судах.

Уильям из Уолклейти был послан в Слэйс, чтобы привести оттуда в Англию корабль *Big Cog*, чтобы тот к празднику Троицы был готов нести службу везде, где он может понадобиться. Кроме него, нужно было обеспечить командами и подготовить для несения службы корабли *Margaret of the Tower*, *James* и *Giliane*. Добрые жители Эксетера получили указание к середине лета построить судно и обеспечить его командой.

Подробные указания были даны о том, как приспособить корабли к перевозке лошадей. Шерифы Корнуолла, Девона и Саутгемптона получили приказы поставить каждый 2500 перегородок и 15 мостков. Часть мостков должны были иметь длину 20 футов, а часть — 15 футов. То, что было заказано в Корнуолле и Девоне, нужно было изготовить как можно скорее и к 14 июня доставить в Плимутский порт к Генри ле Хью. То, что должно быть изготовлено в Саутгемптоне, нужно было доставить в порт этого города к этому же дню¹.

¹ Gascon Rolls. 29 Ed. III, т. II. Лонгмен (Эдуард III, т. I, с. 364), очевидно, ошибается. Он сообщает, что тысячи плетеных перегородок или фашин (тугие связки прутьев или хвоста. — *Пер.*) были заказаны... для перехода через болота, защиты лучников и использования как прикрытие для движущихся башен. Здесь (и во всех подобных записях того времени) ясно сказано, что перегородки предназначены *pro eskipamento equorum* (*лат.* «для перевозки на кораблях лошадей». — *Пер.*) Отчет шерифа Корнуолла позволяет судить о расходах на выполнение этого приказа: дерево

Но срочность выполнения приказов, видимо, была связана с факторами, которые определяли их выполнение, а именно с погодой и процессом набора судов. Один корабль за другим приходил в тот или иной порт, там его «арестовывал» сам адмирал или тот, кто действовал от имени адмирала. Корабль разгружали, капитан сообщал о том, сколько людей ему нужно, чтобы вести свое судно в Гасконь. Адмирал сам разрешал принудительную вербовку людей в том или ином графстве, но посылал сообщение в Лондон; создавалась вербовочная комиссия. Получив людей для своей команды и определенное количество продовольствия, капитан отправлялся в Саутгемптон или Плимут.

Хорошо известно, что принц отплыл из Англии позже намеченного срока, и свидетельства хроник много раз приводили к выводу, что единственной причиной этой задержки были длительные «неблагоприятные ветра». И в самом деле, отсчитав сорок дней назад от 8 сентября, можно прийти к заключению, что флот, уже собранный в Плимуте и готовый отплыть, с конца июля стоял в гавани, дожидаясь, пока изменится погода.

На самом деле все было не так просто. Неблагоприятный ветер мог поставить под угрозу или отсрочить отплытие любой экспедиционной армии: в 1346 году король «медлил, ожидая ветра», а погода в июле 1355 года была действительно неподходящей для флота, собиравшегося отплыть в Гасконь. Принц сам упоминал об этом, и эти ветра помешали движению экспедиции Генриха, герцога Ланкастерского, который 10 июля отплыл вниз по Темзе, затем пытался плыть на юго-запад через Ла-Манш, но не смог. Однако принц упомянул и еще об одной причине: в конце июля кораблей, пришедших в Плимут, было еще недостаточно, чтобы перевезти его армию. Это тоже можно частично объяснить погодой: корабли, реквизируемые в портах восточного и юж-

и гвозди для мостков вместе со стоимостью их перевозки стоили 8 *l.* 8 *s.* 6 *d.* Расходы на перегородки (включая плату двоим людям, которые доставили их в Плимут) составили 57 *l.* 3 *s.* 6 *d.*

ного побережья, не успели отправиться в Плимут до начала июльских ветров, они могли идти по Ла-Маншу против штормового ветра лишь с огромным трудом.

Однако эту ситуацию надо рассматривать всю в целом. Одновременно шли работы по снаряжению и отправке двух экспедиционных армий, погрузке этих войск на корабли в трех портах, расположенных на значительном удалении один от другого, и подготовке третьей, осенней экспедиции. Действиям аппарата управления мешала низкая скорость тогдашних средств сообщения, а также то, что корабли реквизировались по одному, по мере того, как приходили в порт, а дату прихода невозможно было предсказать. Конечно, неблагоприятная погода играла роль в задержке, но в тогдашних условиях невозможно было точно скоординировать передвижения войск на суше и на море. В июле 1355 года спрос на корабли был так велик, что страна не могла поставить их все в срочном порядке. Использование для одной экспедиции двух портов, вероятно, усложняло работы по ее организации, и разрешение покупать лошадей в Бордо, а не брать их из Англии, могло затруднить определение того, сколько кораблей необходимо для перевозки лошадей.

Основной причиной задержки была нехватка кораблей, и в конце июля принц не рассчитывал на то, что этот вопрос будет решен быстро. Он отправил посланцев с указанием попытаться достать еще денег для своих неотложных потребностей и, каким бы большим ни было его разочарование, вероятно, не был удивлен таким состоянием дел.

Это видно по тому, что из приказов исчезли те настойчивость и точность, которые были в них весной. Распоряжения выполнялись с той скоростью, которую допускали сложившиеся обстоятельства, но не так быстро, как предполагали составители планов. Сроки экспедиции были, по сути дела, сорваны. Принц объявил, что будет в Плимуте к 1 июля, а прибыл туда 26 июля. Корабли должны были быть в портах к 11 июня, но

16 июля были отправлены приказы дополнительно прислать корабли для флота, и даже позднее (29 июля) принц послал распоряжение в Саутгемптон о выполнении переделок в одном из них¹. Лишь 22 июля были назначены люди для оценки лошадей, которых было решено взять в Гасконь. Прошел август, и было уже начало сентября, когда все корабли были собраны, перегородки погружены на суда и последних лошадей провели на корабли по мосткам. «Герольд Чендос» сообщает, что корабли были «нагружены съестными припасами и драгоценностями, алебардами, шлемами, копьями, щитами, луками и стрелами».

Дальше там говорится, что принц поднялся на борт «и с ним все благородные рыцари. Там можно было увидеть цвет высшего рыцарства и цвет достойного вассального рыцарства. Все они горячо желали и стремились хорошо проявить себя». Адмирал Хогшоу, фактический начальник флота, имел охрану из тридцати лучников и тридцати тяжеловооруженных всадников. Дейнкурт, вице-адмирал королевского флота на северном направлении, тоже сопровождавший корабли, имел двадцать лучников и семь тяжеловооруженных всадников. Принц плыл на корабле *Christofre*. 9 сентября большой английский флот отплыл в Бордо.

Возможно, у адмиралов и вице-адмиралов были полные списки кораблей, отплывавших в составе подчиненного им флота. Дошедшие до наших дней списки не дают такой полной информации. Они являются ценными источниками, если в них перечислены суммы, выплаченные владельцам или капитанам судов *после* плавания, но очевидно, что их ценность меньше, если в них перечисляются названия судов, для которых нужно набрать команды, или идет речь о подробностях уплаты денег морякам за службу на кораблях, ожидающих в гавани.

¹ B.P.R. IV, 143. Gascon Rolls. 29 Ed. III, т. 5. Определенная сумма денег была уплачена нескольким морякам из Испании и Байонны, которые прождали в порту Саутгемптона сорок дней, дожидаясь, пока оттуда уйдут корабли принца и его знатнейших спутников. Issue Roll...

Поэтому мы, объединяя здесь в одну таблицу названия кораблей, реквизированных или обеспеченных командами для плавания принца в Бордо, соблюдаем при этом необходимую осторожность.

Лист А: Уильям из Уэнлока, чиновник, получил из казны 8 мая 1355 года 380 *l.* Он прибыл в Саутгемптон и выплатил жалованье за двадцать восемь дней морякам, служащим на упомянутых ниже кораблях, находящихся в порту. В своем отчете он явно указывает, что эти моряки находились там «для принца и других людей, отправляющихся в Гасконь».

Порт	Корабль	Грузо- подъемность, т.	Кол-во человек в команде
Ситон	<i>Margaret</i>	30	14
Линн	<i>Saint Mary Cog</i>	80	22
	<i>Michael</i>	50	14
Веймаус и Мелкомб	<i>Margaret</i>	80	22
	<i>Peter</i>	90	24
	<i>Clement</i>	70	20
	<i>Saint Mary Cog</i>	90	24
Уэрем	<i>Saint Mary Cog</i>	80	26
Лимингтон	<i>Saint Mary Cog</i>	70	24
	<i>Nicholas</i>	60	22
Хемелхоук	<i>Nicholas</i>	70	24
	<i>Gracedieu</i>	160	42
	<i>Katerine</i>	120	32
	<i>Welifare</i>	70	22
	<i>Saint Esprit</i>	100	30
Саутгемптон	<i>Trinity</i>	100	
	?	70	22
	<i>Margaret</i>	30	14
Шорем	<i>Welifare</i>		22
	<i>Welifare</i>		18
	<i>Welifare</i>	50	16
	<i>Katherine</i>	50	16
	<i>Benedict</i>	60	18
	<i>Godier</i>	40	18
Рей	<i>Nicholas</i>	120	22
	<i>Jonette</i>	40	12
	<i>Dieulavance</i>	66	18

Порт	Корабль	Грузо- подъемность, т.	Кол-во человек в команде
Хит	<i>Margaret</i>	50	14
	<i>Saint Mary Boat</i>		14
	<i>Alice</i>	30	14
	<i>Saint Mary Boat of Rudynge</i>	30	14
	<i>Godier</i>	38	14
	<i>Godbiere</i>	38	14
	<i>Christiane of Poole</i>	30	14
Уинчелси	<i>Jonette</i>	120	30
	<i>Saint Mary Cog</i>		50
Дувр	<i>Glythe</i>	50	20
	<i>Cronipher</i>	50	20
	<i>Lancaster</i>		20
	<i>Navdieu</i>	50	20
	<i>Faucon</i>	40	20
Сэндвич	<i>Blison</i>	110	30
	<i>Cog John</i>	140	36
	<i>Margaret</i>	120	30

Лист В: 28 мая 1355 года капитаны перечисленных ниже кораблей получили разрешение принудительно вербовать моряков на свои суда, чтобы плыть вместе с принцем и за его жалованье в Гасконь.

Капитан	Корабль	Кол-во моряков
William Barrett	<i>Juliane</i>	36
John Gobet	<i>Margarete</i>	26
William Henry	<i>Nicholas</i>	24
William May	<i>James</i>	26
John Burges	<i>Gregory</i>	20
Stephen Stonyng	<i>Saintmarybote</i>	15
Simon Steven	<i>Mighel</i>	26
John Lewe	<i>John of Yarmouth</i>	26

Лист С: с марта по май 1355 года перечисленным ниже капитанам были даны разрешения принудительно вербовать людей в команды своих кораблей, и копии соответствующих приказов включены во Французские списки. На корабле, который указан в этом перечне первым, отправился в путь сам принц.

Капитан	Корабль	Кол-во моряков
John Clerk	<i>Christofre</i>	100
William Ashenden.	<i>Cristofre</i>	80
Robert Gofair	<i>Saint Marie</i>	80
William Passelewe	<i>Jerusalem</i>	70
Thomas Clerk	<i>Edward</i>	60
John Blossse	<i>Claws</i>	60
John Horset	<i>Holk</i>	60
John Ram	<i>Alice</i>	45
John Wille	<i>Thomas</i>	40
Robert Andrew	<i>John</i>	40
Walter de Manthrop	<i>Trinity</i>	130
John Sperman	<i>Rodecog</i>	35
Paul Portsmouth	<i>Edmond</i>	35
John Rok	<i>Anne</i>	30
Hamond Lovetoft	<i>Faucon</i>	30
Robert Hull	<i>Isabelle</i>	30
Robert Fikeys	<i>Saint Marybote</i>	25
Thomas Ram	<i>Mariote</i>	25
Bartholomew Stigeyn	<i>Welifare</i>	42
John Maikyn	<i>Plenty</i>	35

Лист D: корабль *Saint Esprit* был «выбран, чтобы быть залом принца», и в июле 1355 года принц приказал сделать на нем несколько ремонтных работ.

Вот некоторые из кораблей, которые предполагалось использовать для перевозки экспедиционных войск в Гасконь. Я не сомневаюсь, что, кроме них, были выбраны и другие и что Уэнлок и его коллеги-служащие приезжали в порт или порты сбора судов несколько раз. Общая сумма денег, которые они уплатили в течение мая, июня и июля морякам, служившим на судах, реквизированных для перевозки войск принца и войск других крупных феодалов, составляет больше 3000 *l.*¹

¹ Issue Roll 30. Ed. III, т. 24. Их отчет об одной такой поездке в Саутгемптон в июле содержит очень много подробностей о капитанах и командах не менее чем девяноста трех судов из портов восточного побережья. К сожалению, в нем не говорится о том, для выполнения какой задачи были собраны эти суда. Поэтому я почувствовал себя обязанным оставить эти данные за пределами своей таблицы, в которой они могли бы стать

Нет сомнения, что флот направился по обычному в Средние века морскому пути — почти точно на юг, пока не стал виден берег Франции. Хроникеры пишут, что плавание прошло без осложнений, но еще до прибытия на место назначения некоторым из тех судов, на которых везли лошадей, потребовался потом ремонт (и несколько лошадей погибли). Эту работу выполнили чеширские лучники из отрядов Хеймо Мески и Роберта Брюна, которые, как и следовало, получили за это дополнительную плату, когда корабли вошли в порт. К 20 сентября флот стоял в Гаронне под стенами Бордо. Капитану *Christofre* Джону Клерку принц подарил 10 *l*. Все сто моряков команды этого корабля тоже получили вознаграждение.

ценным листом Е. В этот отчет включены два корабля, упомянутые в листе В, но догадки по поводу этого большого количества кораблей увели бы нас слишком далеко от главной темы.

Глава 3

ПЕРВЫЙ РЕЙД

Английская армия провела в Бордо две недели. В ее составе было очень мало людей, которые раньше видели этот большой укрепленный город¹. Городские стены, в XIV веке подходившие близко к пристани, окружали коммерческий и административный центры края, который был самым крупным экспортером вина в мире. Внутри этих стен стояли собор Святого Андрея, замок, несколько религиозных зданий, монетный двор, мастерские, где изготавливались сосуда для хранения и перевозки вина, склады и все здания, необходимые купцам, хозяевам лавок, государственным служащим и другим жителям этого центра торговли, который был больше, чем любой английский провинциальный город, и, возможно, по числу жителей и значению для коммерции мало уступал самому Лондону.

За стенами текла Гаронна, которая была намного шире Темзы и служила путем сообщения между многочисленными городами, стоявшими на ее собственных берегах и на берегах Дордони (приток Гаронны. — *Пер.*).

Сельские окрестности Бордо были почти такими же, как сельская местность во многих английских графствах. На полях паслись овцы и козы, свиньи рылись в поисках желудей в лесах Антр-Дё-Мер (это название значит «между двух морей». — *Пер.*), быки везли телеги по дорогам, на вершинах холмов стояли

¹ Общее описание Бордо и его окрестностей в XIV веке см.: Boutruche, R. *La Crise d'une Société* (далее — *Boutruche*).

ветряные мельницы, а в нескольких милях от Бордо начинались густые леса. Однако в этом краю производили мало зерна: здесь выделяли большие площади под виноградники.

Английские войска прибыли туда в самый разгар сбора винограда. Этот виноградный сезон по-французски называется *vendange* (и длится с последнего дня августа до начала октября). Для этого случая люди здесь срочно готовили тару и перевозочные средства всех видов. Все люди были заняты работой — кто-то по обязанности, кто-то за плату, а кто-то добровольно, и каждая община собирала и отжимала виноград, а затем ставила на хранение свой главный продукт. В местной епархии в эти страдные дни не было ни одного постного и ни одного праздничного дня.

Принцу и его людям был оказан сердечный прием, и нет причин подозревать, что радушие какой-либо части городской общины было неискренним. Все горожане были верны английскому королю; ни один высокопоставленный гость королевского происхождения не посещал их город уже больше пятидесяти лет; принц был молод, манеры у него были благородные и изысканные. Более того, английские короли всегда строжайшим образом соблюдали привилегии Бордо, а следовавшие один за другим кавалерийские рейды увеличивали процветание Бордо. Что же касается гасконских дворян, которые собрались, чтобы встретить принца, то он не только был старшим сыном их сюзерена, но и прибыл по их приглашению и, следовательно, для того, чтобы достичь целей, которые были для них очень важны. Были ли они долго страдавшими людьми, нуждавшимися в надежной защите от французских вторжений, или жадными разбойниками, желавшими ограбить своих соседей, в обоих случаях перспектива воевать совместно с принцем была для них приятна.

На торжественной встрече в соборе на следующий день после прибытия англичан произошло осмысление и официальное признание отношений между союзными

сторонами. В присутствии дворян, чиновников и представителей города принц дал обещание уважать права, свободы и обычаи города и провинции. Были провозглашены полномочия принца в том виде, как они определялись согласно указам его отца. Были приняты клятвы от гасконских сеньоров.

Среди этих сеньоров первым по значению был Жан де Грайи¹, которого обычно называли «капталъ де Бюш», — владелец многих поместий в ландах (низменности на юго-западе Франции вдоль Бискайского залива, к югу от Жиронды. Это край песчаных дюн и сосновых лесов, а еще сто лет назад там были и болота. — *Пер.*), рыцарь ордена Подвязки, один из лучших воинов того времени, с которым принц уже был хорошо знаком. Вместе с ним были его сосед по ландам Бернар, сир д'Альбре, представитель семьи, уже несколько поколений которой были верны Англии; Амори де Бирон, сир де Монферран; Оже де Монто, сир де Мюссидон; Гийом де Помье; Гийом Санс, сир ле Леспар; Гийом Аманье, сир де Розон. Эти люди принадлежали к низшему слою аристократии Юго-Западной Франции и были менее богаты и влиятельны, чем Жан д'Арманьяк и Гастон Феб, граф де Фуа. Они привели солдат — гасконцев и беарнцев — для армии принца²; и, разумеется, их звали на заседания совета, поскольку они знали этот край и ясно представляли себе, как нужно вести боевые действия.

Еще одна группа участников экспедиции, которая присоединилась к ней до конца сентября (и, очевидно, в Бордо), охарактеризована как «германцы». В нее входили Уильям Квад, Ингельбрит Цоббе, Бернард ван Зеделес и Даниэль ван Пессе. И были еще три человека, чья организационная работа была очень важна для

¹ Краткая биография Жана де Грайи есть в *La Grande Encyclopédie*.

² В источниках нет точных данных о численности гасконских и беарнских войск, участвовавших в походе. Догадки и предположения на этот счет можно найти у Рамсея и Лота (Lot F., *L'Art militaire et les armées*. T. I. С. 352).

экспедиции, — Джон де Чиверстон, сенешаль Гаскони, Джон де Стретли, констебль Бордо, и Томас Рус, мэр Бордо.

Следует предполагать, что для короля Англии общая цель военной кампании принца была связана с задачами других кампаний, которые было намечено начать тем же летом, и все они были объединены единым стратегическим планом. Король должен был вторгнуться во Францию с северо-востока, Ланкастер должен был поддерживать мятеж Карла Наваррского в Нормандии, а принц атаковал врага на юго-западе. Но направление удара на юго-западе не было определено. Поэтому предводители англичан и гасконцев собрались, чтобы выработать план совместных действий.

По словам самого принца и Бейкера, автора одной из хроник того времени, этот план был простым. Жан I, граф д'Арманьяк, наместник короля Франции в Лангедоке и командующий французскими войсками в этом краю, причинил большой ущерб англичанам и тем гасконским дворянам, которые оставались верны Англии. Поэтому было решено разорить его владение — графство Арманьяк, и принц сформулировал это решение с такой ясностью и прямоотой, что оно выглядит почти как строка из конституции. «Так было решено, — написал он, — согласно мнению и совету всех сеньоров, находящихся с нами, а также сеньоров Гаскони»¹.

Однако ситуация была сложнее, чем можно предположить по этому короткому утверждению принца, поскольку любое крупное войско могло действовать в этом крае, только принимая в расчет могущество и обширные земли графа де Фуа². Этот молодой талантливый аристократ сражался при Креси, в последующие годы вмешался в беспокойную и беспорядочную политическую жизнь

¹ Фруассар (V, 344) не упоминает об Арманьяке, но пишет, что военачальники один за другим высказали свое мнение, что им следует идти к Тулузе.

² Существуют краткая биография Гастона Феба, графа де Фуа (Феб — прозвище графа за рыжий цвет волос. — *Пер.*) в *La Grande Encyclopédie*, написанная Молинье, и ценные заметки де Санти.

тогдашней Франции, занимал должность, на которой теперь находился Жан д'Арманьяк, был наследственным соперником Арманьяка и, что было всего важнее, восемнадцать месяцев пробыл в заключении в тюрьме Шатле в Париже. Как раз перед тем, как принц высадился в Бордо, этот граф то ли был выпущен, то ли бежал из тюрьмы. Потеряв должность наместника, оказавшись в подчинении у своего врага и на подозрении у французов, де Фуа имел серьезные причины, чтобы не чувствовать к французам особой симпатии. А для принца его помощь была бы очень ценной. Фруассар, который сделал портрет де Фуа самым ярким в портретной галерее своих хроник, умолчал о роли графа в 1355 году. Но Бейкер сообщает, что войска принца три раза, проходя на своем пути через ту или иную часть владений графа, воздерживались от грабежа и ничего не разрушали, а 17 ноября граф совещался с принцем. Такое бережное отношение к собственности графа и эта заранее назначенная встреча свидетельствуют, что между ним и принцем было взаимопонимание. Граф де Фуа не пришел на помощь Жану д'Арманьяку и маршалу Франции, но и не встал на сторону принца. Однако он беспрепятственно пропустил войска принца через свои земли, и некоторые беарнские отряды присоединились к экспедиции. Решение разграбить графство Арманьяк нужно рассматривать в свете этого взаимопонимания.

Теперь военную операцию, которую принц собирался начать, обычно называют словом «рейд». Это слово происходит из древнеанглийского языка, однако наши предки называли такие операции иначе. Слово «рейд» в этом значении — скорее шотландское, чем английское, а в общем употреблении вошло, когда многие стали читать романы Вальтера Скотта. Первоначально же «рейд» значило то же, что сейчас «роуд» — дорога. Но наши предки могли применить к военной операции принца слово «райд» — «поездка верхом». На латыни ее называли словом *equitare*, а на французском языке — *chevaucher* (и тот и другой глагол означают «скакать на коне». —

Пер.). Ранние французские писатели различали *l'host* (*expedition*), большую войну для защиты страны, и *la chevauchée* (произносится «шевошэ». — Пер.) — военную операцию, например, против восставшего вассала¹. Это значит, что слово *chevauchée* означало военные действия в сравнительно малом масштабе. К XIV веку выражение *chevaucher à l'aventure* (скакать на коне наудачу. — Пер.) было использовано как характеристика действий знаменитого разбойника-*путьера* Америкго Марше, а выражение *chevaucher de guerre* (скакать на коне, ведя войну. — Пер.) обозначало боевые действия чисто военного характера. *Chevaucher*, в сущности, стало обозначать «совершать конный набег» — действия конных воинов, которые одновременно сражались и грабили.

К этому времени военное искусство находилось на третьем этапе своего развития. Армии вели сражения и «жили за счет земли», по которой шли. Армии можно было разрешить разграбление таких земель и даже поощрить к нему солдат. Армию также можно было использовать для уничтожения средств, обеспечивающих жизнь. Таким образом, уничтожение жилищ и всего, что необходимо для поддержания жизни, стало важной составной частью конного похода — *chevauchée*. Современная стратегия предусматривает отсечение противника от источников снабжения, уничтожение запасов в возможно большем количестве и разрушение его транспортных путей, а средневековые военачальники были должны уничтожать запасы противника «на месте». Когда работа по уничтожению начата, она может пойти дальше, чем нужно для выполнения чисто военных задач. Если осажденный город какое-то время сопротивлялся нападающим, то после его захвата могли начаться резня, грабеж и разрушение — неразумные, но понятные. В каких-то случаях такая же участь могла постигнуть и незащищенные деревни. А в те времена,

¹ О слове *chevauchée* см. статью в *La Grande Encyclopédie*; ср. «Tous ceuls... qui doivent host et chevauchée («все те... кто должен участвовать в войне и конном походе. — Пер.)»

когда большая часть почти каждого здания была деревянной, самым удобным средством разрушения был огонь. Для огня не нужны транспортные расходы, его применение не требует мускульной силы, и он уничтожает все.

Средневековая война состояла не только из боев и осад; они даже не составляли значительной части военных действий. Много недель и даже месяцев подряд войска занимались военным давлением на противника, убивая его людей, уничтожая имущество и средства поддержания жизни. Но командир при этом не должен был упускать из виду свою главную задачу. В одном случае он должен был выяснить, где находятся главные силы противника, и вызвать их на решающее сражение, в другом — нанести отвлекающий удар, который заставит противника разделить силы и изменить планы, в третьем — покарать или утешить жителей какого-либо края, чтобы показать им, какое наказание ждет тех, кто сочувствует противнику. Если главной задачей командира была атака, он брал столько продовольствия, сколько ему было нужно, но имел мало времени для грабежа и разрушения. Но если задачей было отвлечение противника или проведение карательной операции, военачальник действовал как в типичном конном походе *chevauchée*, руководствуясь при этом характером местности, временем года и моральным состоянием своих воинов. Существовали две местные особенности, которые могли ограничивать грабеж и уничтожение: обычно — но далеко не всегда — войска щадили имущество Церкви и должны были щадить имущество своих союзников и друзей. Поэтому иногда возникали трудности в управлении войсками.

Но эти грабежи и разрушения вызывали падение морального состояния армии: если солдаты так поступали, это значило, что их командиру безразлична судьба гражданского населения. Более того, приказ об уничтожении того, что могло достаться противнику, означал совершенно бесполезное варварское обращение с

произведениями искусства и мелкими вещицами, драгоценными для владевших ими семей. От выполнения такого приказа остается всего один шаг до забвения всех правил в обращении с местным населением. Иногда какой-нибудь не самый главный военачальник мог «сесть на своего коня, проехать по улицам» и «спасти от позора многих дам, благородных девиц и монахинь» или король, действуя из соображений благоразумия, но не делая это своим общим принципом, мог приказать своему советнику «проехать на коне по улицам» и «приказать, чтобы никто не осмелился поджечь ни один дом, убить кого-либо или учинить насилие над женщиной». Однако правила гуманизма обычно не могут удержать в узде солдат во время рейда и, как сказал Фруассар, «в таком множестве людей, как то, которое вел за собой король Англии, обязательно должны оказаться несколько плохих людей, злодеев и бесчувственных людей». Короче говоря, в самых худших из рейдов «злодейства» и убийства могут соседствовать с грабежами и поджогами¹.

В общих чертах подобная операция выглядела так. К походу готовили большое количество лошадей; если дороги были пригодны для колесного транспорта, использовались также телеги. Армия везла необходимые припасы с собой (или получала их законным образом), пока не переходила границу. После этого можно было захватывать все, кроме имущества Церкви и друзей. Командир забирал продовольствие в больших количествах; мародеры брали любую еду, какую хотели; солдатам была дана полная воля грабить или даже брать деньги за отказ от грабежа.

Дойдя до очередной деревни или города, войска обычно без особого труда подавляли сопротивление граждан-

¹ Цитаты, приведенные в этом абзаце, взяты из Froissart J. Œuvres, ed. Lettenhove, K. de (далее — *Froissart*), IV, 412, 413, кроме фразы «в таком множестве людей, как то, которое вел за собой король Англии...», ее переводчик или редактор благоразумно опустил. Этот абзац находится в *Froissart*, IV, 413...

ского населения. Все ценное собирали и грузили на телеги или на лошадей; скот угоняли или резали; затем начиналась работа по уничтожению того, что осталось. Амбары, скирды сена, зерна или соломы, сараи, хлева, дома с тем, что находилось в них, — все сжигалось. Солдаты ломали деревянные мосты, сжигали или выводили из строя ветряные и водяные мельницы, выливали вино из бочек. В местах, где производят вино, знающие люди могли повредить или погубить виноградники.

Известие о приближении вражеской армии распространяется очень быстро. Местные жители видят, что ее путь (или пути: большая армия может двигаться несколькими колоннами) днем отмечен облаками дыма, а ночью — красным заревом пожаров. Они в панике убегают и этим облегчают войскам работу: опустевший город, где остался запас еды и дров на целую зиму, становится подходящим местом для привала, где можно отдохнуть и хорошо поесть. Но армия нигде не задерживается долго, и случаются дни, когда солдаты мало едят, а их лошади мало пьют. Всегда существует опасность засады или того, что деревенские жители сами сожгли свои жилища, чтобы не давать врагу еду и крышу над головой, что в обнесенных стенами городах дома загорятся среди ночи, подожженные тайными врагами или пьяными солдатами, что мосты будут разрушены, чтобы задержать продвижение вторгшейся армии.

К этим меньшим из опасностей и трудностей рейда надо, разумеется, прибавить столкновение с армией противника, которая может выступить на защиту разоряемого края, попытается поставить захватчиков в трудное положение, постарается отрезать их от базы или вынудить принять ожесточенное или даже решающее сражение. И наконец, в малонаселенной местности (к примеру, на шотландской границе) могло случиться, что армия не имела возможности ни жить на земле, ни найти проводника, сбивалась с пути, уходила в сторону от путей, по которым осуществлялось ее снабжение, и оказывалась в очень тяжелом положении.

Таким, в общих чертах, был типичный рейд за тридцать лет до того, как принц ступил на землю Гаскони. Уничтожение материальных ресурсов в широких масштабах и постоянное применение огня стали обычной практикой. И так поступали не только английские армии. Французские войска действовали так же на границе с Фландрией, а иногда жгли и уничтожали припасы в собственной стране, чтобы английские захватчики не смогли воспользоваться ими¹. Шотландцы действовали столь же бессердечно и свирепо во время военных действий в Нортамберленде, Дареме и Камберленде. В июле 1346 года король Франции сообщил королю Шотландии Давиду, что в Англии, по сути дела, нет войск и потому Давид может нанести англичанам величайший урон, если вторгнется в Англию.

К этому времени такие военные действия настолько стали частью политики, что их упоминали в договорах, скрепленных печатью. Граф Нортгемптон, когда его в апреле 1355 года назначили командующим английскими войсками в Бретани, получил полномочия *«chevaucher de guerre»* (здесь: вести походы. — *Пер.*) против врагов на суше и на море, захватывать и разрушать города, замки и крепости, если посчитает, что это в интересах короля...». Такие разрушительные походы стали предметом обсуждения и в том медленно складывавшемся своде международно признанных принципов, который должен был регулировать ведение войн.

¹ Перевод начальной цитаты со старофранцузского приблизительно такой: «и этот рыцарь и *chil saudoier* от имени французского короля желали только одного — чтобы они могли пройти по Геннегау (Эно) для грабежа и заработка и для того, чтобы начать войну в этом краю. Французы вошли туда и нашли людей — мужчин и женщин — в их домах и забрали их себе, кто кого желал, и все, что было у них — золото и серебро, ткани и драгоценности, и их скот, а потом подожгли город и сожгли его так, что в нем не осталось ничего, кроме стен». *Froissart*, III, 89. Более сжатые описания нападений на французскую территорию есть в письмах сенешаля Гаскони констеблю Бордо, где упомянут маршал Франции Жан де Клермон. (Дальше идет цитата на латыни; вот ее перевод: «который с большим числом вооруженных людей прошел конным набегом, как враг, с развернутыми знаменами, причиняя ущерб земле нашего господина короля». — *Пер.*)

Чем бы принц ни считал свои военные операции в Южной Франции, полномасштабной войной или походом-*chevauchée*, они неизбежно должны были развиваться по этому основному сценарию. Принц и все его главные помощники сопровождали Эдуарда III в 1346 году, когда он разорял побережье Нормандии и дошел с огнем и мечом до ворот Парижа. Они знали, как Генрих, герцог Ланкастерский вел войну в Пуату и Гиени, и о том, как действовали другие во время менее крупных военных операций во время перемирий (несмотря на эти перемирия). Эти кампании предоставляли возможность и для рыцарских сражений, и для недостойных дел разрушения. Никто не мог предсказать, чего будет больше во время наступающей кампании — возможностей разрушать или сражаться благородно. Необходимо было быть готовым и к тому и к другому.

Через две недели после прибытия в Бордо английская часть экспедиции была готова отправиться в Арманьяк. Корабль *James* из Эксмута сразу же был отправлен обратно в Англию по делам принца. (Другие корабли, видимо, какое-то время оставались в порту и могли затем быть использованы для перевозки вина в Англию.) Грузы были сняты с кораблей, а лошади спущены на берег с помощью лебедек. Было закуплено много фуража, и лошадям «дали отдых» (вероятно, какое-то время им дали возможность пастись в полях, чтобы животные, ослабшие от жизни взаперти во время плавания, упражняли свои мышцы). Большие партии снаряжения, в том числе луков и стрел, были отправлены вверх по течению реки в Сен-Макер, откуда их, вероятно, позже забрал проходивший там отряд войск принца¹, а также выплачены крупные суммы английским и валлийским военачальникам из свиты принца. Мы не будем здесь рассматривать финансовый механизм этих платежных операций и не станем проводить различия

¹ Сен-Макер и Лангон находятся на противоположных берегах реки, там, куда доходят морские приливы.

между несколькими видами платежей. Скажем лишь, что деньги были предназначены для покупок и для выплаты жалованья и что в Гаскони имели хождение как английские, так и французские деньги. Выплаты получали и некоторые люди, которым было поручено оставаться в Бордо.

Для самого принца и его окружения были куплены мясо, рыба, дрова и соль. В списках расходов есть несколько намеков и на личные интересы принца: были выделены деньги для его личного пользования и для игры. Была изготовлена аптечка и несколько коробок для сладостей, а также приобретено много полосатых тканей, чтобы сшить из них одежду для принца. Он также получил в подарок двух соколов от сира де Леспара.

Армия вышла в поход в понедельник 5 октября. (И Бейкер, и Фруассар сообщают, что это было сделано в спешке: в октябре поздно начинать боевые действия.) Она направилась по долине Гаронны через Лангон до Касте-ан-Дорт, затем повернула на юг и дошла через ланды до окрестностей Аруя. Итак:

В понедельник до Вильнёв-д'Орнона	4 мили
Во вторник до Касте-ан-Дорт.....	25 миль
В среду (отдых).....	0 миль
В четверг до Базаса	10 миль
В пятницу (отдых).....	0 миль
В субботу до Кастельно.....	11,5 мили
В воскресенье до Аруя	25 миль

Бейкер отмечает, что в ходе двух самых длинных переходов «пало много лошадей»¹. Лошади могли быть перегружены или загнаны. Но более вероятно, что они были больны «транспортной лихорадкой». Эта болезнь до сих пор возникает у лошадей после того, как их долго везли по морю или по железной дороге. Обычно она начинается примерно через три недели после при-

¹ *Baker*. 128. За современное объяснение этой потери, приведенное ниже, я выражаю благодарность мистеру П.М. Беннету.

бытия животных на место назначения и, если лечение не будет начато быстро, кончается смертью.

В эту первую неделю солдаты и лошади питались продовольствием, привезенным из Бордо или купленным в пути. В Орноне было куплено сено, в Касте-ан-Дорт также сено и овес, в Базасе зерно и вино, в Кастельно мясо. Было куплено еще какое-то количество вина для валлийских солдат и выплачена крупная сумма в качестве возмещения за ущерб, причиненный ими в Касте-ан-Дорт.

Теперь армия принца уже приближалась к «территории противника». На открытой местности возле городка Аруй колонна разделилась на три части. Авангард был поставлен под командование графа Уорвика и сэра Реджинальда Кобхема. С ними были Джон Бошан, Роджер Клиффорд (позже ставший лордом Клиффордом) и сэр Томас Хэмптон, знаменосец.

Основной частью армии командовал сам принц. С ним были граф Оксфорд, Бартоломью де Бургерш, Джон де Лайл, лорд Уиллоуби де Эресби, Роджер де ла Варр, сэр Морис Беркли, Джон Буршье, Томас Рус и три гасконских сеньора — капталь де Бюш, Иоанн, сир де Гомон и Эмери де Бирон, сир де Монферран.

Авангардом командовали графы Суффолк и Солсбери; с ними был Гийом де Помье, командир беарнцев.

С этого момента поход принял другой характер. Некоторых его участников посвятили в рыцари (что обычно делалось перед сражением), знамена были развернуты, армия двигалась тремя колоннами, каждая из которых могла действовать самостоятельно, причем одна или две колонны могли свернуть в сторону и выполнить задание или расположиться на ночлег в стороне от главного маршрута. Покупка продовольствия прекратилась, начались грабеж и разрушение. Теперь английская армия могла столкнуться с вооруженным сопротивлением.

Но, поскольку это сопротивление было слабым и отчет о военных действиях этих дней представляет собой ряд почти одинаковых рассказов о мелких столкновениях,

мы лишь укажем пройденный армией путь и скорость продвижения, а также сделаем отступление, чтобы рассказать о положении в Тулузе, Каркасоне, Нарбоне и Карбоне, и, наконец, рассмотрим эту кампанию всю в целом.

Прямо перед армией лежала (по словам Бейкера) «знаменитая, прекрасная и богатая» земля Арманьяк¹. Это был действительно великолепный край — равнина, спускавшаяся от подножия Пиренейских гор к Гаронне и глубоко прорезанная многочисленными притоками этой реки. Кроме того, это было владение графа, чья политика была так враждебна делу англичан.

В течение двух дней, которые армия провела возле Аруя, произошли первые боевые столкновения. Англичане вернули себе этот город, и солдатам было разрешено выходить из него, чтобы забирать продовольствие и фураж и жечь прочее имущество жителей на вражеской территории. Во вторник (13 октября) начались бои. Три города были заняты и сожжены, была взята крепость Эстан, в Монкларе англичане окружили замок, а затем их войска вошли в этот город. Это было хорошее начало, но более опытные командиры, вероятно, вспоминали два известных всем правила лагерной жизни. Во-первых, взятие крепостей штурмом обычно стоит много человеческих жизней — и в их числе был смертельно ранен сэр Джон де Лайл. Во-вторых, солдаты, которые проводят ночь в захваченном ими городе, у которого есть крепостные стены, подвергают себя большому риску — и действительно, когда стемнело, в Монкларе вспыхнул пожар. Принц спасся из огня, но до конца кампании, если рядом с местом ночевки не было монастыря или замка, ночевал в палатке, которую ему ставили на открытом месте².

После двух дней отдыха, то есть в пятницу (16 октября), войска дошли до укрепленного города Ногаро, а

¹ *Baker*. 130. Фруассар не упоминает о разорении графства Арманьяк. Похоже, он придерживался мнения, что принц шел другим путем, переправившись через Гаронну у Пор-Сент-Мари (V, 344).

² Там же. (Эдуард III тоже останавливался на ночлег вне городов.) У принца был шатер и плотник для его установки. *Henxleworth*, 8, 11.

в субботу оказались у города Плезанс. Гражданское население Плезанса уже бежало из своих домов, но граф Монлюзон и другие знатные дворяне оставались в замке. Капталъ де Бюш захватил их в плен¹.

Здесь основные силы армии пробыли все воскресенье, но один из трех ее корпусов повернул на запад, взял штурмом замок Галиакс и сжег его. Плезанс, который два дня был временным жилищем для армии принца, в понедельник был сожжен, и армия пошла на восток по дороге, которая вела к главному городу края — Ошу. Чтобы двигаться в восточном направлении, войска постоянно пересекали горные гряды и реки. На реках армия, очевидно, пользовалась бродами, а поскольку лето (по сообщению Фруассара) было сухое, водные преграды, видимо, не создавали больших трудностей. Однако в среднем войска проходили всего восемь миль в день.

К вечеру понедельника армия дошла до Бассу. Это было владение Церкви (оно принадлежало архиепископу Оша), а потому его не тронули; туда было разрешено войти только офицерам, ответственным за снабжение армии продовольствием. В среду (21 октября) армия прошла поблизости от Монтескью, спустилась на берег реки Баиз у Миранды — города, принадлежавшего графу Коменжу и имевшего сильный гарнизон. Принц поселился в бенедиктинском аббатстве Берду, немного выше по течению. Люди уже покинули аббатство, но его здания и находившееся там имущество были оставлены в целости. Возле Миранды армия простояла весь четверг, но, очевидно, так и не взяла город. О солдатах сказано, что они находились на отдыхе, то есть армия принца, видимо, не пыталась овладеть городом: осада отняла бы много времени, а штурм стоил бы много жизней.

Кроме того, дорога от Монтескью к Миранде вела прочь от Оша, то есть осадить Ош армия тоже не собиралась,

¹ *Baker*. 130. Брёйль пишет, что Жан д'Арманьяк приказал людям уйти из города и замки и взять с собой еду и ценные вещи.

В пятницу (23 октября) принц и его войска покинули Арманьяк. Обстоятельства, которые он не мог предвидеть, заставили его через несколько недель пройти через другую часть этого края, но, учитывая заявленную задачу этой кампании, стоит посмотреть, каковы были результаты его действий именно на этот момент. Принц сообщал епископу Уинчестерскому (Винчестерскому) в письме, которое написал ему на Рождество, что прошел на конях «через страну Арманьяк, разоряя и опустошая этот край, чем очень утешил подданных нашего достопочтенного повелителя (короля), которых раньше притеснял граф». В кратком сообщении Бейкера нет подробностей, кроме тех, которые уже были пересказаны здесь. Фруассар ничего не говорит о том, что происходило тогда в этом краю. Венгфельд пишет: «Мой господин (принц) прошел на конях через графство Арманьяк, захватил там много укрепленных городов, сжег и разрушил их — кроме нескольких городов, которые он укрепил. Затем он пошел в графство Ривьер и захватил крупный город, который называется Плезанс — главный город этого края, сжег и разрушил его и всю страну вокруг»¹. Короче говоря, армия принца нигде не встретила сильного сопротивления. У французов на юго-западе были местные гарнизоны, которые действовали каждый по отдельности и не могли остановить вторжение англичан, и королевские войска под командованием коннетабля и графа Жана д'Арманьяка. Граф был в Ажене в день ухода принца из Бордо, но увел свои войска на восток².

¹ *Avesbury, Chronica* (далее — *Avesbury*). Брёйль упоминает о документе, в котором приводится список «городов, селений и замков, разоренных Черным принцем в 1355 году. Он пишет, что в этом списке было около 500 названий (из которых он называет 19) и что этот документ находился среди Гасконских списков. Если бы этот документ удалось найти, он был бы очень ценным. К несчастью, даже чиновники из Государственного архива не могут обнаружить его следы.

² Breuils A. *Jean Ier, Comte d'Armagnac*, *Revue des Questions Historiques*, LIX (далее — *Breuils*). Брёйль считает, что Жан д'Арманьяк ожидал, что принц пойдет на Тулузу, и, чтобы остановить его, пошел в Ажен, а принц, опасаясь встретиться с Жаном, изменил свой маршрут. В данном случае, как и во всех других, автор неубедителен.

Если войска принца в основном придерживались того маршрута, который описал Бейкер, то они прошли около восьмидесяти миль; они провели в графстве десять или одиннадцать дней и были достаточно многочисленными, чтобы произвести большие разрушения и употребить или забрать с собой значительные запасы продовольствия.

Но ни в письме принца епископу Уинчестерскому, ни в письме Венгфельда нет никакого перерыва после упоминания об Арманьяке. Непрерывность рассказа позволяет предположить, что после того, как главная, открыто провозглашенная задача кампании была выполнена, принц стал преследовать другие цели, не заявленные открыто, но, вероятно, хорошо понятые епископом и, несомненно, достаточно ясные для английских и гасконских военачальников. Может быть, начальники войск решили, что начатое ими предприятие развивается прекрасно и движется само по себе, и почувствовали в себе достаточно силы, чтобы рискнуть встретиться с французской армией, достаточно дерзкой отваги, чтобы желать сражения с врагом. Они решили идти дальше на восток, по-прежнему через горы и реки, несмотря на трудности такого марша — потому, что думали дойти до Тулузы.

Перейдя на территорию Астарака, армия принца в пятницу (23 октября) достигла Сейсана, и тут произошло такое крупное нарушение дисциплины, что оно было отмечено в истории (Бейкером): несмотря на строгий приказ принца, этот город был подожжен, и спасти его от пожара не удалось. Как и в Арманьяке, известие о приближении вражеских колонн намного опережало сами войска. Местные жители убегали до прихода войск принца, но оставляли запасы еды. В субботу (24 октября) три корпуса встали лагерем отдельно один от другого: авангард расположился в Турнане, главная часть армии в Симорре (в долине реки Жимон), арьергард в Вильфранше (на милю выше по течению); в каждом корпусе было достаточно продовольствия, и оно досталось солдатам без трудов и хлопот.

В воскресенье (25 октября) войска продолжали двигаться на восток; слева от себя они увидели Совтер. Прошли мимо укрепленного города Ломбес, но не взяли его, перешли через брод реку Сав и провели ночь в большом, брошенном жителями городе Саматане. На следующий день этот город был сожжен (и находившийся в нем монастырь тоже). Армия вошла во владения графа де Коменжа и стала опустошать их огнем и мечом. Она пересекла плодородные и хорошо возделанные земли плоскогорья Туш, прошла через Сен-Фуа и к вечеру достигла Сен-Лиса (26 октября).

До Тулузы оставалось меньше двенадцати миль. В этом большом укрепленном городе были сосредоточены войска графа Арманьяка и его союзников-аристократов, которых долг и собственные интересы заставляли вести борьбу против армии захватчиков, разорявшей их земли.

Какую форму примет эта борьба, должен был решить граф. Французы могли выйти из города и вынудить принца вступить в бой на открытой местности или же могли остаться за стенами и вынудить англичан и их союзников начать осаду города. Обе армии, разумеется, использовали разведчиков, и, когда разведчики принца передали свои сведения по назначению, стало ясно, что граф Жан готовится к войне: мосты через Гаронну были разрушены, многие дома за пределами городских стен уничтожены, чтобы в случае осады врагам негде было жить. Жан д'Арманьяк предполагал, что принц не пройдет мимо Тулузы, и ждал нападения с запада.

Вторник (27 октября), который у Бейкера описан как день отдыха, был днем принятия решения. Английские войска продвинулись очень далеко и довольно легко. Какой же будет конечная цель? Продолжать путь на восток означало идти прямо к Тулузе. Англичане осознавали, что если граф Арманьяк выйдет из города, то сражение выиграют они. Но и в этом случае, если город не капитулирует сразу, придется вести

осаду, а осада, если она продолжалась больше, чем несколько дней, была утомительной операцией, которая требовала применения артиллерии и штурмов, приводящих к большим потерям. Если же граф Жан не выйдет, осада будет еще дольше. Малые крепости, если они не господствуют над речными переправами, можно было обходить стороной, держась вне досягаемости лучников и стараясь избегать потерь. Но Тулуза была не такой. Это был главный город целого края, перекресток многих путей сообщения, естественное место сбора французских войск и единственное место, где можно было переправиться через Гаронну; ее гарнизоном командовал человек, который «притеснял» подданных Англии так, что это стало поводом (а возможно, и настоящей причиной) выбора направления, в котором двигались английские войска. Обойти Тулузу, если бы это и было возможно, было бы неосторожно с военной точки зрения. И в любом случае это было невозможно, поскольку путь дальше на восток преграждала большая река. Если конный набег был слишком приятен, чтобы его прекратить, армия могла повернуть на север, юг или запад. Но идти на восток она не могла.

Решение англичан было отчаянно смелым В случае неудачи потомки стали бы их презирать за него. Но оно оказалось удачным, и историки не замечают его, поскольку вся кампания не представляет интереса с военной точки зрения. Оно было трижды дерзким. Во-первых, англичане должны были пройти мимо большого укрепленного города, то есть оставить в своем тылу мощный гарнизон противника возле единственного целого моста и принять на себя весь связанный с этим риск. Во-вторых, им нужно было переправиться через большую реку без моста и при этом перейти две реки за один день, а перед этим еще пройти десять миль. В-третьих, переправляться нужно было в местах, где Жан д'Арманьяк — если бы у него хватило решимости — мог поставить на противоположном берегу лучников и тяжеловооруженных конников, ко-

торые могли поражать солдат противника, когда они будут переправляться через реку, а затем выбираться на берег,

Англичанам были необходимы быстрота, отвага, дисциплина — и вдобавок удача. Среди них не было ни одного, кто бы знал, где находится брод, но, по милости Бога, они его нашли, написал Венгфельд. Англичане нашли брод (вероятно, между Рогом и Пенсагелем, немного выше слияния рек), привели войска к нему, пройдя десять миль, переправили людей, коней и груженные телеги через большую реку, прошли еще около двух миль, вошли в более узкую и быструю реку Арьеж, переправились и через нее тоже и остановились лагерем в Лакруа-Фальгарде. Принц говорил, что эти две реки «было очень тяжело и трудно перейти», и признал, что его армия понесла при этом потери. Бейкер описывает Гаронну как «быструю, каменистую и устрашающую реку», а река Арьеж, по его словам, была «еще опаснее Гаронны». Венгфельд объясняет, как обстояло дело. «Наши враги, — пишет он, — разрушили все мосты по одну и по другую сторону от Тулузы, кроме одного, который находится в Тулузе, потому что река протекает через этот город. В городе, — продолжает он, — находилось большое войско, но английские войска все же сумели пройти мимо».

Дерзкая отвага выручила англичан. Жан д'Арманьяк, вероятно, не мог даже представить себе такого — ведь, по словам Бейкера, «никогда до этого дня конное войско не переправлялось через эти воды. Вот почему жители этого округа, охваченные паникой, по характеру невоинственные оттого, что считали себя в безопасности за своими реками, не знавшие, что делать и куда бежать, не оказали сопротивления». Не оказал сопротивления и сам Жан. Всего за один день обстановка полностью изменилась. Принц теперь мог, если бы пожелал, проникнуть в глубь Лангедока. Это было памятное достижение, которое и теперь достойно внимания.

Ночь после этого смелого маневра измотанные люди принца провели в Лакруа-Фальгарде¹. Возможно, их командиры обдумывали возможность напасть на Тулузу с юга и отказались от этого. Очевидно, они ограничились незначительной демонстрацией силы там, откуда уже были видны городские стены (возможно, это была усиленная разведка), и, конечно, разграбили и сожгли окрестности Тулузы. Но главной задачей английских военачальников было движение дальше на восток, и, хотя нет свидетельств, ясно говорящих о том, что у них была ясная цель, они шли в восточном направлении по Южной Франции еще неделю. «Страна Тулуза» описана как «очень богатая и обильная». Три корпуса часто действовали раздельно, выполняя каждый свою задачу, и потому англичане легко захватили много малых городков и маленьких крепостей. Главный маршрут указан Бейкером. В четверг (29 октября) армия прошла через Кастане и в тот же вечер стала лагерем на берегу реки Эр в Монжискаре. Этот город был захвачен силой, и армия понесла при этом потери. Он, конечно, был разграблен и сожжен. Фруассар рассказывает об этом в своем обычном стиле, а затем добавляет несколько неожиданных для него слов сожаления о судьбе мужчин, женщин и детей этого города. Два шпиона, схваченные в городе, рассказали, что коннетабль Франции в это время находился в Монтобане и надеялся, что армия принца станет осаждать Тулузу и надолго задержится возле нее.

На следующий день (30 октября) принц вел свои войска по древней, проложенной еще римлянами Домициевой дороге, через Базеж и Вильфранш, до Авиньона. Жители бежали из этого города еще до прихода англичан, и армия принца остановилась в нем на ночь — одни части в самом городе, другие в пригородах. Некоторые из богатых горожан укрылись в замке, но он был взят

¹ *Baker*. 131. Передвижения принца подробно описаны местными историками Мюлло и Пу и Роша

штурмом, и они оказались в плену. За этим последовали обычные грабежи и разрушения; здесь и в Монжискаре солдаты сожгли также несколько ветряных мельниц¹.

В субботу (31 октября) армия сожгла Ма-Сент-Пюэль с августинским аббатством и дошла до большого города Кастельнодари, который был слабо укреплен, но стойко защищался. Он был взят штурмом, и солдаты принца устроили при этом настоящую бойню. Жителей города захватили в плен и стали требовать с них выкуп, а с теми, кто отказывался платить, обходились очень грубо². В воскресенье (1 ноября, День Всех Святых) армия отдыхала, но часть солдат вышла в поход; они овладели каким-то городом, жители которого купили себе безопасность за 10 000 золотых флоринов. Затем город и замок Кастельнодари были сожжены, и вместе с ними солдаты принца сожгли церковь, два монастыря (миноритов и кармелитов) и больницу Святого Антония. Понедельник (2 ноября) армия провела в пути: она прошла через Сен-Мартен-ла-Ланд, Лаборд и Вильпинт до Альзона; во вторник (3 ноября) она дошла до Каркасона — крупного города и большой крепости.

В нем — так же, как и в некоторых других городах Южной Франции — жилища людей и укрепления, предназначенные служить им военной защитой, были разделены пространственной преградой. Город (*le Bourg*) Каркасон — богатый, большой и беззащитный — стоял на левом берегу реки Од, а крепость (*le Cité*) — на правом; берега соединял каменный мост, и он не был разрушен. В городе были большие запасы вина и продовольствия; в нем собрались беженцы из всех соседних

¹ *Baker*. 132. Бейкер здесь упоминает конкретно гасконские и беарнские войска.

² *Baker Froissart*. V. 347. (Дальше — цитата на старофранцузском, которая переводится примерно так: «и причиняли телесный вред, если кто-либо не хотел себя выкупить». — *Пер.*) Маршрут англо-гасконской армии от этого места до Нарбона и назад до Бельпеша (16 ноября) подробно описан местным историком Жанжаном, который также прилагает к нему полезную карту.

сельских местностей, а когда армия принца подошла ближе, очень многие из этих людей, взяв с собой что могли из своих ценных вещей, перешли в крепость, где горожане уже сложили на хранение многое из того своего имущества, которое могли перенести.

На основании своего прежнего опыта военачальники английской армии могли решить, что этот город можно занять без большого труда; и сам принц, и Бейкер в своих коротких рассказах подразумевают, что армия вошла в почти безлюдный город и разместилась в нем, не встретив сопротивления. Однако Фруассар утверждает, что поперек улиц были протянуты цепи; что легковооруженные пехотинцы с копьями и маленькими круглыми щитами очень упорно сопротивлялись нападавшим, но английские конники спешили и, развернув знамена и стяги, перепрыгивали через цепи с мечами в руках и сражались с ополченцами, а лучники в это время выпускали целый ливень стрел во вражеские щиты, и в конце концов пехотинцы отступили через мост в крепость. Возможно, это было преувеличенное описание незначительной стычки. Разместившись в городе, английская армия чувствовала себя в безопасности и имела много еды и вина.

Однако оставалась еще огромная крепость на холме, которая возвышалась на 150 футов над мостом и была одним из самых грозных достижений военного строительства в то время. Два ряда башен и высоких стен окружали эту крепость, которая господствовала над восточным выходом из города. Имея достаточный запас продовольствия, ее защитники могли выдерживать осаду много месяцев. А такая долгая остановка была несовместима с конным набегом. К тому же английская армия, которая смогла, несмотря на разрушение мостов, переправиться через Гаронну и Арьеж, вполне могла найти способ переправиться и через Од, если будет принято решение идти дальше на восток. Она даже могла перейти реку по каменному мосту, правда рискуя попасть под град стрел из замка. При этом англичане на-

верняка просчитывали последствия — то, что могло произойти, если у них за спиной будут находиться большие силы французов. Принцу было вовсе не обязательно захватывать каркасонскую крепость, однако это увеличивало и безопасность его войск, и его богатство, и его престиж.

Нужно принимать во внимание и еще один фактор. Жители Каркасона, хотя и покинули его, были близко; они не могли помешать уничтожению своего города, но могли начать переговоры об уплате денег за то, чтобы англичане пощадили их город. В течение среды и четверга (4 и 5 ноября), когда английская армия отдыхала, представители обеих сторон обсуждали условия такого соглашения. Каркасонцы предложили 250 000 золотых экю за то, чтобы город не предавали огню. Вместе с их предложением принцу была передана просьба местного духовенства, чтобы он не позволил своим людям сжечь город и вообще причинить ему какой-либо ущерб; но ни горожане, ни представители духовенства не могли вести переговоры о сдаче¹.

Предложение было отвергнуто, и причины этого заслуживают более подробного рассмотрения. Обещанная сумма была огромной — гораздо больше того, что горожане могли заплатить сразу, и, вероятно, больше, чем они могли (в той обстановке, которая сложилась в Лангедоке осенью 1355 года) быстро собрать с помощью займов. Бейкер не говорит, что эта сумма была слишком мала. Он считает, что это было не столь важно. Велика она была или нет, задачей принца было прежде всего не собирать деньги, а демонстрировать справедливость своего дела. Бейкер также считает, что те, кто находился в каркасонской крепости, так упорно сопротивлялись не потому, что хранили верность королю Франции, а потому, что боялись его мести. Хотя эти предположения сформулированы расплывчато, они за-

¹ *Baker; Jeanjean, J.F. La Guerre de Cent Ans en Pays Audois* (далее — *Jeanjean*). В Перигё тоже было сделано предложение уплатить деньги за то, чтобы город был сохранен. Принц вел себя последовательно.

служивают рассмотрения в контексте всей ситуации. Французы вполне могли рассуждать так: хотя сейчас принц — грозная сила, конный набег — событие временное; раньше или позже французская власть будет восстановлена (как в Нормандии в 1346 году), и поэтому сопротивляться (в разумной степени) для них в конечном счете лучше, чем сдаться. Крепость была неприступной, время работало на его защитников, не было никаких оснований сомневаться в верности гарнизона французской короне, а принц был обязан помнить, что французские войска, несомненно, идут ему навстречу. Поэтому англичанам пришлось с огромной неохотой примириться с тем, что они не получают эту огромную военную добычу.

Должно быть, при этих обстоятельствах любая сделка по поводу торговой части города была неприемлема. Принц хорошо понимал, что многие люди в его армии шли в бой ради денег, но у него самого могли быть более высокие — или просто иные — побуждения. Более того, хотя противоречивая природа человеческих дел и заставляла принца, из соображений целесообразности, смотреть сквозь пальцы на многое, что было обычным в войсках, сам он до этого ни разу не был участником такой грязной сделки, как та, которую ему предложили.

С точки зрения претензий Эдуарда III, Черный принц должен был считать жителей Каркасона подданными своего отца, а поскольку они сопротивлялись — мятежниками и, следовательно, врагами отца. Как представитель короля Эдуарда III, принц не мог торговаться с ними и с высокомерным презрением отверг их предложение.

Больше нельзя было тратить ни минуты. Были отданы распоряжения сжечь город в пятницу утром с обычным указанием шадить имущество Церкви. Но город был разрушен полностью.

Фруассар пишет, что армия перешла Од по мосту, и, когда она проходила у подножия того холма, на кото-

ром стоит каркасонская крепость, на нее обрушились огромные камни из стоявших в крепости метательных орудий. Возможно, он имел в виду только одно подразделение армии принца. Попытка провести всю армию этим путем маловероятна. Бейкер пишет, что армия «отступила» (*recessit*) и шла в тот день по «трудным для продвижения, каменистым и болотистым» местам. Она двигалась уже не по Римской дороге, а по левому берегу Ода и вскоре шла уже вдоль южной оконечности озера Марсейет. Солдаты принца сожгли Треб и опустошили местность вокруг него; место для ночлега армия нашла или добыла себе в Рюстике (6 ноября). Обойдя озеро Марсейет, войска принца прошли через город Серам (который они не разрушили, потому что он принадлежал другу принца) и достигли Канет (7 ноября). В воскресенье (8 ноября) армия переправилась через реку Орбье, разделившись для этого надвое: часть войск перешла реку по недостроенному мосту в Вильдене, а другая часть воспользовалась бродом в Рессак-д'Оде. После этого, пройдя через холмы между Муссаном и Бизане, армия дошла до Нарбона.

Этот прославленный город, который был знаменит уже во времена римлян, играл большую роль в торговле, но канал, который связывал его с морем, постепенно заиливался, и для крупных морских судов доступ в город становился все труднее. Потеряв часть своего значения как морской порт, Нарбон все же оставался процветающим центром торговли и находился в богатом краю. Через тот рукав Ода, который, хотя количество воды в нем сокращалось, по-прежнему протекал через город, были переброшены каменные мосты.

Нарбон был похож на Каркасон тем, что в нем город и крепость тоже располагались на противоположных берегах реки. Крепость была хорошо укреплена, в ней находился гарнизон и были метательные машины, способные обстреливать город. Об этом городе говорили, что за его стенами хранится много золота, серебра и драгоценных камней и, кроме того, в нем живут бога-

чи, которых можно захватить в плен и получить большой выкуп. Но эти сокровища и выкупы можно было добыть, только осадив город.

Когда армия принца приблизилась к Нарбону, женщины и дети перешли в крепость. Вторгшаяся армия ворвалась в город, расположилась в его домах и воспользовалась находившимися в нем большими запасами еды и вина, но в город стал ночью и днем сыпаться град снарядов из баллист, стоявших в крепости. Одной из жертв этого обстрела стал Жан де Помье. Стало ясно, что английская армия не может долго оставаться в городе, иначе понесет серьезные потери. В понедельник и вторник англичане и их союзники несколько раз пытались штурмовать крепость, и приступы были мощными, но стойкие защитники отбили их все. После этого нападавшим пришлось отступать. Город был подожжен, и солдаты вышли через горящие дома на открытую равнину; нарбонцы пошли следом за ними и сумели отбить и разграбить некоторое количество повозок из обозов принца. Отступая, английские солдаты увели с собой видных жителей Нарбона, которых принц взял в заложники. Им пришлось дойти с армией принца до Кюксак-д'Ода; там те, кто смог уплатить достаточно большой выкуп, были отпущены, а остальные казнены.

Отступление от Нарбона (10 ноября) стало серьезным испытанием для армии, которая перед этим столько времени легко шла по французской территории. Поскольку невозможно установить, какую конечную цель ставили перед собой англо-гасконские военачальники, и даже была ли у них определенная цель, то у нас нет возможности и полностью реконструировать ситуацию, с которой они столкнулись. Гасконские сеньоры просили короля Эдуарда прислать сына в Гасконь и настояли на том, чтобы этот сын организовал нападение на Арманьяк; теперь их желания были исполнены. По

власти французского короля был нанесен удар: дерзкий набег вражеской армии в глубь его страны нанес большой урон его подданным. Страх перед приближающимся войском принца распространился по всему югу Франции, так что жители Монпелье и даже Авиньона стали готовиться к защите. Итак, друзья Англии были вознаграждены, врагам нанесены обида и урон; можно предположить, что это стало осуществлением некоторых задач похода. Что касается рыцарей и лучников, то многие из них проехали или прошли около трехсот миль от своего дома до английского морского порта. Теперь они проделали примерно такой же путь от французского порта в глубь Франции и все это время кормились обильными запасами плодородного края и обогащались грабежом. Они ни разу не встретили по-настоящему серьезного отпора. Но это не могло продолжаться долго: французский король не мог позволить своим врагам безнаказанно разорять эти земли. К тому же была уже почти середина ноября. Приближалась зима, когда даже выносливым воинам нужен теплый кров на ночь.

Из нескольких различных источников почти одновременно поступили сообщения, что король Эдуард III высадился во Франции, что папа римский желает связаться с принцем и что французская армия собирается за спиной у принца и его людей. Прошло совсем немного времени, и стало известно, что французские войска движутся от Монпелье.

Два епископа, прискакавшие верхом из Авиньона, прислали посланца просить об охранной грамоте, передав просьбу папы, чтобы принц вступил в переговоры с королем Франции. Такая просьба была частью той политики, которую папа вел все это время. Оказалось, что он отправил письма всем четырем графам и другим людям из окружения принца, а также Жаку де Бурбону, Жану де Клермону и другим французским аристократам, и в этих письмах просил представителей обеих сторон использовать их влияние, чтобы добить-

ся перемирия. Более того, у принца были полномочия, чтобы заключить перемирие. Но время для просьбы было выбрано неудачно. Епископам было сказано, что они должны обсуждать это с королем Эдуардом III, и в письме, написанном спустя две недели, принц описал это событие, подчеркивая, что поступил правильно с точки зрения процедуры.

Правильным было и важное политическое решение, касавшееся подчиненной ему армии. По словам пленных, французская армия наконец выступила в поход и шла навстречу англо-гасконской армии по направлению к Нарбону. «Мы посовещались о том, не лучше ли будет отступить, и снова повернули, чтобы встретить их».

Из Нарбона — самой восточной точки своего похода, войска принца направились к северу. Они задержались перед Кюксак-д'Одом (который был укреплен), полностью уничтожили Увейян (11 ноября), а один отряд начал осаду Капестана. Были начаты переговоры об уплате денег за то, чтобы город был пощажен, но в это время пришло сообщение, что французские войска уже близко, к западу, и еще одна французская армия идет с востока от Бокера. Совет принял решение прекратить осаду Капестана, и английская армия повернула на запад.

Она изменила направление пути, но не способ действий. В данный момент людям принца цель была совершенно ясна — дойти до болотистого края возле Бордо с таким количеством добычи, которое солдаты могут везти и нести, не создавая опасности для себя. Но образ действий оставался прежним — обычным для войска во время рейда. Разорение вражеских земель продолжалось. Маршрут следования подсказывали то благоразумие, то дерзкая отвага. Были дни голода и неудобств, но были и дни праздников и изобилия. Так армия вернулась по собственным следам назад к своей базе.

Уходя от Капестана, английские военачальники ожидали, что французская и английская армии встретятся

в бою в течение трех следующих дней, и в городе Оме (12 ноября) они узнали, что офицеры графа Арманьяка действительно провели там предыдущий день. Почему Арманьяк не остановился и не вступил в бой, можно лишь догадываться. Вопрос о том, мог ли принц, отступая в сторону Каркасона, догнать французов, тоже приходится оставить без ответа. В среду (11 ноября) английская армия совершила очень трудный переход по каменистым дорогам, где не было ни еды, ни воды, чтобы ее приготовить. У англичан были только вино и растительное масло, так что лошадей поили вином. Выйдя из Ома, армия разделилась на отряды. Были захвачены город Пепьё и замок Редорт; основная часть армии провела ночь (12 ноября) в Азийе, где англичане разграбили большие запасы вина (муската).

Каким путем шла армия 13-го и 14-го числа, установить крайне трудно. По данным Бейкера, переход 13-го числа был длинным и весьма утомительным. Путь армии по-прежнему пролегал по каменистым дорогам, где нельзя было достать воды, и закончился стоянкой, которая превратилась в мучение из-за отсутствия воды и крыши над головой. 14-го числа, по его же словам, армия пересекла свой прежний маршрут. К воскресенью (15 ноября) путь английской армии для историков опять совершенно ясен. Автор самого нового французского исследования на эту тему считает, что из Азийе принц, твердо решивший не вступать в соприкосновение с армией Арманьяка, повернул на север через Сиран, Лаливиньер, Вентажу, Пейрак, Вилалье, Конк и на ночь субботы (14 ноября) разместил свои три корпуса лагерем в разных местах возле Пеннотье. Это значит, что он прошел севернее Каркасона¹.

На следующий день (воскресенье, 15 ноября) часть его армии пошла на запад по хорошей дороге через богатый равнинный край, прошла Монреаль и ускорила свой шаг потому, что принца должны были принять в

¹ Я следовал по маршруту, проложенному Жанжаном.

огромном доме религиозного общества братьев-проповедников в Сент-Мари-де-Пруй. Здесь принц и многие из его свиты были приняты в братство, и братьям была подарена очень большая сумма денег, подарок от имени принца преподнес Ричард из Леоминстера — один из английских братьев-проповедников, которые сопровождали экспедиционную армию.

В это время другая часть армии двигалась по кругу в южном направлении; она разграбила и сожгла Лиму, Ласер, Фанжо (где было двадцать ветряных мельниц) и Вилласавари.

Объединившись, армия в понедельник (16 ноября) дошла до Белпеша, где город и замок стояли на большом удалении друг от друга. Город был захвачен, замок сдался. Но Белпеш не сожгли потому, что он принадлежал графу де Фуа.

Во вторник (17 ноября) армия принца, двигаясь на запад, достигла долины реки Эр, куда уже дошла новость о приближении принца. Братья-проповедники в Пруе приготовили все, чтобы оказать ему гостеприимство, и ждали его. В этот день граф де Фуа тоже ждал принца и дружески принял его в аббатстве Бульбон. Граф и принц провели несколько часов вместе в поездке верхом; ехали они вниз по течению, в основном по владениям графа, и, по словам Бейкера, «из уважения к графу и его соседям в тот день был запрещен огонь».

Армия снова переправилась через Арьеж; ее главные силы остановились лагерем в Мирмоне и позже сожгли его. 18 ноября армия после короткого перехода оказалась на берегу Гаронны возле Монто, где в обычное время была паромная переправа. Паромы, разумеется, были убраны оттуда, но англичане, к изумлению местных жителей, повторили подвиг, совершенный три недели назад. В это время лил сильный дождь, и они впоследствии узнали, что, если бы они пришли туда на день позже, вода поднялась бы так высоко, что переправиться было бы невозможно. Бейкер объясняет

успех этого второго рискованного предприятия божьим промыслом. Не останавливаясь на отдых, англичане поднялись вверх по левому берегу. Один их отряд снова переправился через Гаронну, занял Маркефо и вернулся, а остальная армия, двигаясь вперед, дошла до Карбона, взяла его штурмом и остановилась в этом городе на ночь. Должно быть, англичане промокли и устали.

Дождь прекратился, и в четверг (19 ноября), в тихий ясный день, англичане отдыхали. Это была первая настоящая остановка с тех пор, как они вышли из Нарбона, и, учитывая, как много сил потребовали переходы и труды в предыдущие дни, им была нужна передышка для восстановления сил.

Теперь англо-гасконская армия стояла лагерем западнее Гаронны, и начался новый этап военного противостояния. Жан д'Арманьяк не пошел к ней навстречу, не послал своих людей вверх по течению, чтобы помешать противнику перейти какую-либо из двух устрашающих рек, не принял никаких мер, чтобы замедлить движение вражеской армии, которая по-прежнему продолжала выполнять свою задачу разрушителя в нескольких милях от больших укрепленных городов — Каркасона и Тулузы. Теперь он не мог преградить англичанам путь на Бордо, но мог бы осложнить им обратный путь, нападая на отдельные отряды, разрушая мосты, совершая налеты на арьергард. Жан д'Арманьяк делал это, но у нас слишком мало данных для того, чтобы реконструировать его тактику — несомненно, оппортунистическую — или оценить ее результаты. Можно лишь сказать, что его действия сделали задачу принца гораздо труднее.

Трудности принца были вызваны временем года и грузом добычи, которую захватили его люди. В это время световой день был уже коротким, а погода — зимней. Дороги раскисли, вода в реках поднялась, а принц не мог надеяться найти где-нибудь целый мост; однако он должен был как можно скорее отвести своих солдат

на зимние квартиры — под крыши и в тепло, не поддаваясь искушению отбросить нападающего противника назад, к Тулузе. Прежде всего было необходимо выбрать для отхода подходящий маршрут.

Каждодневные решения, особенно выбор маршрута и мест для остановки, зависели от данных разведки. Средневековые военачальники, конечно, использовали отряды войсковой разведки, «*скороходов*», разведчиков, шпионов и добывали информацию от пленных. (Фруассар рассказывает, что одного пленного шотландца «допрашивали так жестоко, что из страха за свою жизнь» он выдал план своего предводителя. Но, с другой стороны, именно пленный француз, чтобы получить награду, указал королю Эдуарду III важнейший брод Бланшетак, что позволило армии короля переправиться через Сомму.) У принца были все эти источники информации, а также местные проводники. Два конюха показали ему дорогу из Касте-ан-Дорт в начале рейда. Однако у него был и «проводник по Гаскони» Арнольд Бернар, который в конце кампании получил за свои услуги 9 ¹.

Дорога, по которой армия принца прошла от Карбона до Бордо, вполне могла быть лучшим возможным маршрутом. Бейкер хвастливо пишет о нескольких стычках и небольших боях, но за этими словами чувствуются и тяжесть пути, и решимость принца избегать крупномасштабных операций. Кроме того, он, хотя и коротко, говорит о трудностях перехода через реки. Через саму Гаронну армия переправилась легко, как на смотру (*equites singuli, successive... transierunt*) (по-латыни: «всадники переправились по одному, друг за другом». — *Пер.*).

На ее притоках люди принца, разойдясь вдоль берега, пытались переправиться наугад там, где считали это возможным (*transierunt districte...; cum districcione magna*

¹ *Henxteworth*. 9. Однако похоже, что деньги были выплачены в тот день, когда его работа в Мезене была завершена.

(лат. «переправились в суровых условиях; с большими помехами. — *Пер.*). В одном месте он ясно говорит о надежде, что река, которую перешла английская армия, станет преградой между ней и противником. И были три очень плохих ночи — две в безводных местах и третья на месте, куда англичане и их союзники пришли очень поздно и провели ночь в ожидании битвы. С четверга 19 ноября до воскресенья 29 ноября у армии был всего один день отдыха, а среднее расстояние, которое она проходила за день, равно примерно двадцати милям. Такая частота отдыха и длина переходов не сильно отличается от того, что было в начальной части похода, но если сделать поправку на новые условия, это означает, что и людям, и лошадям в эти дни пришлось очень нелегко.

В пятницу, субботу и воскресенье (20, 21, 22 ноября) происходили соприкосновения между подразделениями английской и французской армий. Французские войска вышли из Тулузы — вероятно, с намерением атаковать англичан во фланг или оттеснить их обратно к реке. Известие об этом достигло лагеря англичан в ночь с четверга на пятницу. По словам принца, Жан д'Арманьяк, коннетабль Франции, маршал Клермон и вся французская армия стояли лагерем на расстоянии меньше чем двух лиг от английского арьергарда. По словам Бейкера, было известно, что французская армия делилась на пять сильных колонн. В пятницу утром отряд в восемьдесят копий под командованием Бургерша, Одли, Чендоса и Ботетура был послан на разведку, и во время стычки с противником захватил в плен более тридцати французских рыцарей (в том числе графа Коменжа), убил многих возчиков из французского обоза и уничтожил значительные запасы продовольствия. После этого большой отряд французских войск отступил, причем не в сторону Тулузы, а к западу. Позже в тот же день англичане обнаружили нескольких французских солдат в церкви в Мове-зене и отнесли с уважением к праву убежища (отняли у французов оружие и коней, но не увели их самих в

плен ради выкупа). Однако большинство французов отступало за реку Сав; затем они разрушали мосты и, оказавшись в безопасности, стали лагерем на берегу этой реки у Ломбеса и Совтерра. Оттуда французы, освещенные огнем своих костров, были видны англичанам, лагерь которых находился на восточном берегу, «но между ними и нами была большая глубокая река».

На следующий день (21 ноября) эти французские войска отошли на север. Англичане, которые по-прежнему находились восточнее Сава, под проливным дождем дошли по узким и трудным дорогам через долины Оссонна и Сава до Орада, а в воскресенье (22 ноября) английская армия пересекла свой прежний путь (дорогу из Оша в Тулузу), перешла вброд Сав и, когда стало темнеть, была уже возле Жимона. Однако здесь французские войска смогли их задержать. Они занимали выгодную позицию на холме рядом с городом и не подпускали к нему англичан до полуночи. Во время этой остановки часть английских войск была послана на пять миль выше по течению и овладела Оримоном. В нем основная часть войск неуютно провела ночь, но авангард англичан провел несколько оставшихся у него часов отдыха в Селимоне. Французы увели английскую армию с самого короткого пути к ее цели и не сдали Жимон. Враждующие армии были достаточно близко одна к другой, чтобы снова вступить в сражение.

И несомненно, что англичане ждали этого нового сражения. На следующее утро (23 ноября), еще до восхода солнца, они оставили свой обоз в Оримоне, а все боевые силы армии выстроились для битвы в поле. Так они простояли много часов, пока отряд разведчиков не принес известие, что основная часть французской армии ночью отступила от Жимона. Сама крепость имела небольшой гарнизон, но была достаточно мощной для того, чтобы выдержать долгую осаду.

Совет принца собрался, чтобы определить линию поведения. «И поскольку мы понимали, что они не желают сражаться, было решено, что нам следует про-

должать наш путь». Но английская армия еще не могла отдохнуть. Англичане перешли две реки — Жимон и Арратс — и во вторник (24 ноября) после долгого дневного перехода вынуждены были разбить лагерь на голой равнине. Здесь у них снова не хватало воды. Лошади, которым было разрешено утолить жажду вином, пали, и перевозка грузов стала еще трудней. Противник по-прежнему шел за англичанами следом, и их разрозненные отряды лишь с большим трудом сумели переправиться через реку Жер. Они надеялись, что при таком подъеме воды эта река послужит препятствием для противника. Затем англичане ворвались в Режомон (25 ноября) и отдохнули там — впервые с тех пор, как покинули берег Гаронны (четверг, 26 ноября). Здесь захваченный ими в плен человек из французской армии рассказал, что между Жаном д'Арманьяком и коннетаблем Франции были большие разногласия и коннетабль упрекал графа за бездеятельность и за то, что действия его войск не дают достойных результатов.

В пятницу (27 ноября) были еще один долгий переход и трудная переправа через реку Баиз. Утром в субботу (28 ноября) англичане из своих нескольких лагерей к югу от Кондома сошлись вместе, чтобы переправиться через реку Ос, и вошли в поросшие густыми лесами земли на западной границе Арманьяка.

Наконец армия добралась до болотного края, и враги перестали преследовать ее. Как ни тяжелы и опасны были последние этапы ее марша, это не всегда мешало операциям по разорению территории противника: чтобы сжечь город, времени и сил нужно немного. Орад был сожжен, Режомон пришлось захватить силой, и потому (*ideo*, пишет Бейкер) его тоже сожгли.

Но теперь поход закончился. Знамена были свернуты. Быстро было выполнено все необходимое, чтобы отпустить по домам гасконские части армии. Перед уходом гасконцев принц пообещал им на следующее лето новую военную экспедицию и еще больший «доход». Они выразили свое удовлетворение и желание следовать за ним.

После этого всем беарнским войскам и многим из гасконцев было разрешено вернуться домой.

Ночь субботы (28 ноября) и воскресенье (29 ноября) английские и валлийские войска провели в Мезене. Теперь было и не нужно, и запрещено добывать продовольствие силой. За приобретенные хлеб, сено и овес было заплачено. Жечь дома, разумеется, тоже было запрещено, и за один сгоревший дом была выплачена компенсация. Понедельник прошел в долгом марше через болотный край до Кастельжалу. Во вторник (1 декабря) армия продолжала идти вперед через леса; одна ее часть (которую вели платные проводники) направлялась в аббатство Монпуйян, а другая прямо в Ла-Реоль.

В Ла-Реоле совет принца на формальном заседании выбрал место для зимних квартир армии, а еще через несколько дней принц был в Бордо.

Что касается добычи, хотя Фруассар преувеличивает ее количество и считает гасконцев очень алчными, он не сообщает никаких подробностей о ее распределении. Вероятно, многое из того, что было захвачено, считалось личной собственностью участников экспедиции. Фруассар лишь подводит итог: «Вы должны знать, что в этом походе принц и его люди получили большую выгоду», и именно об этой выгоде принц говорил в своем прощальном обращении к гасконским воинам.

Оценки характера и важности этого конного набега сильно отличаются одна от другой. Хотя почти все источники английские (или, как хроники Фруассара, написаны с большим сочувствием делу англичан), бесспорно, что англо-гасконская армия прошла от Бордо до Нарбона, и что ущерб, который она причинила, был очень большим, и что никакие французские войска не оказали ей серьезного сопротивления. Однако существуют разные точки зрения на цель экспедиции, примененные в ней средства и бездействие французских военачальников.

Эти разногласия в значительной степени вызваны двумя обстоятельствами. Во-первых, для некоторых людей все эти события кажутся парадоксальными. Большая армия прошла сотни миль по «вражеской» территории и ни разу не вступила в большое сражение. По их мнению, такую операцию нельзя с полным правом считать военной. (Военные историки в большинстве случаев оставляют ее без внимания. Оман посвятил ей всего две строки.) Более того, эта армия, полностью снаряженная для войны, тратила свои силы на грабежи и разрушения. Такие действия оскорбляют нравственные чувства современного человека, а потому он осуждает весь поход целиком. А человек, который и по своему положению в обществе, и как владелец своих земель, естественно, должен был стать защитником разоряемого края, а по должности, полученной от короля, был этим защитником официально, смотрел, как вражеская армия делает свое злое дело, и не выступил против нее. Его поведение кажется необъяснимым.

Второе (менее важное) обстоятельство связано с характером французских исследований этого похода. Французские ученые очень тщательно изучили передвижения принца по их родным краям, сделали очень много для идентификации названных Бейкером мест и потому установили маршрут армии точнее, чем это смогли бы сделать английские исследователи. Однако их исследования, выигрывая по части подробностей, несколько проигрывают в широте охвата темы. Занимаясь только исследованиями действий английских войск на небольших территориях, французы не видят широкий национальный и даже международный фон похода.

Но увидеть поход принца с нужной точки зрения возможно лишь на фоне всей англо-французской войны. Поэтому мы повторим здесь то, что было раньше сказано нами о целях его армии.

Поход на юге был частью наступления на Францию с трех сторон, которую задумали король Эдуард III и его советники. Хотя в документах не отмечено, какие

функции должна была выполнять каждая из трех армий (и, возможно, ум обычного современного человека не сразу понял бы это распределение), следует полагать, что стратегически эти армии были частями одного целого. Во всяком случае, Франция на юге была так же уязвима, как на севере, и удар из Бордо мог быть (поход принца это доказал) таким же результативным, как удар из Кале или высадка английских войск в районе мыса Аг на полуострове Котантен в Нормандии с последующим наступлением в глубь Франции (то, что сделал Эдуард III в 1346 году. — *Ред.*). Если бы он совпал по времени с действиями других английских армий, то отвлек бы французские силы из Северной Франции. Это было военное средство для достижения большой политической цели — полного суверенитета английского монарха над юго-западными областями Франции, которыми он, по его собственному заявлению, правил независимо от французской короны (цель Эдуарда III в начавшейся Столетней войне была другой — занять французский трон. — *Ред.*).

Имея эту общую цель и Бордо в качестве базы, советники принца решили, что первый удар надо нанести по графству Арманьяк. Это было бы возмездием упорному противнику англичан и показало бы, как сильна Англия. План их действий можно в основных чертах понять по финансовым документам. Жалованье и иные выплаты были произведены на полгода вперед, и были даны гарантии, что они также будут выплачены и за следующие полгода. Значит, огромная машина войны была приведена в действие не просто для десяти дней похода с целью разорения одного графства. Военное и финансовое обеспечение кампании было рассчитано на гораздо больший срок. Урок, преподанный в Арманьяке, мог быть пронесен гораздо дальше в глубь французской территории. К тому же военачальникам, преподавшим его, нравилась эта работа. Они не только не уклонялись от боя, а искали его (когда противник был слабее; в конце похода англичанам

не раз пришлось уклоняться от сражения. — *Ред.*). Они шли прямо к Тулузе, ждали целый день в десяти милях от этого города и, несомненно, узнав от разведчиков, что Жан д'Арманьяк предложил французам остаться за городскими стенами, решили идти по главной большой дороге Южной Франции. Цель у них была по-прежнему политическая, а свою военную задачу они представляли себе смутно. Военной целью мог быть Каркасон, Нарбон, Безье, Монпелье или даже Авиньон. (Страх перед английской армией действительно распространился вдоль всего этого пути.) Выбор должен был сделать военный совет принца, в зависимости от обстоятельств. После сведений, полученных от разведчиков возле Капестана, совету стало ясно, каким будет решение: армия возвращается в Бордо, взяв с собой сколько может из той огромной добычи, которую она захватила за время похода.

Однако первоначальная цель кампании была скрыта за подробностями похода. Французские писатели считали, что и эта кампания, и кампания 1356 года имели целью только разграбление и оустошение вражеской территории, и в подтверждение этой точки зрения они цитировали месье Беллока, поскольку он утверждал, что принц считал города «добычей для грабежа». Эти суждения возникают из-за того, что средство принято за цель, но эту экспедицию финансировал Эдуард III, и его военачальники отправились в поход не для того (не только для того. — *Ред.*), чтобы только грабить и разорять. Если бы Жан д'Арманьяк со своим войском вышел из Тулузы 26 или 27 октября, принц, возможно, не переправился бы через Гаронну (скорее всего, он был бы разбит, и французы могли бы не сохранить и Тулузу. — *Ред.*). Твердое решение Жана бездействовать облегчило вторгшемуся врагу его самые худшие дела, лишило обе стороны военной славы и придало походу вид, который ввел потомков в заблуждение.

Теперь мы в состоянии взглянуть на кампанию принца как на единое целое. Как военная операция она

была успешной: армия прошла четыреста миль по вражеской территории, систематически уничтожая все на своем пути, и почти беспрепятственно. Если французские войска не потерпели решающего поражения, то лишь потому, что не осмелились выступить против вторгшегося противника (в полевом сражении; защита крепостей велась. — *Ред.*). Этот поход принес мало военной славы англичанам, но очень унижил французов. То, что кампания принца «не привела к завоеванию территории», верно, но это не столь важно: завоевание земель не было ее целью. Мнение, что «предприятие принца было нелепостью», нам незачем обсуждать, поскольку оно основано на неверном представлении о походе. То, что его кампания не имела стратегического плана, в какой-то степени верно, но это можно сказать почти обо всех военных действиях XIV века.

С политической точки зрения кампания тоже была успешной: она упрочила и усилила верность королю Эдуарду его гасконских подданных, и они были готовы выступить в такой же поход в следующем году.

Англичане были довольны кампанией принца и еще в одном отношении — с точки зрения ее последствий для Франции. Край, по которому прошла англо-гасконская армия, был богат, и его жители платили большие налоги. Полное уничтожение Каркасона, почти полное Нарбона и примерно двадцати других городов означало значительное уменьшение доходов французской короны. Для советников принца эта сторона дела, которую подтверждали счета налоговых сборщиков, найденные в этих городах, была очень хорошим результатом.

И наконец, очень многие участники похода обогатились за счет награбленной добычи и денег, полученных в качестве выкупов или за отказ от нападения. Выгода государства совмещалась с выгодами отдельных людей. Служба у принца приносила хорошее вознаграждение.

Что касается способов ведения войны Черным принцем, французские критики осуждают его в основном по

двум причинам: за то, что он избегал сражений, и за то, что среди его методов были грабеж и разрушения. Отсутствие сражений в осеннем *chevauchée* мы уже обсудили. Виновником этого был Жан д'Арманьяк. Но в ту эпоху были и другие примеры нежелания ставить все на кон в решающем сражении. Например, странный случай в Бюиронфосе (на севере современного департамента Эна, северо-восток Франции. — *Ред.*), когда английский и французский короли договорились о дате и месте битвы, но битвы не было. И той же осенью 1355 года, когда король Эдуард III вторгся в Северную Францию, король Иоанн II Добрый не вынуждал его вступить в сражение. В 1359 году, когда Эдуард снова вторгся во Францию, дофин Карл тоже уклонялся от боя. Так что поведение Жана д'Арманьяка вполне могло быть совместимым с военной практикой его времени. Позже мы вернемся к этому вопросу.

Уклонение от осады городов было типичной особенностью рейдов. Эдуард III в своей классической военной кампании 1346 года не брал штурмом замки и укрепленные города. Он «прошел мимо сильного замка Рольбуаз» и «прошел мимо города Бове». Осада означала большую потерю времени, а штурм — большие потери среди солдат и артиллерии. Если крепость стояла на горном перевале или у моста через широкую реку, она была препятствием, которое нельзя обойти. Но военачальник, который отважно переправлялся со своими людьми через реку без моста или был готов пойти на риск и оставить у себя за спиной сильный вражеский гарнизон, нарушал общепринятые правила передвижения войск. Было бы несправедливо упрекать его за такую инициативность.

Что касается обвинений в грабеже и разрушениях, на них можно дать ответ, состоящий из трех частей. Во-первых, эти обвинения, разумеется, соответствуют действительности. Во-вторых, как отметил Перруа, если несколько тысяч солдат идут в конный набег, вступают на территорию врага и не сталкиваются с его войсками

в решающем сражении, они могут только грабить: такая армия не может ни захватывать вражескую территорию, ни тем более удерживать ее как оккупационная. В-третьих, такой образ действий не был чем-то новым, принц и его люди не изобрели его специально, чтобы применить против жителей Лангедока. Как мы уже показали, это были обычные для XIV века способы ведения войны, которые считались законными и даже достойными. Принц и его главные сподвижники учились искусству ведения войны у Эдуарда III. Они «горячо желали и стремились хорошо проявить себя». Эти люди были, по сути дела, «цветом рыцарства», и многие из них были членами ордена Подвязки. Человек 1355 года не видел несоответствия в том, что «цвет рыцарства» провел воскресенье в Пруе в гостях у благочестивого братства, когда солдаты этих же рыцарей всего в нескольких милях оттуда жгли дома горожан в Лиму. Они были не лучше и не хуже, чем их современники, и, когда им поручали руководить той или иной военной операцией, они чувствовали удовлетворение и даже гордость оттого, что хорошо выполнили почти рутинную задачу. Принц писал: «Мы прошли через земли Тулузы, где сожгли и разрушили много крупных городов и крепостей, так как эта страна была очень богата и обильна; не было ни дня, когда бы мы не захватывали города, замки и крепости...»

Для Венгфельда — не солдата, а очень опытного управляющего, смотревшего на имущество как на источник богатства, — работа солдат была полезной. «С тех пор как началась эта война, — писал он, — никогда не было такого урона или разрушения, как от этого рейда». Налог, поступавший из края, который теперь был опустошен, по его словам, шли на содержание очень большой части французской армии. Венгфельд имел доступ к реестрам доходов захваченных городов, поэтому смотрел дальше нанесенного сегодня ущерба и видел подрыв будущего военного потенциала противника. И, продолжал Венгфельд, «мой господин не потерял за весь

этот поход ни одного рыцаря или оруженосца, кроме милорда Лайла, который был убит...».

Более того, обоз, состоявший из тяжело нагруженных животных и наполненных с верхом телег, успешно доставил на английскую базу ценности, добытые в долгом походе. Как утверждает Фруассар, экспедиция принесла «большую выгоду».

С точки зрения англичан, поручение, данное принцу, было выполнено прекрасно. Врагу был нанесен огромный урон; армия вернулась на свою базу; число погибших было ничтожно, и было взято много добычи. Систематическое применение обычных методов дало обычные результаты. Смелая политика принесла успех. А если принц порой с презрением писал о том, что у его противников нет мужества, то они действительно проявили себя не слишком отважными. По понятиям того времени принц провел образцовый рейд.

Но французы смотрели на труды принца со своей точки зрения, и у них от того, что он сделал, разрывались сердца. Хотя сохранилось мало информации из чисто французских источников, она подтверждает и дополняет то, что известно из английских источников и от Фруассара. От одной стороны до нас дошли описания того, как были уничтожены процветающие города и маленькие крепости, от другой — распоряжения отстроить заново или отремонтировать то, что было разрушено. Срочность принятия этих мер и быстрота их осуществления свидетельствуют, что ущерб был катастрофическим.

Огромный пожар в Каркасоне был зажжен 6 ноября. А 22 ноября король Иоанн II прислал гражданам этого города письмо, в котором выражал им сочувствие, и в тот же день отправил графу Арманьяку приказ немедленно начать отстраивать город заново и так, чтобы в будущем он мог защититься от нападения. Чтобы собрать деньги для этой работы, король разрешил брать пошлину за ввоз товаров в этот город, и город был восстановлен к апрелю 1359 года.

Еще до наступления лета 1356 года были приняты такие же меры, чтобы отстроить заново Кастельнодари, Альзон, Лиму и Нарбон. Среди мер, целью которых было собрать деньги на восстановление, облегчить пострадавшим их участь и создать благоприятные условия для проведения работ, были использование доходов от штрафов на покрытие расходов по строительству, временное освобождение жителей пострадавших городов от уплаты многих сборов, отсрочка платежей по долгам, принудительная вербовка плотников и каменщиков и право рубить деревья в королевских лесах для постройки церквей и больниц. Отдельно упоминается восстановление мельниц и составление новых документов вместо сгоревших при пожарах. Такой большой объем восстановительных работ означает, что материальный ущерб, который понесли эти города, был огромным.

Однако самыми тяжелыми были нематериальные последствия. Вместо уничтоженных зданий можно построить новые, но воспоминания остаются. Хотя, вероятно, в Лангедоке в 1355 году не происходило ужасов, сравнимых с тем, что было в Нормандии в 1346-м, южный рейд оставил по себе более тяжелую и долгую память, чем большой поход короля Эдуарда III. Эти две кампании отличались по времени года (лето в 1346 году, осень в 1355-м), по численности и организации вторгшейся армии, по этническому составу и предыдущей истории пострадавшего населения. Армия принца была англо-гасконской, армия короля состояла почти из одних англичан. Принц, как командующий армией, в какой-то степени находился под контролем своего совета или по меньшей мере нуждался в согласии совета с его решениями; власть же короля не была ограничена ничем. Более того, в армии принца были люди, имевшие личные обиды на Арманьяка. Вполне возможно, смешанная по составу армия 1355 года, быстро выполняя свою разрушительную работу, хуже подчинялась дисциплине, чем войска коро-

ля Эдуарда III. Например, когда в 1346 году было разрушено, вопреки приказам, аббатство Сен-Люсьен (Месьен) возле Бове, король сразу же повесил около двадцати виновников этого. А принц, как свидетельствует Бейкер, был не в состоянии помешать тем, кто сжег Сейсан. Бейкер упоминает и об уничтожении церковного имущества в нескольких городах, в том числе в Каркасоне, где были явным образом отданы приказы сохранить его целым. Даже рассказы об ударах пожарами по врагу в 1355 году выглядят ярче, чем о таких же поджогах в 1346-м: описывая более ранний рейд, Бейкер упоминает о поджогах девять раз и применяет при этом одно и то же слово (*comburo*), а в описании более позднего рейда он говорит о них семнадцать раз, но применяет около десятка различных выражений (сожгли, начался пожар, был предан огню, сожжен дотла и т. д.).

Мы не можем сравнить поведение солдат в этих двух рейдах, но Фруассар оставил нам яркие описания того, как они грабили лангедокские города. Был грабеж хвастливый («они взяли то, что им понравилось, и сожгли остальное»), разборчивый («не брали одежду и искали только серебряную посуду и деньги») и неразборчивый («не оставалось ничего ценного. Они уносили все, в особенности гасконцы, которые очень алчны»).

Такие картины должны были жечь память тысяч людей, а если к ним добавлялись насилие и даже резня, то даже Фруассар, обычно так терпимо относящийся к солдатскому буйству и такой безразличный к судьбе гражданского населения, проявляет сочувствие. Упомянув о жестоком обращении с мужчинами, женщинами и детьми в Монжискаре, он добавляет: «это вызывало жалость». Жители и жительницы Тулузы (не пострадавшие от нападения англичан), по его словам, «упали духом, и они имели для этого все основания, потому что еще не знали, что такое война», а люди, которые жили к востоку от этого города (которые ощу-

тили на себе всю тяжесть рейда), были «добрым, простым народом, который не знал, что такое война, потому что против них никто никогда не воевал» (во всяком случае, очень давно, на памяти нескольких поколений. — *Ред.*). Бейкер говорит о людях, живших по другую сторону Гаронны, примерно то же — а именно, что они были невоинственными по своей природе. Консулам Каркасона король Иоанн II прислал полное сочувствия письмо, в котором писал, что имеет полные сведения об их огромном бедствии и бесчисленных потерях. А Венгфельд, подводя итоги рейда, описывает положение так: «наши враги были ошеломлены». Эти люди, ни умственно, ни морально не готовые стойко переносить ужасы, нищету и горе, которые неразлучны с войной, увидели, как быстро движущаяся разрушительная сила ломает их большие мосты, сравнивает с землей их пригороды, грабит их запасы, сжигает их города, расхищает их ценные вещи и во многих случаях убивает таких же людей, как они сами. Эта сила двигалась вперед и опустошала все на своем пути, почти не встречая сопротивления, ее нельзя было остановить. Когда наступила зима, основными чувствами людей здесь были скорбь, растерянность и боязнь завтрашнего дня. Безжалостные враги, которые вторгались к ним, остались на французской земле и продолжали воевать даже в середине зимы; ненавистные союзники этих врагов были рядом, на расстоянии всего нескольких лиг, в Беарне и Гаскони. Недавние ужасы могли повториться вновь, если у местного населения не появится сильный защитник.

Ответственным за защиту этого края был граф Жан д'Арманьяк, которому в то время было около сорока лет¹. В молодости он приобрел боевой опыт при за-

¹ Работа Брёйля — единственное известное мне подробное исследование, посвященное Жану д'Арманьяку. Оно написано скорее сочувственно,

щите Святого престола и участвовал в начальных этапах Столетней войны во Фландрии и Нормандии. Эту ответственность в какой-то мере разделяли с ним коннетабль Франции Жак де Бурбон и маршал Франции Жан де Клермон, военачальник войск в областях между Луарой и Дордоњю. Французы быстро обратили внимание на тактику этих военачальников осенью 1355 года (и осудили ее). Месье Жанжан цитирует трех французских писателей XVII века и одного — XVIII, которые удивлялись, что этот человек, командуя армией, численно превосходившей армию принца, не атаковал противника. Ученые нашего времени тоже не могут найти этому объяснение.

Были предложены для рассмотрения как минимум четыре причины бездействия Жана д'Арманьяка¹, а именно:

- 1) он тайно был в сговоре с англичанами;
- 2) он трусил;
- 3) он и Жак де Бурбон спорили из-за того, как действовать;
- 4) с учетом общей ситуации было необходимо соблюдать большую осторожность.

Самое невероятное из объяснений — что граф втайне сговорился с англичанами. Хотя его верность делу Франции не была абсолютной, он действовал в интересах страны, когда был наместником, ему (по словам Фруассара) по праву доверяли жители Тулузы, и вряд ли у него могло остаться какое-то сочувствие англичанам после того, как он услышал рассказы беженцев,

чем критически. Год рождения Жана, по одним данным, 1311-й, по другим, 1318-й.

¹ Вэссет считал, что были причины подозревать французских военачальников в сговоре с англичанами; де Розуа думал, что они были предателями или трусами; де Санти полагал, что Жан был хорошим солдатом, благоразумным военачальником и верным другом Франции; Брёйль защищает Жана везде, где возможно, но признает, что причины некоторых его поступков неизвестны; Жанжан приходит к выводу, что мы, возможно, никогда не узнаем, почему Жан д'Арманьяк отказался от сражения с принцем.

которые укрылись в Тулузе, спасаясь от опустошающей все и вся армии принца.

Что касается его мужества, у нас нет доказательств, чтобы сделать вывод, было оно у графа или нет. Однако нужно отличать рыцарскую отвагу *per se* (лат. «личная». — *Пер.*) и ответственность военачальника.

Третью и четвертую причины можно рассмотреть вместе. Несогласие между французскими военачальниками вполне вероятно. Пленный, которого англичане захватили в последние дни кампании, рассказал им, что между Арманьяком и коннетаблем были большие разногласия, и сообщил об упреках, которые коннетабль делал графу: что тот ничего не делает для Франции и что его воины много раз постыдно отступали. Если это правда, то ответственность за тактику французов целиком ложится на Жана д'Арманьяка.

Даже доброжелательным критикам трудно защищать политику Жана. Однако следует подробнее рассмотреть его положение. Несмотря на утверждения ранних писателей, что у него под командованием была армия больше, чем у принца, нам неизвестно точное число солдат ни одной, ни другой стороны. Кроме того, Жана должно было тревожить двусмысленное поведение графа де Фуа (который, по сути дела, радушно встретил принца 17 ноября менее чем в тридцати милях от Тулузы). Решение уничтожить дома, стоявшие вне городских стен, должно было сделать Арманьяка непопулярным. Фруассар утверждает, что граждане Тулузы желали сражаться, но Арманьяк удержал их, считая, что они совершенно не в состоянии противостоять опытным воинам принца. Вероятно, он не считал возможным, что принц может или хотя бы способен переправиться через Гаронну. А если он был не уверен, что у него хватит сил разбить армию принца, то вполне мог решить, что будет разумнее сберечь свои ресурсы, а не безрассудно бросаться в сражение, которое может закончиться большой бедой. Правила рыцарства восхваляли личную отвагу, но уделяли меньше внимания дру-

гим необходимым для военачальника качествам. Как мы уже показали, Жан был не единственным, кто избегал решительных сражений. Его поведение осенью 1355 года было бесславным, но принесло Франции меньше бедствий, чем действия тех военачальников, которые уже опозорили ее при Креси (1346), а вскоре опозорили еще больше при Пуатье (1356).

Глава 4

МЕЖДУ РЕЙДАМИ

Известие об этом большом рейде, как мы уже видели, быстро распространилось по всей Южной Франции, а также на север страны к французскому королю. Много ли новостей о походе принца дошло до Англии, и какие именно это были новости? Когда они были получены? В сентябре, сразу после прибытия в Бордо, принц отправил послание в Англию — вероятно, на корабле *James* из Эксмута¹. Больше Черный принц не присылал ни одного официального сообщения до Рождества. Но, вероятно, в Англии знали что-то об осенних событиях, поскольку папа римский был очень хорошо информирован, а его посланники действовали постоянно и активно; в начале осени из Бордо ушло в Англию много кораблей с грузом вина, и два суб-адмирала, Хогшоу и Дейнкурт, вернулись назад вместе с несколькими кораблями из тех, которые доставили английскую армию в Гасконь. Однако Дейнкурт вернулся в Саутгемптон до 22 ноября, а Хогшоу (на корабле *Thomas* из Дартмута) прибыл в Англию 27 октября. Разговоры в портах и устные доклады достойных доверия офицеров не могли дать надежную информацию о ходе кампании в ноябре и о возвращении армии на базу.

В конце декабря из Бордо были посланы два важных сообщения для епископа Уинчестерского, одного из «оберегателей королевства» во время отсутствия короля.

¹ *Avesbury*. 437. Запись об уплате денег капитану корабля *James* из Эксмута, который «возвращался в Англию по делу нашего господина», — одна из самых ранних в дневнике Хенкстуорта.

Первое из них было отчетом принца об осенней кампании. Оно написано официальным стилем, и (если не брать в расчет отсутствие в нем дат) так мог бы написать командующий армией почти в любом веке. Пройденный маршрут, решения совета, причины отказа от переговоров с посланниками папы, ущерб, причиненный армией графству Арманьяк и другим землям, — вот содержание этого доклада; кроме того, в него включен короткий рассказ о стычках с противником на пути от Карбона до Жимона. Названы по именам, но без похвалы или порицания, пять человек: Одли, Ботетур, Бургерш, Чендос и Фелтон. Нет просьбы о помощи или об указаниях, как действовать дальше, нет и рекомендаций.

Вторым сообщением было письмо сэра Джона Венгфельда епископу Уинчестерскому. Тон письма дружеский, его содержание в значительной степени то же, что у отчета принца, но добавлено еще несколько интересных сведений: принц, графы, бароны, банереты (старшие по званию рыцари. — *Пер.*), рыцари и оруженосцы здоровы; в походе погиб только лорд де Лайл. Папский пристав находится под его, Венгфельда, охраной, и он пользовался услугами пристава при допросе людей, которые были проводниками у французского коннетабля. Венгфельд был потрясен тем, как много разрушила и уничтожила армия принца, — в особенности потому, что представлял себе, сколько дохода потеряет из-за этого французский король. Один раз, всего один, он использует слово «военная добыча» (*gastames*) — в применении к городам виконтства Нарбонского.

Эти два письма должны были иметь огромную ценность для короля и его советников. Нужно помнить, что ни король, ни (насколько известно) его советники ни разу не проезжали по Южной Франции, и в те времена даже для самых информированных людей существовал только один источник географических сведений — свидетельства путешественников. Это, конечно, подразумевается в письме Венгфельда. Он рассказывает епископу, что Каркасон «больше, сильнее и прекрасней», чем Йорк;

он старается описать местоположение Нарбона относительно Монпелье (университетского города), Эг-Морта (крупного в то время морского порта) и Авиньона. Он даже пишет — возможно, тут он весьма далек от точности, — что этот город «ненамного меньше Лондона». Таким образом, эти письма сами по себе содержали следующие новости: экспедиционная армия прошла большое расстояние, причинила очень большой ущерб противнику, сражалась очень мало, понесла мало потерь и снова находится на своей базе. Эта информация была неточной, но, несомненно, самой лучшей, которую можно было отправить о военных операциях в том краю в эту эпоху. Политика на будущее будет определена, исходя именно из этих сведений. Оставались еще устные доклады пользующихся уважением офицеров; тут принц проявил благоразумие и пошел по обычному пути. Оба письма отвез в Англию сэр Ричард Стаффорд. Епископ, вероятно, получил их во второй половине января 1356 года.

Второе письмо Венгфельда содержало более свежую информацию. Это письмо, датированное 22 января (1356 года) и адресованное Стаффорду, читается как дружеская частная беседа. С другой стороны, всесторонность и полнота содержащейся в нем информации заставляет предположить, что, поскольку Стаффорд стал связным между принцем и английской администрацией, Венгфельд считал желательным — или даже получил указания — сообщать ему новости о ходе дел у принца с каждым кораблем, отплывавшим в Англию. В этом письме подробно описаны действия английских войск «со времени вашего отъезда», перечислены размер и численность английских частей, идет речь о работе командиров и о тех делах, которые еще не завершены. Письмо содержит также сообщение о передвижениях графа д'Арманьяка и завершается просьбой, чтобы Стаффорд «присылал новости моему господину как можно скорей любым возможным способом». В это время участники экспедиции должным образом отправляли сообщения из Гаскони и горячо желали получить новости из Англии.

Было ли Стаффорду поручено просить подкрепление? Дать ответ невозможно. Но в конце своего письма к епископу Венгфельд почти небрежно, как бы случайно, роняет фразу: «И с Божьей помощью, если мой господин должен будет продолжать эту войну и добывать королю выгоду, а себе честь, он легко мог бы совершить более крупные походы и завоевать много городов». Во всяком случае, через несколько месяцев Стаффорд вернулся в Гасконь с подкреплением.

Письмо Венгфельда Стаффорду дает нам представление о личных отношениях между участниками похода. В документах, касающихся управления имениями принца, десятки раз встречается имя Венгфельда и немало раз — имя Стаффорда. Поэтому естественно предположить, что первый был умелым чиновником, а второй верным поверенным принца. Но что они представляли собой как люди? Тон и содержание письма позволяют нам бросить взгляд на внутренний мир обоих. Оно начинается словами «Дражайший господин и вернейший друг» и после короткого рассказа о последних военных успехах сразу же переходит к «вашим людям», то есть к новостям о крошечном личном отряде сэра Ричарда, который теперь по необходимости присоединяли к отрядам других командиров. «И да будет вам приятно узнать, что господин Джон Чендос, господин Джеймс Одли и ваши люди, которые находятся с ними... (и другие войска и военачальники) взяли штурмом город, который называется Кастельсагра». Остальные теперь ушли отсюда, но «господин Джон и господин Джеймс и люди из их отряда остались в Кастельсагра; у них продовольствия столько, что хватит до Дня святого Иоанна II, кроме свежей рыбы и овощей. <...> Поэтому вам не нужно тревожиться о ваших добрых людях. Враг собрал свои силы возле Кастельсагра... и вы вполне можете считать, что там будет большое общество для каждого человека, который пожелает проверить своего товарища в деле».

По этому письму и по другим свидетельствам, которые по отдельности значат мало, но складываются в

общую картину, становится очевидно, что Одли, Чендос, Ботетур и иногда Бургерш были у принца постоянными помощниками для работы «в поле», Стаффорд был «для особых поручений» (так же, как перед этой кампанией), а Венгфельд оставался «начальником канцелярии» и что эти люди, которые, конечно, были знакомы друг с другом до приезда во Францию, были связаны между собой дружбой и все верны своему вождю; они были частью «постоянного штаба». Были и другие рыцари, равные им по способностям и даже более, но тогда еще менее известные. Принц опирался на своих испытанных слуг. И заботу принца об Одли после битвы при Пуатье, о которой таким цветистым слогом рассказал Фруассар, возможно, вернее всего, понимать не как поступок рыцаря, который помогает собрату-рыцарю, попавшему в беду, а как привязанность принца к человеку из его «штаба», постоянному спутнику, которым принц восхищался и которого любил. Холодные безличные записи в дневнике Хенкстуорта отмечают, что очень скоро после сообщения о том, что Одли и Чендосу не хватает свежей рыбы, была куплена, упакована и отправлена к ним большая партия миног, и это потребовало больших расходов. Давать в подарок деньги было обычным делом, но этот случай был первым за много месяцев, когда в подарок было послано так много продовольствия.

Когда английская армия возвращалась из похода, ее совет на заседании в Ла-Реоле принял решение о том, где составлявшие ее отряды проведут часть зимы. Вероятно, каждый отряд прямо из Ла-Реоля отправился на свои зимние квартиры: Суффолк и его люди в Сент-Эмильон, Солсбери и его люди в Сент-Фуа, люди принца в Либурн, а Уорвик и его отряд остались в Ла-Реоле. Сам принц и его слуги отправились в Бордо.

На короткое время в боевых действиях наступило затишье: солдаты размещались в своих новых жилищах

и наслаждались отдыхом после долгого, полного лишений пути. Это время было использовано для того, чтобы расплатиться по счетам.

Хотя мы не занимаемся здесь исследованием финансов армии принца, платежи, относящиеся к этому времени, настолько интересны и важны, что заслуживают упоминания. Поэтому мы начинаем наш рассказ со ссылки на данные из дневника Хенкстуорта. Исполняя обязанности кассира, Хенкстуорт, выдавая деньги, отмечал уплаченную сумму в дневнике, и это были платежи самых разнообразных видов. Он сопровождал принца в осеннем походе и некоторые суммы уплатил там, но выполнил гораздо больше работы перед выступлением армии из Бордо; теперь у него опять было много дел. Для каждого дня, когда он производил платежи, он записывал общую сумму находившихся у него денег, указывая эти суммы в английской и французской валюте. Часто Хенкстуорт указывал обменный курс, а иногда также источник, откуда поступили деньги.

Однако в его обязанности не входило составление чего-то похожего на отчет министра. Выплаченные суммы у него не объединены в группы, к ним не добавлены объяснения, лишь отмечено, что они выданы. Среди крупных сумм, уплаченных военачальникам в качестве жалованья, на той же странице записаны крошечные суммы, уплаченные за мелкие покупки для кухни и малые услуги. Кроме того, в дневнике не указано, за какое время уплачено жалованье, и не сказано, выданы ли людям, получившим плату в один и тот же день, деньги за один и тот же период службы. К тому же, если деньги были уплачены лучникам или конюхам, Хенкстуорт редко приводит какие-либо цифры, на основании которых была рассчитана итоговая сумма. Короче говоря, этот дневник проливает свет на некоторые стороны жизни и действий армии, но имеет лишь ограниченное значение для изучения армейских финансов.

Перед тем как принц покинул Лондон в июле 1355 года, он получил жалованье и вознаграждение для себя и людей своего собственного отряда за полгода, причем оплачиваемое время отсчитывалось (как обычно в те годы) со дня, в который они прибыли на берег моря. Перед тем как принц отплыл из Англии, было выплачено более 7240 фунтов в качестве вознаграждения и жалованья рыцарям и тяжеловооруженным всадникам, а также на приобретение продовольствия. Перед выходом экспедиционной армии в поход из Бордо были выплачены крупные суммы ее военачальникам. Когда она вернулась на зимние квартиры, платежи возобновились.

Некоторые из рыцарей-иностранцев (например, Уильям Квад и Ингельберт Цоббе) получили свое вознаграждение в сентябре. Теперь иностранные и английские рыцари получили жалованье одновременно. Хотя в дневнике не указано, за какое время им заплатили, эти сроки, видимо, были отмечены в платежных книжках рыцарей или в какой-нибудь другой книге. Запись обычно имеет такой вид: *pro denariis sibi debitis libro memorandorum* (лат. «о деньгах, причитающихся ему по памятной книжке». — Пер.), а в нескольких случаях добавлены слова *sicut patet* (лат. «как это видно». — Пер.) перед *libro memorandorum* («по памятной книжке». — Пер.).

Платежи конюхам всегда указаны вместе с ковкой лошадей, и, видимо, их выдача была обязанностью «морского клерка», который мог быть помощником Хенкстурорта. Хотя число конюхов и лошадей не названо, оплачиваемый период иногда указан: некоторые из сентябрьских платежей этого рода имеют пометку «до восьмого дня октября». Типичная декабрьская запись выглядит так: «морскому клерку за жалованье конюхов и ковку лошадей — (имя господина)». Иногда прибавлено «во время войны» (*tempore guerre*), а в одном случае — «за 47 дней военного похода». Часто записи о выплате денег самому рыцарю и о выдаче денег для его конюхов и лошадей сделаны в один и тот же день.

В качестве примеров можно привести следующие записи от 16 декабря:

	Конюхи и ковка			Жалованье		
	<i>l.</i>	<i>s.</i>	<i>d.</i>	<i>l.</i>	<i>s.</i>	<i>d.</i>
Найджел Лоринг	5	17	6	9	13	1
Ричард Плейс	5	18	5	10	1	10
Томас Бредгейт	1	0	5	2	16	3
Джон дель Хей	1	0	6	1	13	9
Ричард Баскервиль	5	4	9	9	13	3
Давид ап Блетин Воган	1	0	6	39	0	6
Грону ап Гриффит	1	0	6	43	17	6

и следующие записи от 17 декабря:

Ричард де Стаффорд	11	15	0	36	0	2
Ральф Бассет	15	0	6	32	4	7
Джеймс Одли	5	10	7,5	12	18	1

Некоторые суммы, уплаченные чеширским лучникам, отмечены в записях от 2 января. Они выданы авансом и во французской валюте («леопардах»).

	<i>l.</i>	<i>s.</i>	<i>d.</i>
Хемо Мески, начальнику 63 чеширских лучников, для выплаты их жалованья выдано напрямую (т. е. на руки Мески)	11	18	6
Джону Дениерсу для 18 лучников, находящихся в Бордо	4	1	0
Ральфу Мобберлу для 32 лучников	7	4	0
Хемо Мески для 11 лучников	0	11	0
Роберту Бруну для 28 лучников	6	6	0
Джону Хайду для 37 лучников	8	6	6

Очевидно, большинство этих сумм начислено за девять дней.

Нужно подчеркнуть, что выводы, основанные на сравнительном размере выплаченных сумм, могут быть неточными. Кроме того, Одли получил еще деньги 24 и 27 декабря, а Стаффорд (собиравшийся отплыть в Англию) получил 21 *l.*, тогда как два упомянутых здесь валлийских военачальника получили каждый аванс в раз-

мере 10 *l.* 24 декабря, а Лоринг и Бассет также получили еще деньги 8 января.

Уплату жалованья можно проследить в течение нескольких месяцев, но постоянных «платежных дней» не было. Если армия не находилась в походе, положенные деньги и даже авансы выплачивались через достаточно короткие промежутки времени. Иногда деньги выдавали самому рыцарю или военачальнику, в других случаях их платили «руками» оруженосца этого рыцаря, или капеллана, или приближенного, или чиновника. Платежи продолжались в то время, когда члены группы находились далеко друг от друга, а пока Стаффорд находился в Англии, платежи от его имени получал помощник. То есть если в первой половине 1356 года были грабежи, то их нельзя объяснить неуплатой жалованья. Что касается валюты, в которой выплачивалось жалованье, Хенкстуорт всегда записывал суммы в стерлингах, но часто использовал (и, вероятно, был обязан использовать) и французские монеты, особенно в конце 1355 и начале 1356 года. В сентябре 1355 года (когда начинается дневник) и в июне 1356 года (когда он кончается) один «леопард» стоил 4 *s.* 5 *d.* стерлингов, но Хенкстуорт, как и следовало, отметил временное изменение его стоимости 24 мая, когда она увеличилась до 5 *s.* 6 *d.* Запись о деньгах, уплаченных двоим людям за охрану «леопардов», напоминает об одной из особенностей того времени¹.

Принц и его штаб провели несколько недель в Бордо, и многие военачальники приехали туда в декабре. Два хрониста дают небольшое представление о том, какие удовольствия могли считаться подходящими для рыцарей, отдыхающих после военного похода. Анонимный хронист пишет: «Принц вернулся в Бордо перед Рожде-

¹ *Henxteworth.* Французская валюта широко использовалась. Ср. приказ сенешаля Джону де Стретли уплатить; дальше цитата на латыни, которая переводится так: «3 *l.* 6 *s.* 8 *d.* стерлингов или их стоимость иными деньгами».

ством, приказал своим лордам и предводителям пребывать в разных городах этого края и велел им и их людям всю эту зиму отдыхать и восстанавливать силы. Так они жили до Дня святой Марии Магдалины». «Герольд Чендос» утверждает: «Принц... обитал там (в Бордо) целую зиму. Он и его благородные рыцари провели там время в большой радости и удовольствиях. Там царили веселье, благородство, вежливость, доброта и щедрость».

Что касается продолжительности этого времени удовольствий («вся зима», «целая зима»), эта картина сильно отличается от действительности. В остальном она, вероятно, достаточно близка к правде. При дворах королей, принцев и знатнейших аристократов находились целые толпы людей: рыцари, оруженосцы, конюхи, высшие и низшие домашние служители, гонцы, капелланы, менестрели. Мало кто из них умел читать, и в любом случае там было мало книг. Поэтому развлечения в домах или под открытым небом были необходимы, к тому же искусственно созданное веселье было школой хороших манер. Пышные празднества в дни отдыха вполне соответствовали характеру принца.

Но об этой стороне отдыха экспедиционной армии сухие цифры дневника Хенкстуорта, конечно, сообщают мало. Можно отметить несколько покупок, которые обеспечивали материальную основу придворной жизни. На последнем этапе пути армии домой из Сен-Макера были доставлены в Бордо по воде хлеб и вино. Затем были приобретены дрова и уголь, сельдь и другая рыба, свиные туши, миндаль, воск, свечи. Было куплено сено и зерно для лошадей. Топливо привезли по реке из Сен-Макера, а вино из Ла-Реоля. Портной принца Олдрингтон получил сукно и меха на одежды для принца и для одного из проповедников. 16 декабря отмечена уплата денег «на подготовку к Рождеству», а в записи 24 декабря перечислены рис, мед, миндаль и фрукты, а также две литавры для менестреля Хенкина. 27 декабря отмечено пожертвование, которое сделал принц во время торжественной рождественской мессы. Он получил по-

дарки на Рождество от капиталессы де Бюш и от лорда Монферрана.

Но основное впечатление, которое создают у читателя авторы многочисленных хроник — что гасконцы ушли домой, что принц и его военачальники долгое время бездействовали и наслаждались жизнью в Бордо, что, в конце концов, они вышли со своих зимних квартир в какой-то малый конный набег, а летом гасконцы вернулись для участия во втором рейде, — не соответствует действительности. Уже 20 декабря принц отдал своим графам и баннеретам приказы отправиться туда, где они стояли на квартирах, и начать боевые действия. Таким образом, праздничный отдых закончился еще до конца года: военачальники уехали к своим отрядам, был подготовлен переезд принца и его штаба в Либурн, и туда заранее были отправлены люди, а также вино и другие грузы.

Около 17 января принц сам приехал туда. Хенкстуорт и Венгфельд были с ним, и именно из Либуерна Венгфельд послал сэру Ричарду Стаффорду письмо с обзором происходивших в тот момент военных операций.

Разделение армии на время отдыха (а возможно, и ее частичная реорганизация) было и удобно, и разумно с точки зрения стратегии. Города, где были размещены штабы ее отдельных частей, находились на достаточно большом расстоянии от большого морского порта Бордо. Ла-Реоль, находившийся примерно в сорока милях от него вверх по течению, господствовал над большой дорогой, которая вела в Лангедок. Либурн, расположенный на берегу Дордони в двадцати милях к востоку от Бордо, стоял на древней Римской дороге, но людей и грузы экспедиционной армии обычно перевозили туда или оттуда по воде, хотя этот путь был гораздо длиннее. Сен-Эмильон, который стоял на хорошо укрепленной вершине холма довольно далеко к северу от Дордони, находился всего в четырех с по-

ловиной милях от Либурна и был еще одним удобным укрытием для людей принца.

Конечно, мы не в состоянии выяснить, были или нет в армии умершие, раненые или больные после тяжелого осеннего похода. Но по какой-то причине немного уменьшилась численность чеширских лучников. Один из них, Уильям Джодрел, получил официальное разрешение вернуться в Англию, и этот документ сохранился до наших дней (возможно, это самый старый дошедший до нас английский военный пропуск). Еще шестеро, которые все названы по именам, тоже вернулись домой, и каждый получил подарок от принца. Число лучников, служивших под командованием Мески, не было постоянным, но, возможно, оно менялось из-за каких-либо военных причин. Погода зимой в Гаскони в среднем мало отличается от английской. Но и одна разница в еде между двумя странами могла нанести вред здоровью. К тому же один поход следовал за другим, и всего одно графство с не слишком большим населением было обязано снова и снова посылать на войну так много лучников, что по необходимости в войска могло быть зачислено какое-то количество людей с не очень крепким здоровьем.

В любом случае в первые недели 1356 года все многочисленные отряды воинов вели активные боевые действия далеко от своих штабов, и их сопровождали гасконцы.

И в этом нет ничего удивительного: каким бы опустошительным и убедительным ни казалось на первый взгляд осеннее *chevauchée* и как бы трудно ни было вести военные действия в зимние месяцы, было несколько причин, по которым долго отдыхать не стоило.

Во-первых, король Эдуард III в это время сам вел тяжелые бои на шотландской границе. Великий план, предполагавший удар тремя армиями, намеченный на лето и осень 1355 года, не был выполнен. Генрих, герцог Ланкастерский, отплыл из устья Темзы с армией, которая должна была высадиться в Нормандии и объ-

единить свои силы с войсками Карла Наваррского. Однако флот герцога столкнулся с большими трудностями и в конце концов зашел в Саутгемптон. Там герцог узнал, что союзник, с которым он должен был действовать совместно, заключил договор с королем Франции. Итак, эта армия не смогла нанести планируемую рану Франции. Армия принца была второй, армия короля третьей. После долгой задержки Эдуард III высадился в Кале и 2 ноября повел свою армию к югу, навстречу королю Иоанну II, который уже давно ждал его со своими войсками. Враждующие армии были на расстоянии всего нескольких миль одна от другой, и битва казалась неизбежной, но ряд каких-то неизвестных обстоятельств, оставшихся в тени, привел к двум явным результатам: сражения не было, и Эдуард отступил в Кале. Там он получил известие, что шотландцы захватили город Берик. Он поспешно вернулся в Англию, сразу же по возвращении повел армию на север, в начале января отвоевал обратно Берик, а затем стал разорять области Западный и Восточный Лотиан. Было совершенно немыслимо, чтобы армия его сына сидела без дела в Гаскони, в сравнительно мягком климате и изобилии, когда Эдуард III и его люди терпят все тяготы войны на холодных просторах Нортамберленда и Южной Шотландии.

К тому же и время было благоприятное для действий. Целью экспедиции, как мы уже показали, было возвращение утраченных территорий, привлечение обратно утраченных союзников и приобретение новых друзей. Принц имел полномочия принимать тех, кто желал «перейти или вернуться» на сторону англичан. Его задачей было повернуть в обратном направлении тот процесс, проявления которого стали заметны с тех пор, как Ланкастер покинул Гасконь, а Жан д'Арманьяк стал наместником короля Иоанна II. Осенняя кампания стала впечатляющей демонстрацией силы англичан или по меньшей мере слабости французов. В краю, где союзников выбирали, руководствуясь в основном собственными

ми интересами, продолжение этой демонстрации очень хорошо послужило бы делу Англии.

Более того, Жан д'Арманьяк не был разбит. Он не только отстраивал разрушенные города Лангедока, но и принимал меры для обороны отдаленных населенных пунктов на западе этого края. Благоразумие и осторожность требовали, чтобы поблизости от него находились в качестве противовеса английские войска, и все обстоятельства складывались так, что англичанам приходилось действовать активно.

Правда, принц дал им указание именно так и поступать: военачальники со своими отрядами должны были жить в болотистой части края и устраивать рейды, чтобы беспокоить противника. Эта инструкция была выполнена быстро и вовремя. Диспозиция англо-гасконских войск в середине января 1356 года показывает, что они вели боевые действия малыми силами, но на большой территории и действовали в основном против того края, который должен был оборонять Жан д'Арманьяк. Армия разделилась на несколько частей: графы выводили своих людей на боевые операции иногда независимо друг от друга, а иногда совместно; отряд принца был разделен на несколько независимых или объединявшихся команд под началом Бургерша, Чендоса и Одли.

Принц находился в Либурне, который (вместе с Сен-Эмильоном и Фронсаком) был главной квартирой его войск, а также войск Эли де Помье и Бернара д'Альбре.

Далеко к северу от этих мест, в городе Коньяк в провинции Сентонж (Коньяк находится в соседней провинции Ангума, хотя и рядом. — *Ред.*), находился Бартоломью де Бургерш и его подчиненные — 120 тяжеловооруженных конников и 120 лучников. В этом же регионе находились более крупные военные силы каптала де Бюша, лорда де Монферрана и сеньора де Кюртона, а также гарнизоны городов Рошфора, Тонней и Тельбура. Объединенное войско, составленное из всех этих отрядов и людей, служивших у графов Оксфорда, Солсбери и Суффолка и у двух гасконских сеньоров, в это

время находилось в рейде и двигалось к Нотр-Дам-де-Рошмад.

Но самые активные боевые действия развернулись в среднем течении Гаронны. В *chevauchée* 1355 года армия принца и на пути вперед, и при возвращении обратно прошла к югу от Гаронны. В январе 1356 года небольшие отряды этой же армии действовали на северном берегу этой реки. Уорвик прошел вверх по течению до Ла-Реоля, захватил города Тонней и Клерак и теперь уничтожал запасы, собранные в Марманде.

Еще дальше на восток в долине Чендос, Одли, Ботетур и Кобхем во главе английских и гасконских войск взяли штурмом города Кагельсагра и Брассак и два раза демонстрировали свою силу перед стенами Ажена — сжигали мельницы, уничтожали мосты и даже захватили замок этого города, стоявший вне стен. Жан д'Арманьяк в это время был в Ажене, но не вышел из города со своими людьми для сражения.

Французские военачальники Гримутон и Бусико с французскими войсками и наемниками-ломбардцами находились в Муасаке. Англичане ожидали столкновения с ними.

Такой, если говорить коротко, была обстановка 22 января, когда Венгфельд писал свое письмо в штабе принца. (Учитывая большое расстояние до Одли и его людей, в известиях об этой группе могла идти речь о том, что было неделю назад.) Английские войска не заняли все города поблизости от реки, но могли появиться в любой точке северной стороны долины до Муасака (от которого до Бордо большое расстояние — 120 миль). В письме названы пять окруженных стенами городов и семнадцать замков указаны, как попавшие в руки англичан, а операция в это время еще продолжалась. Указания принца были выполнены, и в его штаб в Либурне шли доклады об этом.

К несчастью, до нас дошло очень мало подробных сведений о военных действиях в течение оставшейся части зимы и затем весны. Бейкер подводит итоги этих

военных действий так: «Из доверенных им городов (которые они умело подготовили к обороне) они часто выходили в походы, совершали великие подвиги и уносили большую добычу из вражеской страны, но было бы слишком долго рассказывать об этом подробно». «Герольд Чендос» сообщает, что Чендос, Одли и капталь де Бюш долгое время стояли лагерем в открытом поле, затем пошли в Кагор, в Пор-Сент-Мари и к Ажену. Затем (по его словам) они подошли к городу Перигё, стояли возле него лагерем значительную часть зимы и много раз атаковали его крепость, которая (так же, как в Каркасоне и Нарбоне) стояла вне города.

Перигё прославился тем, что именно по поводу этого города принц сделал заявление, в котором изложил свою политику. Граф Перигорский, боясь нападения англичан на этот город, отправился за помощью к своему брату-кардиналу, а тот в феврале 1356 года обратился к папе. В результате принцу были предложены деньги за неприкосновенность этого города. По сохранившимся свидетельствам, принц ответил, что не возьмет деньги за то, чтобы пощадить город. Он сделает то, ради чего прибыл сюда, — будет карать, учить порядку и подчинять силой оружия всех жителей герцогства Аквитания, которые участвуют в мятеже против его отца, но принимать верных и поддерживать тех, кто был послушен¹. Тон заявления, которое приписывают принцу, прекрасно сочетается с заявлением, которое он сделал при таких же обстоятельствах в Каркасоне, а также с его основными целями, которые мы уже сформулировали. Вскоре Перигё был взят штурмом английскими войсками под командованием капталя де Бюша.

О некоторых подробностях этих военных операций можно догадаться по записям в дневнике Хенкстуорта. Англичане довольно долго удерживали город Кастельсагра: там велись какие-то работы под руководством Чендоса и туда доставляли письма из Бордо; деньги ис-

¹ *Avesbury*. 456. Принц сам приехал в Перигё.

полнителям за то и за другое были уплачены в марте. В Перигё тоже была проделана большая работа. В марте и апреле были выплачены большие суммы сеньору де Мюссидону за поставку продовольствия в этот город, в мае Эли Жерар получил плату за замок к городским воротам, в мае Джону де Стретли были выданы деньги для ремонта баллист, купленных для города, в июне (тому же Джону) — деньги для его людей, которые несли там гарнизонную службу до 16 июня, а в конце июня (снова Джону де Стретли) — для 100 тяжело-вооруженных конников, оставшихся в Перигё. Таким образом, финансовые документы дополняют рассказ хрониста.

Весной граф Уорвик подчинил город Мирабо в графстве Керси, на сторону принца вновь перешел город Ле-Ма-д'Ажене со своим замком; были завоеваны и другие замки и крепости.

По немногим сохранившимся свидетельствам нельзя установить, сопровождались ли военные действия в этот период грабежом и разрушениями, как во время осеннего *chevauchée*. Никаких оснований для воздержания от них не было, а поведение принца по отношению к Перигё показывает, что он не стал добрее. Бейкер пишет о добыче, а Хенкстуорт косвенным образом проясняет этот вопрос записью о деньгах, выплаченных в июне «за 215 голов скота из добычи сэра Джона Чендоса и его людей».

Еще одно событие заслуживает упоминания из-за того, где и когда оно произошло. В Пуату шла малая война, которую вели сторонники англичан. С уходом Ланкастера она не прекращалась, а продолжалась до 1356 года. Примерно в конце июля, то есть всего за шесть или семь недель до битвы при Пуатье, произошло сражение между гарнизоном Пуатье и отрядом англичан, в котором сам мэр этого города Альбер (Герберт) Гишар был захвачен в плен ради выкупа.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на большой недостаток сведений, подробностей, неясности в

тактике, понятно, что в период времени между большими рейдами английская армия, возможно, ждала (а возможно, и не ждала) подкреплений, лета или прибытия другой английской экспедиции, которая, высадившись на севере Франции, отвлекла бы на себя внимание противника. Тактика англичан — беспокоящие действия, то есть постоянно оказывать на противника давление различными способами. Из этих способов людям того времени главным и самым простым казался захват как можно большего числа крепостей: их утрата увеличивала потерю боевого потенциала врага. Сила, конечно, имеет огромное значение, но решающую роль играет желание сражаться. Как мы подчеркнули ранее, целью экспедиции было вернуть отпавших союзников, привлечь тех, кого можно было убедить «встать или вернуться» на сторону англичан, и сила не всегда была единственным возможным средством для этого. Планы и распоряжения, которые мы здесь бегло описали, показывают, что представление принца об искусстве править государством было шире, чем его рыцарский идеал. У него были деньги для того, чтобы «умиротворять жителей этой страны», он имел право прощать любые прежние нарушения верности, он мог раздавать поместья мятежников своим новым приверженцам; по сути дела, он мог делать почти все, что могло помочь делу короля Эдуарда III; и эти широкие полномочия, полученные им в июле 1355 года, были подтверждены в январе 1356 года¹. Как бы отвратительно ни было для рыцаря по духу пользоваться такими средствами, король и его советники были достаточно практичны и знали им цену. Влияние, которое оказали на умы некоторых французов осенний конный набег, зимние и весенние рейды и, возможно, какие-то соблазнительные материальные награды и компенсации,

¹ Муазан, кажется, неверно понял этот шаг. Он сообщает, что король относился к «непрерывным военным действиям» принца с беспокойством, но в то время, когда были продлены полномочия принца, король еще не получил ни подробного отчета об осенней кампании, ни известия о том, что принц приказал своим военачальникам возобновить войну после Рождества.

стало давать ощутимые результаты: они стали переходить на сторону англичан. Поведение крестьян, горожан и духовенства, вероятно, не было отмечено в документах, но некоторые из крупнейших феодалов Гаскони формально перешли от французов к англичанам. В апреле это сделали среди прочих сир де Гомон, Жан де Галар (сир де Лимёй), Гайяр де Дюрфор (сир де Гриньоль) и Бертран де Дюрфор. Муазан называет и других, а в отчетах Джона де Стретли отмечена уплата денег многим людям в качестве возмещения потерь, понесенных из-за верности английскому королю, или расходов на приведение кого-то «к повиновению королю»¹.

Переход на другую сторону означал не просто подчинение другому королю. При этом заключались соглашения по имущественным вопросам, поскольку, если у феодала часть поместий была на территории одной из враждующих сторон, а часть — на территории другой, на него оказывали давление обе стороны. По этой причине переговоры были сложными. За отказ от некоторых земель в восточной части края их владелец получал в качестве компенсации новые поместья или источники дохода в западной части или ему возвращали конфискованные ранее поместья. Сделка неизбежно начинала зависеть от будущих обстоятельств и случайностей. Но то, что крупные феодалы пришли к убеждению, что в их интересах служить английскому королю Эдуарду III, а не французскому королю Иоанну II, свидетельствует, что мнение жителей Гиени (Гюйена) и ход событий в ней изменились на противоположные: теперь судьба была на стороне англичан.

¹ Цитаты даны на латыни. Их перевод: «за преданность своему королю», «за верность и преданность партии короля», «за приведение к покорности королю местности Альба», «за приход к королю с изъявлением покорности», «ради приверженности этого Бертрана королю», «за то, что он, по собственному желанию и без принуждения возвращаясь к повиновению королю, привел многих других дворян к такому повиновению», «ради того, что он возвращается к повиновению королю, приводя многих магнатов к названному повиновению». — *Пер.* Хенкстуорт тоже отметил минимум два платежа «за приход к повиновению господину королю Англии».

В то время, когда сэр Ричард Стаффорд плыл в Англию с посланием принца, король Эдуард III вел войну на границе с Шотландией. К началу марта король вернулся в Лондон, и здесь он и его союзники получили отчет принца об осенней кампании, рассказ самого Стаффорда, отчет Венгфельда о январских военных операциях и просьбу принца прислать в Гасконь луки, стрелы и тетивы. Следовательно, надо было обсудить два вопроса: разумно ли направить подкрепления в Гасконь и надо ли послать туда оружие?

Время было трудное. По-прежнему считалось возможным нападение французов на южное побережье; нельзя было оставлять без внимания шотландскую границу; запасы стрел были недостаточны¹. Вторжение в Северную Францию, если бы представился удобный случай, потребовало бы меньше затрат. А войне в Бретани не было видно конца. С другой стороны, поручение и полномочия принца в январе были продлены, его *chevauchée* было, несомненно, успешным, и он был в состоянии нанести новый удар. Но его труд мог принести все свои плоды, только если принц получит то, в чем нуждается. Было решено удовлетворить его потребности, но в основном из ресурсов графства Чешир.

Во-первых, было решено нанять для службы в Гаскони 300 лучников, в том числе 200 из Чешира. Их следовало обеспечить конями и традиционной теперь зелено-белой форменной одеждой, заплатить им жалование вперед и отправить их в Плимут, куда они должны были прибыть к Вербному воскресенью (17 апреля), чтобы отплыть к месту назначения вместе с сэром Ричардом Стаффордом. Меньше чем через две недели общее число лучников, которых следовало завербовать, было увеличено до 600, в том числе 500 должен был прислать Чешир. Их надо было одеть, как сказано выше, и оплатить им только восемь дней службы; слуги

¹ «...В Англии невозможно было достать стрел, поскольку король забрал себе все стрелы, которые можно было найти где-нибудь еще». *B.P.R.* III, 223.

принца должны были встретить их в Плимуте и заплатить еще жалованье. Поскольку это графство отправило в Гасконь очень много людей предыдущим летом, новый мартовский запрос 1356 года было очень тяжело удовлетворить. Правду говоря, совершенно невероятно, чтобы в графстве принца можно было набрать к этому сроку столько солдат.

Но и после этого не хватало еще 100 новобранцев. За ними король обратился в графство Глостер. Шерифу графства Саймону Бассету, Уильяму атте-Марчу и Джону де Корнуоллу было дано поручение завербовать в графстве 100 конных лучников, обеспечить их форменной одеждой по одному комплекту на человека, снабдить луками, стрелами и другим положенным оружием и заплатить им жалованье за время от их отбытия из Глостера и до прибытия в Плимут (обычные условия в таких случаях). Джон де Корнуолл должен был вести их в порт, а Уильям де Болтон организовать доставку части оружия из Глостера в Плимут¹.

Были и более крупные поставки оружия. Роберт Пипот был послан принцем, чтобы приобрести 1000 луков, 2000 связок стрел и 400 связок тетив. Но из большинства областей Англии почти все луки, стрелы и тетивы уже были забраны по требованию короля. Поэтому Пипот был отправлен в Чешир с поручением реквизировать там все запасы указанных принцем предметов боевого снаряжения и проследить, чтобы стрельники продолжали изготавливать стрелы, пока требования принца не будут удовлетворены. Джон из Беркхемстеда по прозвищу Маленький был назначен ответственным за организацию доставки собранного таким путем вооружения в Плимут, а управляющий городом Честером должен был оплатить расходы по перевозке.

Затем Пипот должен был отправиться в Ланкашир, найти транспортные средства для перевозки партии лу-

¹ Такой приказ встречается три раза. В двух первых случаях он частично перечеркнут, а в третьем добавлены слова *«qui equos habent»* (лат. «которые имеют лошадей». — Пер.).

ков, стрел и тетив, собранной в этом графстве, и также доставить их в Плимут, а Джон де Палингтон должен был получить такие же грузы в Лондоне и отправить их в тот же порт.

Кроме верховых лошадей конных лучников, на тех же кораблях было решено отправить в Гасконь и других лошадей. Некий Роджер Рагас приобрел для принца вьючных лошадей, и теперь они ждали погрузки на корабли, а управляющий налогами Корнуолла должен был набрать в Корнуолле и Девоне тридцать самых сильных ломовых лошадей, каких сможет найти, и по конюху для каждой лошади. Кроме того, лошади были присланы из Англии и для графов, сопровождавших принца.

И наконец, в Гаскони было необходимо продовольствие. Когда армия находилась на вражеской территории, она всегда забирала не платя столько продовольствия, сколько ей было удобно, но и принц, и графы получали также продовольствие из Англии. По меньшей мере в одном случае был зафрахтован корабль для доставки продуктов, которые Адам Кентиш получил для домашнего хозяйства принца. Граф Суффолк получил для своих чиновников разрешение закупить большое количество пшеницы, овса и рыбы и отправить все это из Гипсвика (вероятно, Ипсвич. — *Пер.*) в Гасконь, а король отдал приказ получить в западных графствах шестьдесят соленых свиных туш и прислать их в Плимут.

Графам для перевозки их лошадей и продовольствия было предоставлено два корабля, и были отданы приказы набирать в Плимуте корабли для каравана сэра Ричарда Стаффорда. Подготовительные работы завершились распоряжениями о поставке перегородок. На этот раз она была поручена шерифу Девона: он получил указание доставить 400 перегородок в Плимут к Пасхе.

Но в 1356 году, так же как в 1355 году и как вообще часто случалось в Средние века, разработанный план

выполнялся с отставанием по времени. В войне против Франции задействовались люди, оружие, лошади, корабли и в некоторых случаях продовольствие. К отсутствию надежных данных о количестве и местонахождении людских и материальных ресурсов и к невозможности для составителя плана перемещать корабли без помощи природы снова прибавились конкурирующие потребности других военных предприятий. В течение весны и лета было заказано огромное количество луков и стрел — но для короля; было набрано много солдат в Англии и Уэльсе — но для короля и герцога Ланкастерского, были реквизированы корабли — но для герцога Ланкастерского. Поэтому подкреплениям и продовольствию, которые были нужны в Гаскони, пришлось ждать своей очереди.

Стаффорд и его люди покинули Плимут не в апреле, как предполагалось сначала, а примерно в начале июня. К 19 июня они были в Бордо. Насколько известно, больше из Англии никаких подкреплений в Гасконь для экспедиции принца не посылали.

Однако позже еще несколько раз были заказаны грузы — в июле стрелы и колчаны, а в сентябре рыба.

В промежутке между двумя большими рейдами папа ни на минуту не прекращал своих стараний добиться мира между Францией и Англией. Он послал к обоим королям нунциев специально для создания дружеских отношений; аристократы и прелаты получили указания помогать этим посланникам. Папским чиновникам было приказано попытаться встретиться с военачальниками, чтобы не допустить большого сражения. Письма с настойчивой просьбой о заключении мира были посланы не только обоим королям, принцу Уэльскому и Жану д'Арманьяку, но также многим знатным дворянам и главным приближенным принца, которых папа просил использовать их влияние для достижения этой цели. Папа римский обратился непосредственно к принцу с прось-

бой не вторгаться на французскую территорию, к Жану д'Арманьяку — с настойчивой просьбой оставаться за пределами английской территории, а к императору Священной Римской империи — с просьбой, чтобы тот постарался устроить встречу королей Эдуарда III и Иоанна II. Папа продолжал заявлять, что он — посредник и не является ничьим сторонником; и действительно, каковы бы ни были его побуждения или симпатии, внешне он в своей политике был беспристрастен. Обеим сторонам он в равной мере настойчиво напоминал о преимуществах мира; от обеих сторон требовал исправления несправедливостей, совершенных за время войны. Однако его посредничество было заранее обречено на провал. Король Эдуард III считал, что он не получит ничего, если король Иоанн II не сложит с себя корону. (Таким образом, Англия желала полного подчинения Франции путем занятия Эдуардом III французского трона. — *Ред.*) А Иоанн II в сентябре 1356 года считал, что добился нескольких крупных успехов.

Иоанн II не повел свои войска на юг, чтобы защитить Лангедок от набега Черного принца. Он чувствовал, что в конфликте с Англией главной опасностью для Франции была угроза с севера. Действия Дерби в 1345—1346 годах причинили большой ущерб, но они по своему масштабу были гораздо меньше, чем поход короля Эдуарда III из Нормандии (через Шербур и Кан) и далее через долину Сены и Креси до Кале. Принц в 1355 году разорял юг Франции, а король Эдуард III был намерен вторгнуться во Францию, и, ожидая его на севере страны, Иоанн II предполагал сразиться с ним здесь. Чем бы ни объяснялись странные ноябрьские события в Пикардии, Эдуард тогда ушел из Франции без боя. Для Иоанна II такой исход был не победой, но все же успехом: он встретил опасность лицом к лицу и отразил ее.

Следующая опасность возникла внутри Франции, в самой королевской семье. Карл Злой, талантливый, предприимчивый, но неверный зять короля, владевший огромными землями в Нормандии, снова изменил ему.

Карл сам был потомком французских королей и имел не меньше прав на французский престол, чем Эдуард III, зимой 1355/56 года он готовил тайный заговор, и его сообщником был сам дофин. Они собирались захватить короля Иоанна II в плен, низложить его и заточить в тюрьму, а Карла сделать королем. Уже немало лет Иоанн II позволял Карлу гораздо больше, чем благоразумный король позволил бы такому непокорному подданному. Но на этот раз король поступил решительно. Ночью 5 апреля 1356 года он неожиданно явился на праздник, который дофин и несколько знатных нормандских дворян устроили в честь Карла в Руане, арестовал и заточил Карла в тюрьму, казнил четверых из нормандцев и вскоре с удовольствием узнал, что королевский суд приговорил Годфруа де Аркура, одного из вождей нормандского дворянства и сторонника англичан, к пожизненному изгнанию из Франции и конфискации имущества. Это тоже было успехом для Иоанна II: его самый опасный враг вместе с некоторыми своими союзниками был убран со сцены.

Но это было сделано слишком поздно: при всей ничтожности Карла многие французские дворяне сочувствовали ему, и эти симпатии к Карлу по силе были почти равны их нелюбви к Иоанну II. Кроме того, брат Карла Филипп Наваррский сразу же объявил войну Иоанну II и, как и можно было предположить, обратился за помощью к Эдуарду III. Обстоятельства опять складывались в привычную картину: недовольные подданные Франции с ее окраин создавали предпосылки для вторжения армий Англии. Генрих, герцог Ланкастерский, который незадолго до этого был назначен представителем короля Эдуарда в Бретани, теперь получил распоряжение сотрудничать в Нормандии с друзьями Филиппа. Он и его английская армия 18 июня высадились в районе мыса Аг (полуостров Котантен, к западу от Шербура) и направились к югу; шли они так, как обычно двигалась армия во время рейда, и были уже возле Верней-сюр-Авр, когда к ним приблизилась вы-

шедшая навстречу армия короля Иоанна II. Ланкастер отступил. Что бы ни было причиной его внезапного отхода на полуостров Котантен — страх, желание сохранить свою добычу или надежда заманить Иоанна II в ловушку, в леса, — какое-то время это можно было считать третьим успешным ударом французского короля.

Иоанн II проявил не меньшую решимость, чем его противники, но не имел качеств, необходимых для выполнения тяжелых обязанностей короля Франции в середине XIV века. В это время ему было около тридцати семи лет, а королем он был с 1350 года. Он долго учился вести войну и управлять страной, но плохо усвоил уроки. В 1340 году он командовал французами в военных действиях против англичан в Геннегау (Эно) и в 1341 году во время войны против Жана де Монфора в Бретани, а в 1344 году был послан в Лангедок как представитель короля. Храбрый, истинный рыцарь по своим взглядам на жизнь, Иоанн II не имел способностей полководца. Этот король любил праздники, турниры, роскошные наряды, изящную золотую и серебряную посуду и для удовлетворения этих прихотей превышал свои права. Как и Эдуард III, он был вынужден пополнять казну с помощью финансовых уловок, но Эдуард мог брать у флорентийских банкиров займы, обеспеченные доходами от монополии на торговлю шерстью, а Иоанн II прибегал к конфискациям, произвольно облагал своих подданных налогами и уменьшал стоимость денег.

Иоанн II, как и Эдуард III, основал новый рыцарский орден — орден Звезды. Знаки различия и снаряжение членов этого ордена впечатляли своим великолепием, их встречи отмечались большими празднествами, а их занятия, несомненно, развивали в них рыцарскую отвагу. Но орден мало делал для усиления военной мощи Франции. Может быть, он даже ослабил Францию, потому что от рыцаря ожидали в первую очередь личных, а не коллективных подвигов. Согласно правилам рыцарства, главной частью армии была тяжелая кавалерия. Рыцари стали видеть в войне игру для воинов

благородного происхождения, а не смертельную схватку. О короле Иоанне II было сказано: «Война для него была всего лишь большим турниром». Если бы он был прав, французские рыцари могли бы навечно прославить французское оружие. Они сражались в 1346 году при Креси и вскоре должны были сразиться при Пуатье с английскими армиями, меньшими по численности, но более сплоченными, где больше была роль лучников, а на сражение смотрели как на бой за собственную жизнь.

По цивилизованности, уровню жизни и количеству населения Франция была на первом месте среди государств Европы. Поэтому теоретически она могла выставить самую большую армию. Но в политике и организации вооруженных сил ее прогресс был меньше. Национальное самосознание росло, но медленно. Аппарат управления был и хуже развит, и менее эффективен, чем в Англии.

Полномочия короля как главы исполнительной власти были довольно ограниченными, и от него все еще ожидали, что он будет оплачивать работу правительства из доходов с королевского домена. У него не было ни эффективного аппарата руководства армией, ни финансовых ресурсов, чтобы содержать такой аппарат. Поэтому, когда началась война, он был вынужден требовать с подданных налоги, поскольку в то время во Франции так же, как в Англии, большинство солдат служили за плату. Но, несмотря на большую находчивость власти при выжимании денег из подданных и разнообразие способов, которыми она это делала, налоги были крайне непопулярны. Поэтому власть девальвировала свою денежную единицу, и это на какое-то время позволяло королю уплачивать долги и платить деньги войскам. В стране была введена воинская повинность, но тем, кто не мог или не желал служить, было разрешено купить себе освобождение от службы. Полученные таким образом деньги тоже могли быть использованы для платы наемным войскам.

В солдатах для этих наемных войск в тогдашней Франции не было недостатка. Военная жизнь была привлекательна сама по себе, к тому же время было благоприятное для военных. Войны случались часто. Были крестовые походы в Испании, в Пруссии, на Родосе. Споры между семьями из-за наследства или из-за менее достойных причин приводили к малым войнам между ними. Поэтому король мог нанять тяжеловооруженных конников и пехотинцев и мог их выбирать из всего народа. Младшие и внебрачные сыновья дворян, обедневшие владельцы поместий, простолюдины, лучники, арбалетчики и артиллеристы были рады получать жалованье в течение долгой войны. Они, конечно, не нанимались на службу непосредственно к королю. Это происходило примерно так же, как в Англии: знатные феодалы собирали из новобранцев «компании», то есть отряды, а затем приводили их в армию короля. Таким путем освобожденный виллан, простолюдин, который приобрел участок земли, обедневший дворянин или иностранец получали право носить и применять оружие и возможность заниматься самым достойным для свободного мужчины делом.

Ордонанс от 30 апреля 1351 года дает хорошее представление об организационной структуре набранной таким образом армии. Явно или неявно этот указ признает условия того времени — рост стоимости жизни и зависимость добровольной службы от размера жалованья, трудности поддержания дисциплины среди людей, для которых собственные интересы важнее, чем верность и необходимость организации и дисциплины, возможности для нечестности. Жалованье солдатам всех званий было повышено, причем в некоторых случаях — вдвое. С солдата стали требовать клятву, что он не уйдет со службы. Каждый солдат должен был находиться в составе какой-нибудь «компании», то есть подчиняться одному из командиров. Главными военачальниками армии (под верховной властью короля) стали коннетабль, два маршала Франции и начальник

арбалетчиков; лошадей стали метить клеймом на боку, отмечать в списке и оценивать. В «компаниях» проводились строгие проверки, чтобы командиры не могли получать жалование за несуществующих солдат.

Эти реформы свидетельствуют о том, что французская армия развивалась примерно в том же направлении, что и английская. В обеих странах феодальное ополчение было в значительной степени заменено другими войсками. И знатнейшие дворяне, и рыцари получали от короля плату за военную службу и набирали отряды солдат, которые потом служили под их командованием. Люди не слишком высокого происхождения (как дю Геклен (или Дюгеклен), Ноллес или Кэлвэли) (Б е р т р а н д ю Г е к л е н — прославленный французский военачальник, сэр Р о б е р т Н о л л е с и сэр Х ь ю К э л в э л и — английские военачальники того времени, оба из графства Чешир. — *Пер.*) могли занять высокие и даже высочайшие должности. Можно также добавить, что у короля Иоанна II был военный совет из членов королевской семьи, главных военачальников и избранных советников, а также — в зачаточном состоянии — служба разведки.

Однако у короля были большие трудности. Во-первых, как уже сказано, у него были сложности с финансированием крупных военных операций. Во-вторых, надо было превратить человеческую массу, собранную из разнородных элементов, в эффективный инструмент для военных действий. Для этого было нужно время, большое мастерство и твердая решимость, потому что при решении этой задачи возникали и моральные, и организационные проблемы. Пехотинцы, поспешно набранные, когда началась война, из-за нехватки времени были плохо обучены. Арбалеты, которыми пользовались и они, и наемники-генуэзцы, были очень громоздкими по сравнению с английскими луками. Французы не подняли мастерство своих лучников до того уровня, который был у англичан, и еще не умели эффективно координировать действия лучников и конницы. Более того, между «ком-

паниями» неизбежно была большая разница по численности, эффективности и надежности. Служившие в них профессиональные солдаты были заинтересованы в том, чтобы война продолжалась как можно дольше, и имели склонность к грабежу. Эти наемники, из которых были составлены более крупные отряды, называвшиеся «рут» — «путь», вели себя так, что слово «рутьер» — «наемный солдат» очень скоро приобрело и другое значение — «грабитель».

Даже если бы эти недостатки можно было быстро и своевременно исправить, оставалась еще одна неразрешимая проблема — как объединить все части армии в одно целое. Мужество и верность правилам рыцарства (о них можно судить по тому, что десятки французских рыцарей, освобожденных под честное слово, чтобы собрать выкуп за себя, вернулись обратно) были у многих, и, вероятно, эти качества могли быть ценными на войне; но у французской армии не было общего объединяющего принципа. Чувство принадлежности к одному народу было еще недостаточно сильным. Отдельные группы, из которых состояло общество, почти не считали нужным быть верными одна другой; за солдатами еще признавалось право ухода со службы, а такой уход мало отличался от дезертирства. Дворяне увлекались показной стороной рыцарства, поскольку это давало им возможность щеголять в великолепных нарядах, и считали войну только своим делом. О пехоте они были очень низкого мнения. Им не нравилось участие в войне городских отрядов, а от наемников — и генуэзцев, и рутьеров — они старались держаться как можно дальше. К тому же они были психологически не готовы к военным приемам опытного командира: быстрому сбору в назначенном месте, хитростям, внезапным маневрам, неожиданным ударам с фланга и тыла. Рыцари предпочитали вызов на бой и сражение по правилам на заранее выбранном месте.

И наконец, было трудно поддерживать дисциплину в армии, где так мало единства. Фруассар несколько

раз упоминает о том, что в Средние века командир был обязан во время переходов не позволять своим солдатам оказываться впереди маршалов, а во время сражения не разрешать им разбегаться для захвата пленных. И то и другое было нарушением основного принципа: боец должен действовать точно так, как желает его командир. Но могло быть нарушение и хуже — боец мог уйти со службы, и даже в важнейший момент. В ордонансе Иоанна II от 1351 года сделана очень слабая попытка помешать такому уходу. Были предприняты старания добиться клятвенного обещания, что члены «компании» не будут уходить из нее без разрешения капитана, и выражена надежда — но не отдан приказ, — чтобы уходящий солдат или военачальник сообщал об этом командиру своей «баталии», то есть корпуса. Короче говоря, при соблюдении необходимых формальностей дезертир мог избежать наказания. На поле боя возле Пуатье многие французы посчитали, что положение складывается не в их пользу. И они ушли.

Таким образом, имея достаточно денег, Иоанн мог собрать очень большую армию, но она была бы не такой грозной, как можно было бы предположить по ее численности.

В июле 1356 года Иоанн с удовольствием увидел, что английская армия, которая грозила пройти по Нормандии, отступила перед ним и ушла в дальнюю часть полуострова Котантен. В начале августа он удачно завершил боевые действия на севере осадой и захватом Бретёя. Теперь нужно было срочно принять меры против армии, угрожавшей его королевству с юга. Он выбрал в качестве исходной точки похода Шартр и 1 сентября как день сбора своей большой армии.

Глава 5

ВТОРОЙ РЕЙД И БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ¹

Военные операции английских войск в течение первых месяцев и весны 1356 года имели ограниченные цели. Летом же настало время для большой кампании. Она была начата 4 августа в Бержераке и в некоторых отношениях сопоставима с осенним рейдом. Эта операция была естественным следствием сложившихся обстоятельств. Кампания 1355 года оправдала надежды гасконцев, была выгодной для них и англичан и разорительной для французов и была проведена с очень малыми потерями. Уже одного этого было достаточно, чтобы провести такую же операцию в следующем году, но желательно было начать ее раньше. Принц, по сути дела, дал гасконцам обещание, что проведет еще одно *chevauchée*, из Англии прибыли подкрепления, гасконцы были готовы выступить в поход. Конный набег на любую часть Французского королевства уменьшил бы доходы и престиж французского короля.

Оставалось лишь выбрать направление для похода. В этом отношении новый рейд сильно отличался от прежнего, когда решение напасть на земли Жана д'Арманьяка дало цель, настрой (гнев против врага) и направление осенней кампании на ее начальных этапах. Для начала

¹ Чисто военные аспекты событий, описанных в этой главе, подробно рассмотрели в своих работах Беллок, полковник Бёрн, Оман, Делашеналь, Денифль, Лот и Турнёр-Омон. Из французских авторов Делашеналь пишет слишком ученым стилем. Турнёр-Омон (Tourneur-Aumont, J. M. *La Bataille de Poitiers, 1356* (далее — *Tourneur-Aumont*), наоборот, чересчур страстен, но его исследование так обширно и подробно, что им невозможно пренебречь.

второй кампании не было таких мотивов. Маршрут армии принца известен, но причина его выбора — нет. Ясно, что второй поход на Лангедок встретил бы сопротивление со стороны Жана д'Арманьяка и что уход всей англо-гасконской армии для рейда в любом другом направлении дал бы Жану возможность захватить главную базу англичан. В итоге принц повел войска на север, мимо Буржа и далее в долину Луары.

В письме, где подробно описан ход этой кампании, принц объяснял, что рассчитывал обнаружить в Бурже сына французского короля, графа Пуатье, и что «главнейшей причиной того, что мы пошли в эти края, была надежда получить новости о нашем отце... короле и его передвижениях». И та и другая причина — скорее неуверенное предположение, чем точный расчет. Обе — слишком слабые предпосылки, из них нельзя сделать вывод, что принц и его военачальники выбрали свой маршрут согласно определенному, ясно сформулированному военному плану. Бурж был сильно укрепленным городом, и его осада не могла быть привлекательной возможностью для начальников английского *chevauchée*.

Существует предположение, что принц вел свою армию на соединение с войсками герцога Ланкастерского, которые находились в долине Луары; и это правдоподобно, потому что в первую неделю сентября они были близко друг от друга. Современный человек даже ожидал бы от военачальников именно такой попытки соединения. Однако не надо забывать, что в начале похода принц был очень плохо информирован о том, где находится Ланкастер, позволял своим войскам медлить во время их движения на север, потратил время на осаду и что он, если даже рассчитывал на такую встречу и считал ее возможной, все же не шел специально на соединение с армией герцога. Более вероятно, что ему стало известно о передвижениях Ланкастера через две недели после того, как он сам вышел из Бержерака, или даже позже, и тогда он внес изменения в свои планы.

У похода не было единой стратегии. «Нашей целью было пойти конным походом на врагов в земли Франции», — писал принц. Дорога на Бурж в этом отношении из Бержерака выглядела такой же многообещающей, как дорога на Тулузу выглядела от границы графства Арманьяк, но ни в том, ни в другом случае не было намерения осадить город.

Итак, второе *chevauchée*, так же как первое, не имело определенной цели, и нет никаких оснований считать, что оно отличалось от первого в других отношениях, то есть и теперь армия «жила с земли», через которую проходила, английские войска захватывали ценности и уничтожали что могли на больших территориях — в основном сжигали. Однако теперь свидетельства об этой стороне похода, которая была нормой для *chevauchée*, содержат меньше подробностей. При описании первого рейда все источники часто упоминают о грабежах и разрушении, сам принц упоминает о «разорении и опустошении страны», а Бейкер с восторгом приводит примеры этого опустошения; повествование о втором рейде содержит гораздо меньше таких примеров. В своем длинном письме, адресованном мэру, старейшинам и общинам Лондона, принц ни разу не упомянул о каком-либо ущербе, причиненном его армией во время ее пути. Бейкер тоже молчит об этом. Возможно, разорение вражеской земли теперь считалось обычным повседневным делом, которое заслуживает упоминания не больше чем еда. Или же победа при Пуатье сделала излишним упоминание о сравнительно малом ущербе, нанесенном Франции. Однако в панегирике упомянуты несколько пожаров, устроенных армией принца, а труд Фруассара и «Большие французские хроники» содержат описания похода этой армии на север, по которым видно, что в этом отношении второе *chevauchée* мало отличалось от первого.

Теперь становится несколько заметнее роль принца в ведении боевых действий. Дошедшие до нас отчеты

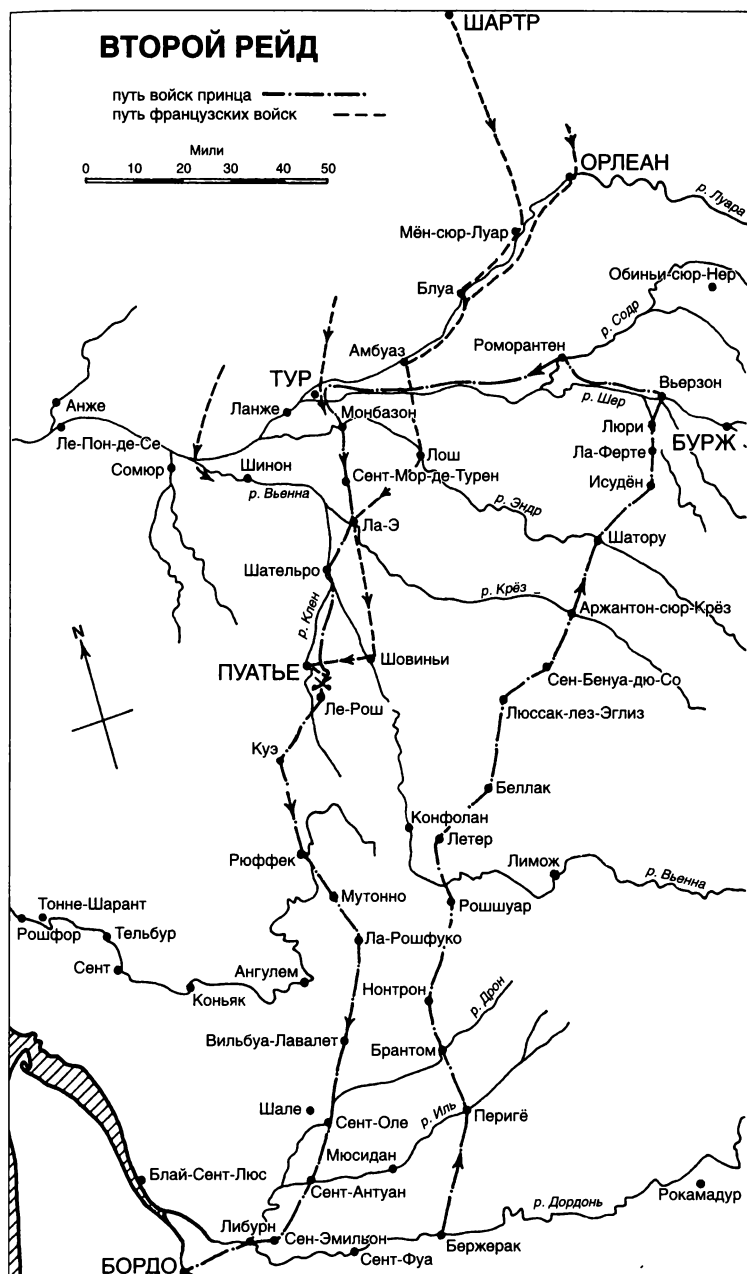
о первом рейде очень мало говорят о его личном авторитете и влиянии. Кроме двух случаев — гнева в начале рейда и отказа в Каркасоне компрометировать себя как сына законного правителя Франции (по мнению англичан, но не большинства французов, после пресечения династии Капетингов выбравших королем Филиппа VI Валуа, представителя младшей линии рода Капетингов; Эдуард III был только внуком по материнской линии французского короля Филиппа IV Капетинга. — *Ред.*) — принца почти не видно в повествовании о походе. Правда, тогда у него не было случая проявить воинскую доблесть, но в хрониках нет ни слова о его трудах, мудрости или предусмотрительности. В рассказе о втором походе Бейкер описывает его как осторожного военачальника, который предвидит опасности, высылает вперед разведчиков, часто меняет место лагеря, проводит проверки всех частей своей армии и обращается с речью к своим войскам. Такие похвалы можно рассматривать как обычную дань уважения, но более вероятно, что принц, ставший опытным, старался быть главнокомандующим на деле, а не только формально. В его письме к лондонцам есть многозначительные фразы «мы посоветовались» и «было решено» — свидетельства о том, что в важнейших вопросах принц совещался со своим советом. Однако повседневное руководство походом, видимо, было в руках одного принца, и у Роморантена он командовал боевыми действиями.

Перед тем как начать свое второе большое и рискованное предприятие, принц отправился в Ла-Реоль — ключевую крепость на Гаронне. Из этого опорного пункта ему легче всего было охватить взглядом сразу все вопросы, связанные с контролем над Гасконью, и решить, как обеспечить этот контроль во время своего предстоящего отсутствия. Оттуда принц переехал в Бержерак — место сбора для войск, которые должны были прибыть из разных английских владений, — и распорядился о размещении этих войск.

ВТОРОЙ РЕЙД

путь войск принца — — — — —
 путь французских войск - - - - -

Мили
 0 10 20 30 40 50

Крупный отряд под командованием Джона де Чиверстона (сенешаля), Бернара д'Альбре и мэра Бордо был оставлен защищать Гасконь.

Остальные войска — вероятно, около 7000 человек — должны были участвовать в *chevauchée*. Сюда входили солдаты, прибывшие из Англии в сентябре 1355 года, подкрепление, прибывшее в июне 1356 года, некоторые местные феодалы, перешедшие на сторону англичан, и много гасконских феодалов, рыцарей, тяжелооруженных конников, биду (легковооруженных пехотинцев. — *Пер.*) и «бриганов» (еще одно название наемных солдат, кстати означающее по французски «разбойники». — *Пер.*).

Армия вышла в поход в четверг 4 августа и направилась к северу вдоль западного края Центрального массива. Выйдя из долины Дордони, она дошла до Перигё, расположенного в долине реки Иль¹, затем к Брантому у переправы через реку Дрон, а затем через Киссер (10 августа), Нонтрон (11 августа) и Рошшуар (12 августа) в бенедиктинское аббатство Перюш возле Конфолана (13 августа) и в Летер (воскресенье, 14 августа). За десять дней она прошла около ста миль.

В течение следующей недели она прошла через Беллак (16 августа), Люссак-лез-Эглиз (19 августа), Сен-Бенуа-дю-Со (20 августа) до Аржантона (воскресенье, 21 августа) — семьдесят миль за семь дней.

Войска принца прошли через провинции Лимузен и Марш и теперь находились на границе провинции Берри и приближались к самому сердцу Франции. Они жили за счет земель, по которым шли, — посылали отряды добывать продовольствие в обе стороны от основного маршрута на расстояние многих миль от него. Солдаты принца жгли города, но не трогали владения

¹ Маршрут указан в *Eulogium Historiarum*, ed. Haydon, F.S. (далее — *Eulogium*), III, 215—217. Карты в работах Поупа и Лоджа *Life of the Black Prince*, с. 191, и А.Н. Бёрна, *The Crecy War*, с. 282, очевидно, содержат ошибку по поводу Люссака. Маршрут проходит через Люссак-лез-Эглиз, а не через Люссак-ле-Шато.

Церкви и сторонников Англии. Иногда их отряды вступали в мелкие стычки с неприятелем. Но никакая армия противника не задерживала их продвижение.

Во вторник, 23 августа, английская армия продолжала двигаться вперед и дошла до Шатору на реке Эндр. Этот город не был взят, но арьергард войск принца провел наступившую ночь в Сен-Аман-Мон-Роне, к востоку от Шатору, а авангард — в Бурдьё, к западу от него. Поскольку на следующий день был День святого Варфоломея, английская армия осталась в этих местах еще на день. Затем она направилась к Исудёну и провела в нем пятницу и субботу. В воскресенье (28 августа) она шла через долины рек Теоль и Арнон. Продвигаясь через Ла-Ферте и Люри (на прежней границе герцогства Гиень), англичане и их союзники переправились через реку Шер и провели ночь во Вьерзоне. Пройденный за неделю отрезок пути был меньше шестидесяти миль. Войска шли без особых помех и не торопясь. Такое поведение никак не свидетельствует о больших стараниях встретиться с английским королем, герцогом Ланкастерским или графом Пуатье.

Но примерно в это время характер *chevauchée* изменился. Во-первых, обычное разорение земель вдоль пути армии теперь стало сочетаться с операциями против целей, расположенных далеко от маршрута главных сил. Во-вторых, отдельные передовые отряды вступали в соприкосновение с отрядами французской армии, и между ними происходили стычки. Бурж — город, огороженный крепостной стеной и хорошо защищенный, — был атакован войсками принца, но лишился только своих пригородов, которые были сожжены. Менее крупный город Обиньи был взят штурмом и уничтожен. Когда атаковавший его отряд из 200 конников под командованием Чендоса и Одли возвращался из Обиньи, он столкнулся с французским отрядом, которым командовал Филипп де Шамбли по прозвищу Гримутон — Серый Барашек. Произошла стычка, в которой было захвачено несколько пленных; с этого момента французский король постоян-

но узнавал о передвижениях английской армии. Принц же узнал от пленных, что Иоанн II собирается встретиться с ним в бою, но эта новость не могла его удивить. Пока вероятность столкновения с противником была еще не так велика, чтобы повлиять на ход его кампании.

Идя по долине Шера, принц и его люди столкнулись с еще одним французским отрядом. Командиры французов, сир де Краон и Жан ле Менгр по прозвищу Бусико, отступили в городок Роморантен и заперлись в его замке, который стоял на берегу реки Содр. В задачи конного набега не входила осада замков, на которую надо было тратить время, и за предыдущие две недели армия принца прошла мимо нескольких замков, но в этом случае было решено взять в плен двух французских командиров. Утверждают, будто принц заявил, что не уйдет, пока они не сдадутся или не будут захвачены. Для этой операции было нужно использовать всю силу, умение и изобретательность. А чтобы проявить их на деле, армия принца шла на приступ, используя лестницы, осадные башни, камнеметы, подкопы (один источник еще добавляет «греческий огонь»). Наконец основная часть замка была захвачена, его защитники отступили в наиболее укрепленное убежище, но пожар, который они не могли потушить, заставил их сдаться. Цель принца была достигнута¹. Однако в этой операции со стороны англичан были убитые; по сути дела, она не принесла никакой военной выгоды, и (насколько известно) грабить тоже было нечего. Возможно, осада и захват замка играли психологическую роль: до этого случая во втором *chevauchée* было еще меньше возможностей для военных подвигов, чем в первом.

К этому времени англичан наконец стало беспокоить то, что французский король собирался повести или уже вел большую армию вниз по долине Луары. Они решили идти вдоль Шера и Луары к Туру, ждать там

¹ *Eulogium*. III, 219—220. *Baker*. 141. Отчет принца напечатан в *Riley*. H.T. *Memovials of London and London Life*... отчет Бургерша в выпущенном Lettenhove *Froissart*, т. XVIII, 385.

четыре дня, а затем направиться к югу. Это был поворотный момент второго рейда. (В исторических источниках четко сказано: «Французы Иоанна II деблокировали Роморантен и вынудили противника отступить в направлении Пуатье, где Черный принц занял для обороны сильную позицию». — *Ред.*)

Сложившаяся ситуация впоследствии не была полностью понята. Если говорить в общих чертах, позже считали, что принц старался соединиться с герцогом Ланкастерским, но не смог достичь этой цели оттого, что мосты через Луару были разрушены. Правда была немного иной. И принц, и Ланкастер вели рейды. Их целью было нанести урон, захватить добычу, заставить свернуть с пути или разделить войска короля Иоанна II. Урон был нанесен, добыча захвачена в огромном количестве, но армия Иоанна II не разделилась на части. Ни у принца, ни у Ланкастера не было достаточно сил, чтобы сразиться с армией французского короля. Ланкастер отступил, благоразумие подсказывало, что принц тоже должен отступить.

Выбирая путь для отхода, английские военачальники (которые, конечно, не имели карт и должны были опираться на те сведения, которые были им доступны) решили идти так, чтобы между королем и ними находилась широкая река; мосты на ней должны были охраняться или быть разрушены, в течение нескольких дней англичане должны были идти впереди противника — поскольку армия принца была меньше, ей необходимо было держаться на большом расстоянии от французов. Чтобы из Роморантена дойти до Бордо, им лучше всего было пойти на запад вдоль Шера, а затем в каком-нибудь подходящем месте повернуть на юг. Но где-то севернее этой широкой реки находилась армия Ланкастера. Войска принца могли бы объединиться с ней и ее опытным командующим, и такая армия смогла бы противостоять войскам короля Иоанна II.

Здесь нужно указать на три обстоятельства. Во-первых, принц поддерживал связь с Ланкастером. Во-вто-

рых, существовал договор, согласно которому Ланкастер был обязан помочь принцу, если тому потребуется помощь. В скрепленном печатью договоре, который принц заключил в июле 1355 года, была статья: «Король обещает: в случае, если принц будет осажден или окружен таким большим войском, что не сможет спастись, если его не выручат войска короля, то король придет к нему на выручку... и герцог Ланкастер и (другие) обещали и дали клятву предоставить для такой выручки любую помощь и любой совет, которые они смогут дать». Вряд ли принц в тот момент желал напомнить герцогу об этой статье, но он должен был чувствовать, что ее существование связывает их отношениями сотрудничества и позволяет ему надеяться на помощь герцога. В-третьих, у принца были сведения, что Ланкастер «спешит к нам». В этом случае путь до Тура — первый шаг в сторону Бордо, и принц ожидал, что Генрих Ланкастерский соединится с ним, а не сам шел на соединение с Генрихом Ланкастерским.

То, что было написано по поводу этих событий о Луаре, вводит читателей в заблуждение. В течение года есть недели, когда эту большую реку с широким песчаным дном легко могла перейти армия, которая уже одолела несколько рек в Лангедоке. Но в другое время Луара — мощный поток, ширина которого равна 465 ярдам (425 метрам) между ее современными набережными в Туре; а в сельской местности, где она заливают берега, она еще шире. По словам Бейкера, в то время, о котором сейчас идет речь, прошли дожди, после которых Луару было невозможно перейти вброд. Мосты же, по словам Бургерша и принца, все были разрушены. Однако Бейкер делает два уточнения, он пишет: король «приказал разрушить все мосты между Блуа и Туром».

Но всего через несколько дней французская армия перешла Луару по мостам в нескольких местах, а это значит, что мосты были целы. На самом деле они лишь были под сильной охраной. Что же касается «всех мостов между Блуа и Туром», то между этими городами

был всего один мост — в Амбуазе (и ле Бель пишет, что англичане подходили к этому мосту). Результаты одного исследования о психологии людей во время войны позволяют предположить, что утверждение «все мосты на реке разрушены, сделать это приказал король» было слухом, который распространился по Франции и в который поверили. Правду говоря, если бы это было придумано как оправдание, этому поверили бы и в Англии.

И в-третьих, когда англичане подошли к Туру, армия Ланкастера была на расстоянии многих миль от него.

Итак, решение идти на юг по долине Луары было мудрым, но остановка у Тура оказалась бесполезной. Армия Ланкастера не пришла на северный берег (утверждение Бейкера, что солдаты каждой из армий видели костры другой армии, совершенно не соответствует действительности). Но если бы она и подошла, соединение было бы невозможно, поскольку город, разумеется, господствовал над мостом, а в городе находились значительные силы французов под командованием маршала Клермона и герцога Анжуйского. Английская армия провела в окрестностях этого города четыре дня (с 7 по 11 сентября), сожгла предместья и в воскресенье (11 сентября) двинулась на юг.

К этому времени положение английской армии стало трудным. Король Иоанн II уже переправился через Луару в Блуа, всего в тридцати милях от англичан выше по течению, а отдельные части его армии переходили эту реку по мостам в Орлеане, Мён-сюр-Луар, Сомюре и Туре. План соединения с Ланкастером не удался. И англичане сами лишили себя возможности обезопасить свой дальнейший путь, которую могли бы им дать опережение противника на несколько дней и быстрота меньшей по численности армии. Для французов обстоятельства складывались удачно, и чем дальше, тем благоприятнее. Французы держали в своих руках плацдармы и смогли избежать заторов и задержек,

возникающих, если целая армия переходит по одному мосту. Теперь вся армия Иоанна II находилась к югу от реки и снова была одним целым, поскольку ее части быстро соединились. Скоро французский король будет в состоянии угрожать принцу с фланга, а может быть, и преградить ему путь.

Началась гонка, в которой обе армии двигались быстро, но французы проявили больше решимости. От Тура (11 сентября) принц пошел на юг через Монбазон и Сент-Мор-де-Турен и дошел до Ла-Э (13 сентября). Он прошел тридцать миль за два дня. Иоанн из Блуа (10 сентября) спустился по Луаре до Амбуаза (12 сентября) — двадцать миль за два дня, затем повернул на юг и быстрым маршем дошел до Лоша (13 сентября) — двадцать миль за один день, а оттуда — в Ла-Э (14 сентября): снова двадцать миль за день. Он упустил свою добычу, но теперь отставал от нее всего на двенадцать часов. К высокой скорости предыдущих дней Иоанн теперь прибавил отвагу ума и принял смелое полководческое решение — идти не по следу принца, а так, чтобы оказаться впереди него. Он должен был узнать от жителей Ла-Э, что принц повел свою армию в сторону Шательро. Если его не остановить, англичане пойдут либо к Пуатье, либо вверх по долине Вьенны. Они не станут тратить время на осаду такого хорошо защищенного города, как Пуатье, но должны будут пройти на расстоянии нескольких миль от его стен. Или же они могут много миль идти вдоль Вьенны. Если Иоанн заставит своих людей и коней напрячь все силы, он сможет направиться на юг другой дорогой, выйти к Вьенне у Шовиньи, и если не обнаружит англичан в долине, то переправится через реку и пойдет к Пуатье.

А принц в это время потерял даже свое первоначальное преимущество в двенадцать часов. Хотя до него каждый день доходили слухи о решимости короля и силе дофина, его разведка, видимо, оказала ему очень плохую услугу. Возможно, его решения были ошибочными, но

он принимал их на основе той информации, которую имел, а обстоятельства, от которых зависело настроение гражданского населения, в Турени (Турене) в сентябре 1356 года были не такими; как на юге в ноябре 1355 года. Жители Лангедока, беспомощные перед безжалостным захватчиком и знавшие, что Жан д'Арманьяк не желает их защищать, а король находится за сотни миль от них, говорили правду, когда англичане задавали им вопросы. Жители Турени, догадывавшиеся, что захватчик отступает, и знавшие, что король совсем рядом, могли выразить свое отношение к англичанам если не открытой враждой, то хотя бы ложью.

Английская армия достигла Шательро вечером в среду (14 сентября) и оставалась там весь четверг и всю пятницу — так долго, что можно сделать вывод, что английские военачальники были очень плохо информированы о местонахождении своего противника. В рассказ об этих днях включено одно из очень редких в хрониках упоминаний об организации транспорта. За две недели до этого, по его словам, два лорда пропустили вперед обоз и ждали, пока он проедет. А в Шательро, по этому же сообщению, накануне ухода английской армии отсюда был отдан приказ всем транспортным средствам (*summagia, carriagia et portantes victualia*) переправиться по мосту на другой берег Вьенны, чтобы на следующий день они не задерживали движение армии. Рано утром в субботу (17 сентября) вся английская армия направилась в сторону Пуатье, но не по главной дороге, которая шла вдоль западного берега Клена, а по старой Римской дороге вдоль восточного берега, и на расстоянии нескольких миль от Пуатье повернула влево, оставляя этот город в стороне и двигаясь на юг. Несомненно, англичане желали вернуться на главную дорогу Париж—Ангулем—Бордо, которая проходила южнее.

Результат, к которому привели эти маневры двух военачальников, свидетельствует о том, что разведка французского короля работала так же на удивление плохо, как и разведка принца. Хотя у обоих командующих были

под началом очень большие армии, хотя они должны были посылать своих солдат за продовольствием далеко от главного маршрута, хотя каждому из них было крайне важно знать, где находится другой, хотя начиная с понедельника расстояние между двумя армиями не превышало двадцати миль, а иногда сокращалось всего лишь до двенадцати, все же есть данные, что утром в пятницу (16 сентября) Иоанн, переправляясь через Вьенну по мосту в Шовиньи, считал, что англичане уже ушли на юг, и он не успел нанести им удар, а принц «не ведал точно, где были французы», но по отсутствию корма для лошадей предполагал, «что они были недалеко». За среду и четверг Иоанн прошел тридцать миль. В пятницу он дошел до Ла-Шаботри, а утром в субботу вошел в Пуатье. Он обошел принца и оказался впереди него — но сам не знал об этом.

Однако большая, плохо организованная армия не могла выдерживать темп, который задал ей командующий, — тем более что к ней по-прежнему подходили все новые отряды явившихся к королю знатных дворян со своими обозами и запасами продовольствия, и к тому же переход по мосту в Шовиньи задержал движение этой массы королевских сторонников. Поэтому в субботу армия Иоанна II растянулась на много миль вдоль дороги, которая шла на запад от Шовиньи. Поскольку англоскассонская армия, продолжая свой путь на юг, должна была пересечь эту дорогу, вероятность столкновения между отрядами враждующих армий была очень большой. Возможно даже, что англичане укрылись в лесу Мульер и ждали, не появится ли возможность напасть на арьергард французской армии или захватить в плен кого-нибудь из роскошно одетых знатных господ, которые ждали в Шовиньи, пока мост будет свободен, чтобы отправиться в Пуатье.

И враги встретились. Возле Брейля французские всадники, двигаясь в северном направлении, оказались возле главных сил английской армии, и произошел бой, в котором Жан де Шатийон и графы де Жуаньи и д'Осер

были захвачены в плен ради выкупа. Эту короткую стычку, естественно, посчитали очень удачной для английской стороны, но теперь английским военачальникам стало ясно, где находятся враждующие армии одна относительно другой. Дойти до Бордо было крайне трудно, а может быть, вообще невозможно, не вступив в решающий бой, и до этого боя оставалось всего несколько часов. Для англичан стало жизненно необходимо как можно быстрее идти дальше весь этот день: надо было использовать возможность уйти далеко на юг от Пуатье до того, как французская армия сможет нанести свой удар.

Поздно вечером обе армии находились юго-восточнее Пуатье. Принц был вынужден ждать возвращения всадников, которые преследовали французских дворян. Он собрал свою армию в Савиньи-л'Эвеско, в треугольнике между дорогами, ведущими к Буржу и к Лиможу. Французский король быстро повернул свою армию на лиможскую дорогу и остановился лагерем в нескольких милях от Лиможа.

Обе стороны в эту ночь приняли меры для охраны своих лагерей. У французов коннетабль и маршалы сформировали отряд, который стал известен под названием «корпус маршалов» — мобильную и эффективно действовавшую группу, предназначенную для ночных дозоров, атаки и разведки. Англичане, которые теперь знали об угрожавшей им опасности, тоже были бдительны. В их армии был объявлен приказ, чтобы никто не оказывался впереди знамен командующих, если не получит приказа сделать это. Этот приказ, который был отдан в нескольких случаях, был не просто мерой, не дававшей бойцам расходиться в стороны. Это был запрет рыцарям и солдатам не устраивать — все равно, ради славы или ради наживы — самостоятельные вылазки против врага, к которым они постоянно имели склонность и которые ставили под угрозу успех операции и безопасность всей армии.

Для тех, кто считает (а внутренняя логика развития событий указывает на возможность этого), что армия

принца делилась на две партии — благоразумных сторонников отступления с накопленной добычей и дерзких храбрецов, которые желали большей добычи и были готовы рискнуть собой в сражении, — мы можем сказать, что Савиньи располагался так, что были возможны оба выхода. С одной стороны, здесь были большие и малые леса, которые давали преимущество англичанам: в лесу они могли укрыть свой большой обоз и устроить засады, а французам было трудно полностью развернуть в боевой порядок свою большую армию. С другой стороны, путь на юг оттуда еще был свободен. Что победит — благоразумие или смелость, — должен был решить совет.

Существовала еще одна проблема, которую надо было срочно решить, — продовольствие для армии. Как мы уже показали, во время *chevauchée* у солдат были то очень сытые, то голодные дни. Так же могло быть и у их лошадей. Кроме того, и люди, и кони временами могли страдать от жажды. Нет сведений о том, что английская армия испытывала большой недостаток чего-либо из продовольствия во время второго *chevauchée* до того, как приблизилась к Пуатье. После выхода из Шательро у англичан редко была возможность добыть продовольствие или напоить коней, и к вечеру воскресенья их запасы были на исходе. В Савиньи была маленькая церковная обитель, но не было ручья, чтобы напоить коней. На расстоянии примерно трех миль оттуда находилось бенедиктинское аббатство Нуайе. В обоих монастырях англичане могли взять продовольствие, но этой еды было слишком мало для такого множества людей. Через Нуайе протекала речка Миоссон, где можно было набрать воду.

Третьей заботой англичан было найти что-нибудь, что они могли бы с выгодой для себя использовать в бою. Для этого их разведчики «скороходы» осмотрели местность.

Очень рано утром следующего дня (воскресенье) англичане и гасконцы — усталые, страдавшие от голода

и жажды, — заняли пологий склон у северного края леса Нуайе. Именно здесь было решено сражаться, если в этом будет необходимость. Немедленно были начаты приготовления к обороне.

Как раз в то время, когда враждующие армии были готовы мгновенно вступить в бой, папская власть прилагала огромные старания, чтобы не допустить сражения. Кардинал Талейран уже встречался с принцем в Монбазоне 12 сентября. Теперь он снова появился в решающий момент и делал все, что было в его силах, чтобы добиться соглашения между французским королем и принцем. «Герольд Чендос» описывает его чувства, Фруассар пишет о мастерстве, с которым кардинал вел переговоры, а некоторые хронисты передают драматический характер его заступничества. Кардинал добился перемирия на все воскресенье и весь этот день ходил от одной армии к другой с предложениями.

У французов была очень сильная позиция. Зверь загнан — ненавистные вторгшиеся к ним грабители наконец вынуждены сражаться. Их меньше, у них мало еды, предыдущие дни уже показали, что им не хватит скорости, чтобы уйти. Казалось, что если англичане решат сражаться, то они обречены. Жесткие условия были не только морально оправданны, они верно отражали сложившуюся ситуацию. Хроники сообщают, что принц был готов отпустить на свободу всех пленных, отдать захваченную добычу и взятые города и дать обещание не сражаться против французского короля в течение семи лет. Самое меньшее, на что соглашался король Иоанн II, — чтобы сам принц и сто его рыцарей сдались в плен.

Исследователи уделяют очень много внимания несхожим между собой сообщениям о событиях этого дня и очень мало — июльскому договору 1355 года, где были предусмотрены подобные обстоятельства, в которых принц находился теперь. «Если случится так, что принц будет осажден или окружен врагами так, что ему лично будет угрожать опасность, а помощь не придет вове-

мя, то для спасения себя и своих людей он может заключить перемирие на короткий или долгий срок или выйти из этого положения любым иным способом, который покажется ему наилучшим».

Именно в контексте этих слов нужно рассматривать условия, предложенные обеими сторонами. Можно было утверждать, что вследствие уже упомянутого категорического требования короля принц лично находился «в опасности» или при любом возможном развитии событий будет «в опасности» раньше чем через двадцать четыре часа, и поэтому он на законных основаниях мог использовать «иной способ, который кажется ему наилучшим». Не сохранилось никаких официальных свидетельств об ответе принца, и мы не можем быть уверены, что «Герольд Чендос» сообщает всю правду о нем. Ясно одно: принц предложил очень много, а когда у него потребовали еще больше, заявил — как уже дважды говорил представителям папы, — что не уполномочен заключать мир без согласия своего отца¹. Переговоры прекратились.

В сложившихся обстоятельствах примирение было невозможно. Французы были в одном шаге от великой победы. Англичане и гасконцы не были готовы сдаться без боя. С наступлением ночи Талейран вернулся в Пуатье горько разочарованный. Ни одна из сторон ему не доверяла. На следующее утро, еще до восхода, он снова попытался вмешаться и отправился сначала во французский лагерь, но его предложение было решительно отвергнуто. Естественно, что англичане не доверяли французу-послу француза-папы, когда тот вмешался в спор, в котором участвовали французы. Более того, в большой свите кардинала нашлись люди, которые не

¹ *Chandos Herald*, строки 826—856.

Перевод со старофранцузского примерно такой:

Я не могу выполнить это дело
Без короля, моего отца.

.....
Я сделаю как вам угодно,
Если на то будет воля моего отца.

просто симпатизировали французам, но и остались во французском лагере, чтобы сражаться на их стороне. Недовольство французов действиями кардинала было тоже естественным: он останавливал Иоанна II и его войско, когда победа по праву принадлежала им. Папа римский был последовательным в дипломатии. При любом мнении относительно беспристрастности и искренности этой дипломатии вмешательство ее представителя в тот момент было несвоевременным. Однако оно отсрочило битву на двадцать четыре часа.

Уход кардинала освободил место для боя. Было ясно: жестокое столкновение, которого ожидали утром в воскресенье, обязательно произойдет утром в понедельник, а поскольку перемирие кончалось с восходом солнца, бой, скорее всего, должен был начаться рано.

Как уже было сказано¹, мы не планируем дать здесь всестороннее описание этой битвы как крупной военной операции. По сути дела, мы лишь слегка коснемся тех ее сторон, которые обсуждали в своих спорах военные специалисты, а затем перейдем к тому, чему было уделено меньше внимания.

Хотя легенда содержит конкретные указания на то, где находится поле боя, и обнаруженные следы сражения подтвердили легенду, у ученых много лет сохранялись сомнения по поводу того, на каком именно месте сражались армии. Это произошло на расстоянии одного лье (около 5 километров) от Пуатье. Большинство хронистов не сообщают подробностей о месте битвы. Фруассар назвал три ориентира: по его словам, бой произошел «возле Пуатье, в полях Бовуар и Мопертюи», но что такое и где находится Мопертюи, ученые не могли определить. Это название означает «плохая дорога», оно достаточно широко распространено (на пути, которым король Эдуард III шел от Ло до Кана,

¹ См. предисловие.

тоже есть Мопертюи). Это не обязательно название населенного пункта; его можно отнести к группе названий, обозначающих поля, огороженные участки или земли — Мошам, Мокур, Морегар (соответственно «плохое поле», «плохой двор», «плохое направление». — *Пер.*) и переходы — Мопа, Мальпа («плохой проход». — *Пер.*), а затем ставших названиями населенных пунктов. В середине XIX века многие исследователи прошлого и авторы научных обзоров поняли, что детали рельефа, упомянутые хроникерами, отлично описывают местность к северу и западу от леса Нуайе, и сделали вывод, что селение, которое давно известно под названием Ла-Кардинри, видимо, и есть Мопертюи. Это предположение было отражено на французской штабной карте масштаба 1 : 80 000 и нашло много сторонников. Позже стали утверждать, что догадка была ошибочной: Ла-Кардинри стоит *на* «плохой дороге», и в XIV веке слово Мопертюи было названием этой *дороги* и, возможно, мест, через которые она проходила. Эта дорога идет с севера на юг немного западнее леса Нуайе, пересекает речку Миоссон там, где находится брод Делом, и сливается с дорогой, которая идет от Нуайе к Ле-Рош. Поле битвы находится к востоку и западу от этой дороги Мопертюи¹.

Описывая поле битвы, лучше всего показать его с высоты птичьего полета из точки, расположенной на расстоянии мили к югу от леса Нуайе, глядя на север. Под нами долина Миоссона, русло которого достаточно глубоко врезалось в плоскую возвышенность. Здесь этот ручей течет на запад, но это лишь его общее направление: он образует много излучин. Справа с юга на восток идет дорога Пуатье—Лимож. Также справа, но ближе к ручью находится селение Нуайе с укрепленной оградой своего аббатства. Посередине, точно на север от этого селения, находится лес Нуайе, через северо-восточный угол которого проходит дорога на

¹ *Tourneur-Aumont*, 239—245 и вид с воздуха в конце книги.

север. Эта дорога пересекает реку Миоссон по мосту в Нуайе, поднимается на невысокий холм возле нынешней железнодорожной станции, а затем возле Ла-Кардинри пересекает старую дорогу Мопертюи.

Большие и малые леса по-прежнему покрывают значительную часть той обширной местности, которую наблюдатель видит с высоты, но к северу и западу от леса Нуайе это почти голое поле. Старая дорога Мопертюи идет через эти расчищенные поля на юг, спускаясь в долину Миоссона. Некоторые участки этой долины заболочены, а ее южные склоны покрыты густыми зарослями. Сегодня речку можно перейти по мосту там, где раньше был брод Делом. Участок земли к западу от этого брода, частично охваченный обращенной к югу петлей реки, называется Поле Александра.

В Нуайе дно этой долины находится на высоте примерно 350 футов (свыше 100 метров), а открытое пространство, на котором произошла битва, около 400 футов (свыше 120 метров) над уровнем моря. Поле боя не равнина, но неровности рельефа слишком малы, чтобы служить укрытием или препятствовать движению войск. Однако пологий холм у северного края леса Нуайе поднимается примерно до 440 футов (134 метра), а к юго-востоку от Ла-Кардинри есть длинная и узкая, но очень мелкая впадина.

В то время, когда произошла битва, земля у северного края леса была занята виноградниками, в нескольких местах их разделяли изгороди, лес, возможно, был больше, изгибы реки могли быть немного иными, а через Миоссон в Нуайе переходили не по мосту, а по насыпному переходу.

Перейдем теперь к составу и силе противоборствующих армий. Нужно сказать, что в случае битвы при Пуатье, как и для многих других сражений, оценки современников различаются между собой, а мы не в состоянии определить точные цифры. Даже если не учи-

тивать наименее вероятные расчеты, остаются сомнения по поводу двух характеристик, а именно пропорции гасконцев в англо-гасконской армии и численности полуобученных солдат всевозможных разновидностей, которые по различным хорошим или дурным причинам присоединились к той или другой армии.

Современные авторы считают, что в англо-гасконской армии было от 6000 до 8000 человек, которые распределялись приблизительно так: от 3000 до 4000 тяжеловооруженных конников, от 2500 до 3000 лучников, 1000 прочих легковооруженных солдат, которых называют по-разному — *биду*, «бриганы», сержанты. Все авторы — современники событий утверждают, что французская армия была больше англо-гасконской. Она могла насчитывать 8000 тяжеловооруженных конников, 2000 арбалетчиков и некоторое количество других легковооруженных и недостаточно обученных солдат; всего, вероятно от 11 000 до 16 000 человек.

Английская армия делилась, как обычно, на три «баталии». Авангардом командовали Уорвик и Оксфорд. С ними были капталь де Бюш и многие гасконские отряды. Основной частью армии командовал сам принц. С ним были Одли, Чендос, Кобхем, Бургерш, Фелтон и другие. Арьергард был под началом Солсбери и Суффолка. С ними были некоторые из «германцев» и Дени де Морбек. Вероятно, в каждую «баталию» входило около тысячи тяжеловооруженных всадников, около тысячи английских лучников и несколько сотен легковооруженных гасконских солдат.

Армия короля Иоанна II тоже делилась на три «баталии», но — возможно, как следствие решения, принятого в воскресенье, — в ее структуре было новшество, а именно, четвертая группа, которая должна была стать острием атаки. Первой «баталией» командовал сын короля дофин Карл, который был и герцогом Нормандским; второй — брат короля, герцог Орлеанский, а третьей — сам король Иоанн II. Ударной группой командовали маршалы.

Отступление от обычая — особый отборный отряд для первого натиска, — видимо, было приспособлением атаки французов к английскому способу обороны. Поскольку англичане сражались пешими и очень эффективно использовали лучников, начать бой следовало с того, чтобы заставить противника израсходовать как можно больше стрел, а затем растоптать лучников конницей. Такая тактика означала большие потери в начале сражения, но в результате в рядах англичан появились бы разрывы — путь для следующей атаки, в которую пошли бы уже основные силы французов.

Поскольку мы почти обязаны применять одни и те же термины и склонны применять одни и те же символы при описании средневековых и современных войн, полезно было бы обратить внимание читателя на три особенности средневековых армий в том, что касается частей и соединений армии, дисциплины внутри ее и изображения ее боевых порядков на карте. В феодальную эпоху в армии не было четкой иерархической системы подчинения. Она не «подразделялась» по функциональному принципу и не была «разбита», для более удобного осуществления операций, на части, однородные по составу и одинаковые по размеру. Она и не «строилась» из частей, объединенных в одно целое. Она не была военной машиной, части которой и вся она целиком быстро и точно выполняли желание главнокомандующего. Это было объединение, состоявшее из групп солдат с их военачальниками, которых они узнавали по их щитам или знаменам, и «баталия» была лишь временным объединением малых групп в одну большую.

Во-вторых, настроение такой армии было непредсказуемым, в особенности если она была собрана лишь недавно. Число людей, их умение сражаться, воодушевление и уверенность в себе могли быть велики, но, когда им не хватало сплоченности, умения действовать в группе и дисциплины, это сверкающее оружие могло оказаться не клинком из закаленной стали, а хрупким лезвием.

В-третьих, изображение средневековой армии, построенной для боя, на карте в виде аккуратных и параллельных один другому цветных прямоугольников может ввести в заблуждение того, кто смотрит на эту карту. Такие символы заставляют предполагать такую высокую организованность, однородность и точность расстановки войск, которой не было в действительности.

Но вернемся в утро воскресенья 18 сентября. В темноте вся англо-гасконская армия перешла из Савиньи на северную оконечность леса Нуайе. Там, на низком, обращенном на северо-северо-запад холме, с которого было видно ровное, открытое поле рядом, солдаты этой армии приготовились к бою. В лесу они могли скрыть свой обоз и при необходимости укрыться сами. Живые изгороди и виноградники рядом на равнине тоже в какой-то степени были укрытием. На одном участке обороны поставили повозки так, чтобы они стали препятствием для врага. Лошадей поместили на таком расстоянии, чтобы бойцы при необходимости могли быстро сесть в седло. Лучники заняли места, на которых должны были стоять во время боя, и, хотя в этот день действовало перемирие, укрепили свою позицию рвами. Однако у солдат не хватало еды, а у лошадей корма.

Поскольку враждующие армии (как сообщает «Герольд Чендос») стояли очень близко одна к другой и поили своих лошадей из одной и той же речки, перемирие позволяло солдатам обеих сторон наблюдать за противником и определять, какие у него войска и как они расположены. И они, конечно, не упустили эту возможность. Разведывательный отряд французов изучил позиции английской армии и доложил, что она «сильная» и «умно и умело приведена в порядок», а впереди нее находится серьезное препятствие — живая изгородь, в которой есть лишь один проход. Вдоль этой линии выстроились лучники, а через проход могут проехать на конях не больше четырех рыцарей сразу. Анг-

лийские тяжеловооруженные конники спешили; на передовой линии англичане поставили лучников, выстроив их зигзагом.

По желанию короля французы дополнили доклад своими собственными выводами. И вот к какому заключению они пришли. Обычная и любимая рыцарями тактика — мощная, сметающая все на пути атака конницы — здесь не подходит. Подходящим началом был бы один яростный удар трехсот лучше всего вооруженных и наиболее опытных французских конников. Они бы прорвались через английских лучников, и в проделанные ими бреши могли бы войти французские войска. Но этим войскам придется сойти с коней, быстро идти за конницей пешком и вступить в рукопашный бой.

Король Иоанн II поступил согласно их совету. Это было одно из самых важных и самых губительных решений в его жизни. Французские рыцари, потратив так много средств на обучение бою, снаряжение и коней, теперь должны были вести бой способом, для которого были недостаточно подготовлены, неудачно вооружены и в котором не могли применить своих коней. Правда, англичане сражались так под Халидоном (битва при Халидон-Хилле произошла в 1333 г. Эдуард III со своей армией тогда одержал победу над шотландскими войсками, и благодаря этому Шотландия временно оказалась в подчинении у Англии. — *Пер.*) (об этом мог рассказать королю шотландский военачальник Дуглас, сражавшийся во французской армии) и при Креси (об этом Иоанн II знал по собственному опыту). Но в тех сражениях были два обстоятельства, которых не было у французов возле Мопертюи: англичане тогда оборонялись, а не атаковали и английские рыцари сражались совместно с лучниками. Если Иоанн II думал, что пешие рыцари — ключ к победе, то он недостаточно понимал предпосылки успеха. Потомки обрушили на него целый град оскорблений, но следует сказать, что его распоряжения общего характера заслу-

жили похвалу современников: он не бросился в бой необдуманно и как командующий своей армии был во время этого величайшего испытания, по крайней мере, не худшим полководцем, чем его отец при Креси.

Воскресенье закончилось неудачей переговоров и принесло уверенность в том, что завтра начнется бой. В эту ночь совет принца собрался, чтобы обсудить ситуацию. Попытка прорваться на юг с добытым богатством не удалась. Положение англичан было опасным: обоз сковывал их движения, они были голодны, с них не сводили глаз враги, которых было больше. Французская армия могла навязать англичанам бой, и было несомненно, что она это сделает. Она даже могла окружить их и уморить голодом. С другой стороны, позиция, которую выбрали для боя, была хороша сама по себе, и они еще укрепили ее. Затем они имели более долгий опыт совместных действий и потому знали друг друга лучше, чем их противники. Было необходимо решить, что выбрать — благоразумие или отвагу, отступление (если оно будет возможно) или бой, в котором, как им казалось, победить невозможно, и неизвестно, удастся ли остаться в живых.

Ночные размышления привели к важному решению, которое принц в письме, написанном через месяц, изложил так: «Из-за нехватки продовольствия, — писал он, — а также по иным причинам было решено, что мы пойдем нашим путем, огибая их [французов] с фланга так, чтобы, если они пожелают начать бой или приблизиться к нам в месте, не слишком невыгодном для нас, мы были бы первыми». Смысл этих слов (написанных уже после «невероятной» победы) специально затемнен, но они позволяют не сомневаться в том, что англо-гасконские военачальники составили план на завтра. Собирались они отступить, как только это станет возможно, или были намерены обороняться на своей позиции и отступить, только если атака станет слишком мощной, или планировали притворное отступление — хотели отвести часть своих войск к югу, чтобы спровоцировать

французов на необдуманные безрассудные действия? Этот вопрос обсуждался много и долго, потому что на следующее утро англичане действительно начали действовать первыми.

В понедельник 19 сентября солнце взошло примерно в четверть шестого, а отсутствие в хрониках замечаний по поводу погоды позволяет предположить, что день был ясный. Очень рано утром Юстас Добриджкур с небольшим отрядом рыцарей из англо-гасконской армии был выслан вперед с поручением приблизиться к армии французов. Возможно, это было прощупывание противника ради информации, но более вероятно, что они должны были отвлечь внимание французов от более важных передвижений, происходивших у них за спиной. В предыдущую субботу Добриджкур отличился в бою возле Ла-Шаботри, в этот раз он попал в плен.

Во время этой схватки часть войск принца перемещалась на юг восточнее и западнее леса Нуайе или через этот лес. Этот первый шаг, осуществленный согласно плану совета, стал началом цепочки тактических приемов, выполненных в течение дня. Авангард (которым командовал Уорвик) сопровождал повозки с добычей, спускавшиеся по склону к Миоссону, к поросшему густым лесом его берегу. В этом лесу добыча будет незаметна; тех, кто станет ее охранять, нельзя будет застать врасплох и окружить, как на дне долины; и добыча, и ее охрана будут ближе к дороге на Бордо.

Относительно этого передвижения исследователи расходятся во мнениях по двум вопросам: полностью ли оно было осуществлено и какова была его цель. Уорвик и его конвой переправились через реку — вероятно, в Нуайе, — оставили возы на дальнем берегу и вернулись на подготовленную позицию, с которой начали движение; ручей они перешли по броду Делом. Мы не станем обсуждать вопрос о том, следовали или нет за ними принц и его большая «баталия». О цели передвижения мы тоже скажем коротко. Сейчас общепризнанным является мнение, что оно долж-

но было стать началом отступления, если бы отступление было возможным. Но можно считать, что это была военная хитрость и французское командование было обмануто. Провокация с помощью выставленного на показ небольшого отряда, чтобы заставить противника атаковать армию на той позиции, которую она для себя выбрала, была широко распространенной уловкой. Можно также рассматривать передвижение обоза как сочетание осторожности и смелости, отступления и провокации: с одной стороны, самое громоздкое имущество армии оказалось (или должно было оказаться) поблизости от дороги на Бордо, а с другой, вызывало французов на атаку, к которой (как свидетельствует «Герольд Чендос») было приказано готовиться не только лучникам: все солдаты получили указание быть начеку и готовыми мгновенно вступить в бой, если начнется атака.

Однако нас главным образом интересует реакция противника на это движение. Должно быть, французы далеко не сразу заметили передвижения англичан. А когда заметили, то им, видимо, бросились в глаза две вещи: во-первых, после ухода авангарда основную часть армии (некоторые авторы предполагают, что она шла следом за авангардом) и особенно арьергард легко атаковать; а во-вторых, обладание бродом имеет первостепенную важность. Король находился далеко от места боя, но его маршалы поняли, что должны действовать. Клермон хотел дожидаться, пока ситуация станет ясней, д'Одрем желал действовать немедленно. Маршалы командовали «ударными» компаниями, бойцы которых стояли впереди «баталии» дофина со своими, оставленными им конями. Командовали вместе, но поступили по-разному, каждый в согласии со своей точкой зрения: один повел своих конников в атаку против тех англичан, которые уходили и уже исчезали из вида, а другой — против стоявшего на месте арьергарда, которым командовал Солсбери.

Колонна д'Одрема галопом помчалась вниз по склону к ручью, но Уорвик со своим маленьким отрядом

лучников уже возвращался на поле, и французские кони, только наполовину защищенные доспехами, оказались под их обстрелом. Очень многие скакуны были ранены и упали, их всадники были убиты или захвачены в плен; в плену оказался и сам д'Одрем.

Другая колонна, во главе с маршалом Клермоном и коннетаблем де Бриеном, устремилась на английский арьергард, по-прежнему стоявший перед лесом. Накануне этой колонне была поставлена задача прорваться через ряды английских лучников, чтобы расчистить проходы для французских тяжеловооруженных конников, которые должны были следовать за ней пешком. Если бы лучники были выстроены ровными рядами, их стрельба могла бы не причинить вреда французским коням, защищенным доспехами спереди. Однако местоположение лучников и конфигурация их строя позволяли им вести перекрестный огонь, и он оказался смертельным. Клермон, де Бриен и многие другие были убиты.

План принца (или его совета) заставил французов раньше времени нанести два удара, которые привели к очень большим потерям; в результате французы потеряли трех из своих самых опытных военачальников. Руководить французской армией должен был король, но он по-прежнему находился со своей «баталией», то есть далеко от места действия.

Когда остатки разбитой французской конницы отступали, первая из трех больших частей французской армии — «баталия» дофина стала двигаться вперед. Французы — в доспехах, но пешие — прошли несколько сот ярдов по полю, а затем, усталые, но отважные, начали свою мощную атаку. Это был самый тяжелый эпизод сражения: массы людей сражались врукопашную. Все англо-гасконские войска — за исключением резерва из четырехсот конников — удерживали свои позиции. В этой жестокой схватке обе стороны понесли большие потери. Англо-гасконцы не были ни сломлены, ни сдвинуты с места. Через какое-то время остатки «баталии» дофина, сохраняя порядок, стали медленно отступать. Второй

такой удар, если бы его нанесли свежие войска, пока усталые англичане искали стрелы, чтобы пополнить свои запасы, приносили новое оружие и спасали раненых, вероятно, был бы успешным.

Но следующий удар не был нанесен сразу после отступления дофина. Правду говоря, слово «отступление» подразумевает большее единство при движении назад, чем было в действительности. Многочисленные рассказы об этой битве, если их объединить, складываются в картину множества схваток между относительно мелкими группами и отдельными воинами. «Битва началась со всех сторон», — пишет Фруассар, подразумевая при этом не один мощный удар, а десятки малых схваток. В других местах он говорит о «сражениях, встречах, погонях и преследованиях, которые происходили в тот день на поле», и использует такие выражения, как «рядом с королем» и «немного выше этого места». Так оставшиеся в живых участники сражения могли описывать то, что сами наблюдали в своем ограниченном поле зрения. Кроме того, именно так должна была действовать армия, столь плохо организованная, как армия короля Иоанна II. И в любом случае невозможно ожидать, что люди, которые идут навстречу дождю стрел, долго будут сохранять строй на широком фронте. Броски французов вперед то в одном, то в другом месте, где не хватало стрел у английских лучников, жестокая схватка вокруг нескольких умелых тяжеловооруженных конников, дерзкая атака свиты отважного французского рыцаря — героическая, но плохо организованная, а потому кончившаяся неудачей и большими потерями, — вот впечатление, которое возникает при чтении хроник. Чувствуются также усталость и подавленность англичан, что было неизбежно при таком долгом и непрерывном физическом, умственном и моральном напряжении. Под конец усталость почти победила силу воли.

Тем временем наступила очередь идти вперед и ударить по врагу следующей французской «баталии», которой командовал герцог Орлеанский. Но вместо этого

вся она ушла с поля боя. О причине этого по меньшей мере странного поступка мы можем лишь догадываться, но он решил судьбу сражения. Самая жестокая схватка еще не началась, но (английские военачальники не могли видеть этого, но сегодняшний историк может) с того момента, как эта значительная часть французских войск отказалась сражаться, победа французов была почти невозможна. Англичане получили передышку, численное превосходство французов стало меньше, и в других французских отрядах стали думать о том, не уйти ли им тоже с поля. Уходившие сели на коней и покинули место боя, сохраняя порядок. По приказу короля Иоанна II дофин и его братья в сопровождении очень многочисленной охраны тоже покинули поле боя. Некоторые англичане решили, что настало время действовать, вскочили на коней и помчались в погоню.

Но время преследовать врага еще не наступило. Самая большая и дисциплинированная «баталия» французов под командованием самого короля осталась цела, и в тот момент, который показался королю удобным, он повел ее (разумеется, пешком) против усталой армии принца. Нападавшим пришлось пройти большее расстояние, чем людям дофина. Когда англичане увидели вдали этот большой отряд свежих воинов в доспехах и Орифламму (запрестольная хоругвь аббатства Сен-Дени. — *Ред.*) над ним, возникшая у них уверенность в удачном исходе боя пропала. Этот момент стал испытанием для их силы духа.

Против этого мощнейшего удара французского короля англичане приняли три меры. За время короткого затишья не раненные в бою солдаты всех трех английских «баталий» были объединены в одно упорядоченное войско. Затем капталь де Бюш получил особое задание — с небольшим конным отрядом пройти милю или две, под прикрытием сначала маленького холма (возле нынешней железнодорожной станции), затем зарослей, и незаметно для французов оказаться у них в тылу. Сделав это, он должен был подать сигнал принцу, развернув знамя

Святого Георгия, а потом атаковать французов. В-третьих, английские тяжеловооруженные конники и очень многие конные лучники получили приказ сесть на коней.

«Баталия» короля приближалась; солдаты принца были готовы встретить ее на конях; был получен сигнал от капталя; принц приказал атаковать, и все, кто мог сидеть на лошади, помчались на французов. Бой был кровопролитным. Воины сражались врукопашную. Противоборствующие армии то продвигались вперед, то отходили назад. Как мы уже говорили, они постепенно теряли строй, и сражение распадалось на отдельные локальные бои, в которых, как подразумевает Бейкер, англичане, полностью осознававшие свое положение, дрались с той яростью и беспощадностью, которые придает человеку отчаяние. В разгар этой схватки до них долетел крик людей капталя, которые теперь были за спиной у французов. Затем эти люди пошли в атаку, и воины французского короля внезапно увидели, что окружены. Это был сильнейший психологический удар по французам. Яростный бой продолжался, и, наконец, многие французы в панике бежали, а остальные были убиты или захвачены в плен. Среди пленных были сам король и его четырнадцатилетний сын Филипп.

Хотя французам и не удалось нанести удар по врагу, длинный список убитых в этом сражении французских дворян и простых воинов свидетельствует, что они сражались отчаянно и на поле шла жестокая битва.

Завершая этот краткий рассказ о военной стороне битвы, мы не можем не упомянуть о споре по поводу того, где стояла и в каком порядке была построена французская армия в воскресенье и понедельник 18 и 19 сентября. Названия мест и особенности рельефа позволяют установить, где находится поле боя и где стояли на нем в воскресенье английские войска. Но нет указаний на точное местоположение французов (кроме того, что они стояли очень близко от англичан). Хронисты,

описывая сражение, не называют и направление, в котором двигались французы (кроме, разумеется, того, что они атаковали англичан). Поскольку король Иоанн пришел по дороге, ведущей в Лимож, было сделано предположение, что его люди провели ночь с субботы на воскресенье возле Бовуара, в воскресенье стояли лагерьм лицом к позиции англичан на расстоянии от полумили до двух миль от них и что французские «баталии» были расставлены в обычном порядке (эшелонированно).

Французские историки внесли вклад в наши данные об английской экспедиции, проверив названия мест, через которые проходила экспедиционная армия в Лангедоке, и определив место битвы при Пуатье. Они также высказали точку зрения, которая еще не полностью признана: что армия короля Иоанна II стояла не северо-западной, а западной английской армии, что три «баталии» были расположены не эшелонированно, а почти по прямой линии в направлении с севера на юг, что сам Иоанн и его «баталия» стояли на пригорке на Поле Александра в излучине Миоссона, а английская армия, оставив свою подготовленную позицию, передовая линия которой была вытянута в направлении с севера на северо-запад, сражалась возле реки¹.

Ни один хронист не утверждает напрямую, что французская армия занимала эту позицию, и это молчание многозначительно; разумеется, прозвучали заявления, что «тезис (французских историков) с военной точки зрения сам по себе невероятен». С другой стороны, некоторые фразы Бейкера и «Герольда Чендоса» можно истолковать как указания на то, что английская армия занимала именно эту позицию. Можно утверждать, что такое перемещение было разумным, по крайней мере по своему замыслу, и что с Поля Александра король Иоанн II мог прекрасно видеть поле боя. Это предполо-

¹ «Французская» точка зрения изложена Делашеналем (Delachenal, *E Histoire de Charles V* (далее — *Delachenal*) и Турнёр-Омоном (*Tourneur-Aumont*).

жение нужно, конечно, оценить с учетом рельефа местности, а также характера и полководческих способностей военачальников. Мы оставляем последнее слово за военными экспертами. Если точка зрения французских историков будет принята, то капталь де Бюш, обходя французов, двигался на юго-запад и оказался в тылу войска Иоанна II со стороны брода Руссон. Некоторые другие тактические маневры тоже должны быть истолкованы иначе.

Что касается настроения в войсках, то у обеих сторон в этом отношении возникли интересные для нас сложности.

В английской экспедиционной армии среди старших командиров было около десяти или даже больше участников битвы при Креси. Кроме них, среди командиров были те, кто служил в Гаскони в 1345—1346 годах, и сыновья тех, кто сражался под командованием Эдуарда III в 1346 году. Их опыт боев с французами сочетался с чувством единства, возникшим за год активных боевых операций, и осознанием того, что в этот раз они должны сражаться за свою жизнь. Утром перед битвой англичане были настроены биться жестоко и беспощадно: они знали, что только огромное напряжение сил и величайшая стойкость спасут их в этот день. Их начальники могли полагаться на отвагу каждого из своих людей в отдельности. Но в точности их совместных действий начальники были не так уверены. Им предстоял не бой во время конного похода, когда дисциплина слаба, а решающее сражение, когда необходим строжайший контроль. А этот контроль иногда очень ослабевал.

После предсказуемых атак конницы произошли два совершенно непредвиденных события: сначала пешая атака французов и затем то, чего совершенно нельзя было предположить, — уход с поля большей части французской армии. Эти французы даже не стали наносить удар. Такое поразительное и непонятное поведение про-

тивника стало серьезной проверкой для способности англичан правильно оценивать ситуацию и подчиняться дисциплине. Бейкер сообщает, что уже во время короткой передышки после отступления конницы «наши военачальники удерживали победителей от преследования бегущего врага». О следующем перерыве в битве (после того, как отступила, сохраняя порядок, «баталия» дофина) он же пишет, что «исход сражения был неясен, пока французский король и его войска находились в соседней долине, и наши люди не должны были покидать поле в погоне за врагом».

И все же англичане постоянно рвались преследовать противника. Лорд Беркли не подчинился приказу, помчался в погоню и сам попал в плен. Другие тоже вскочили на коней и стали преследовать французов. Обстановка на поле становилась все сложнее и запутанней. Наблюдатель, стоящий в удачно выбранном месте, мог бы видеть одновременно группы французов, стойко сражающихся с врагом, отступающий французский отряд, очень большое французское войско, стоящее рядом и готовое идти вперед, и отряды французов на конях, удалявшиеся с поля боя. Англичане, у которых не было такого хорошего обзора, делали собственные выводы из того, что видели, срывались с места и мчались в погоню, словно победа уже была одержана. Английские командиры то ли неверно оценивали ситуацию, то ли не могли удержать своих людей. Принц «был в замешательстве».

Позже, когда началась самая тяжелая часть боя, те, кто до этого уже отразил одну за другой несколько атак, упали духом. В этот момент принц попросил о помощи, а затем принял то решение, которое переломило ход событий и склонило чашу весов на сторону англичан. Они должны атаковать, и атаковать на конях. Смена тактики в нужный момент вернула мужество англичанам, и в кровопролитном бою они одержали победу. Но успех сражения был под угрозой из-за недостаточного контроля над солдатами, которые не привыкли к

нужной в сражении дисциплине и были готовы погнаться за личной выгодой, даже если при этом надо было покинуть строй.

Французы в этот день покидали строй по совсем иным причинам, и это погубило их большую армию. Причиной их ухода была не военная необходимость и, как нам кажется, не отсутствие военного мужества. То, что они сделали, было похоже на дезертирство, но, по-видимому, тут не было обычных для дезертирства причин.

Если считать, что в средневековой армии боевой дух — это главным образом чувство физического благополучия, силы в бою, справедливости своего дела и веры в своего военачальника, то есть серьезные основания считать, что в то воскресенье боевой дух французской армии был высок. Численное превосходство французов было бесспорно; их рыцари и тяжеловооруженные конники по отваге и снаряжению, очевидно, были по меньшей мере равны своим противникам, есть свидетельства, что у французов было достаточно еды и что они были в хорошем настроении. А урон, который англичане нанесли их стране, был достаточной причиной для жгучей ненависти к англичанам. Советники короля Иоанна II коротко изложили ему положение дел: англичан мало, они устали от пути по незнакомой им стране, а французов много, они бодры, сыты и будут защищать свою родную страну.

Что касается доверия к военачальнику, для средневекового солдата оно имело меньше значения, чем для современного, по двум причинам. Во-первых, командующих выбирали главным образом не за природный полководческий дар, эту должность почти всегда занимал кто-нибудь из членов королевской семьи. Во-вторых, рыцари так высоко ценили личную храбрость и так любили лобовые атаки, что недооценивали полководческое мастерство. Храбрость Иоанна II была общепризнана, при нем были опытные воины — его маршалы, с которыми он советовался по вопросам тактики, в предыдущие двенадцать месяцев он добился некото-

рых военных успехов: и Эдуард III, и Генрих Ланкастерский отступили перед ним, когда он вышел в поход. О том, насколько французские дворяне верили в своего короля, в его способности военачальника, нет прямых свидетельств, но они принимали от Ионна II плату за службу, и множество их пришло в армию короля. В этом смысле следует считать, что французская армия накануне битвы была в хорошей боевой форме.

И все-таки множество французов — и рыцарей, и людей иного звания — покинули поле сражения, даже не вступив в бой. Среди них был герцог Орлеанский «и с ним большая компания». Ушли и сыновья короля. Неуместность и даже постыдность такого поведения отмечают хронисты: «Многие достойные рыцари и оруженосцы, хотя их господа покинули поле, сами предпочли бы умереть, чем заслужить упрек», «И рыцари, и оруженосцы постыдно и трусливо бежали».

Такой поступок нельзя оставить без объяснения. Мы не можем поверить, что один день перемирия полностью подорвал боевой дух солдат — и при этом только у одной из воюющих сторон. Что французы в тот день хорошо поели и были в веселом настроении, что некоторые из них братались с англичанами, что король предпочел бы начать бой сразу, чтобы принцу не удалось уйти, — все это не оказывало значительного влияния на положение дел. Мы не верим и тому, что моральная власть короля над его армией могла заметно ослабнуть в результате этой короткой передышки. Он совещался со своими маршалами, а условия, которые он сообщил кардиналу для передачи принцу, подразумевают огромную веру в силу французов. В этом отношении ничто не могло уменьшить его престиж, и если французские рыцари нетерпеливо рвались в бой, то с наступлением темноты они узнали, что король тоже чувствует это нетерпение. Причины падения боевого духа нужно искать в чем-то другом.

Писатели-современники тех событий, упоминая об уходе этих войск, делают иронические, печальные или

оскорбительные замечания, но никак его не объясняют. Мы осмелимся осторожно сделать предположение, что направление, в котором развивались события во время битвы, должно было вызвать упадок духа у французских рыцарей и тяжеловооруженных конников. Король планировал не раздавить англичан мощными атаками конницы, как учились воевать французы, а действовать по-новому — атаковать силами спешенных конников, которые должны были идти своими ногами, в тяжелых доспехах по открытой местности, где почти или совсем не было укрытий, а потом сражаться таким способом, которому их не учили.

Еще до того, как началось выполнение этого плана, и до того, как король добрался до места, откуда он мог держать события под контролем, маршалы посчитали, что должны начать бой. Их цели были выбраны верно и действия выглядели впечатляюще, но они привели к большим потерям и оказались неэффективными. За этим неудачным и даже зловещим началом последовала запланированная пешая атака с фронта. В ней не было ни капли того восторга, который бы сопровождал конной атаке. Она тоже привела к большим потерям. В этот момент французам был особенно нужен сильный вождь, способный их ободрить, но король со своим резервом по-прежнему был далеко. Французские рыцари, обученные и снаряженные для боя на коне, воспитанные на идеалах рыцарского сражения и жаждавшие славы, теперь были лишены своих верных коней, понижены до уровня обычных пехотинцев, и от них требовали, чтобы они начали бой с простыми лучниками. Такой бой не мог принести чести. Не для этого рыцарь спешил сюда, не на это надеялся, когда мчался через половину Франции. Разочарованный и недовольный, он чувствовал желание уйти с этого отвратительного места. Дальнейшие события усиливали это желание. Другие уже уходили — по какой причине, он не знал. Он садился на своего коня и присоединялся к ним.

Несомненно, были и другие причины для ухода с поля боя. В любой армии найдется несколько трусов, а наемник-иностранец в минуту крайней опасности не жертвует собой, а думает о выживании. Одной из важных причин было удаление с поля боя сыновей короля — по его приказу и под защитой сильной охраны. Это можно было истолковать только одним образом: уход принцев предсказывает, чем кончится бой, король сам не уверен в силе французов и считает, что бой уже проигран, а раз так, будет разумно уйти с поля.

Мы предполагаем, что именно эти обстоятельства сломили боевой дух французских войск. Дисциплина была слаба, а чувство независимости каждого сеньора сильно. Это сражение было неподходящим для героев-рыцарей. Отступление продолжалось до тех пор, пока его последний этап не превратился в беспорядочное бегство. Но на начальных этапах не страх сломил желание сражаться. Оно было подорвано тем, что способ ведения боя был совершенно непривлекательным для французских бойцов, а их доблестный король не был со своими войсками и не мог подать им пример отваги и стойкости.

Однако изучение рельефа и догадки наших современников о настроении в войсках не помогают современному человеку представить себе то, что пережили солдаты экспедиционной армии. Большинство из них видели лишь малый участок поля и малую часть сражения. Грохот оружия, много ярких красок, звуков и движения, жестокая резня, падающие кони, мертвые и раненые люди — вот то, что видели и слышали они. Читателю нужно напрячь свое воображение, чтобы представить себе, как эти картины сменяли одна другую, и некоторые хронисты предоставляют ему яркие штрихи для этих мысленных картин.

Вот общий вид: «Были видны весьма благородное и прекрасное снаряжение и богатые краски гербов на зна-

менах и флагах», «Знамена и флаги развевались на ветру, на них сияли прекрасные золото и лазурь, пурпур и красный цвет и горностаевая окраска», «Они увидели знамя французского короля, развевавшееся на ветру», а сеньор де Шарни, который нес это знамя, имел и свой флаг — красный с тремя серебряными щитами. У Луи де Рекомба были изображены пять красных роз на серебряном щите, и хорошо известен герб Юстаса д'Обресикура — две красные полосы на горностаевом поле. У каждого из многих десятков прочих рыцарей тоже был свой щит, отличавший его от остальных.

Шум «был слышен на много миль», поскольку «французы, сражавшиеся в этой кампании, кричали “Монжуа! Сен-Дени!”», а англичане выкрикивали “Святой Георгий! Гиень!”. Солдаты двух армий громогласно выкрикивали свой клич — у одних “Святой Георгий!”, у других “Святой Дени!” — и кричали, что победят именно они!». «Они трубили в трубы, отвечая один другому, и шумели так, что стены Пуатье звенели от эха». Ревели или пронзительно визжали трубы, звучали рога, стучали барабаны; «раздался шум голосов, затем сильнейший крик, и принц снял свой лагерь». «Было восхитительно и ужасно слышать перемешанные между собой шумы от лошадей, крики раненых, звуки рогов...»

Вот что сказано о действиях воинов: «Во время схватки можно было увидеть, как оба противника берут огромные копья наперевес и наносят ими мощные удары; каждый из них хорошо выполнял то, что ему положено... творя военное ремесло таким истинно рыцарским образом, что было великим чудом смотреть на это; ...(он) изо всех сил старается хорошо проявить себя». Описан высокий результат действий лучников: они «стреляли так быстро, что люди короля Франции не могли находиться там, куда долетали стрелы», «Плотность их стрельбы была такой, что французы не знали, в какой стороне искать укрытия». Когда приближалась французская конница, они «убивали и ранили коней и рыцарей, и кони, чувствуя острые стрелы, никак не желали идти

вперед, а отступали назад и рвались обратно с такой силой, что многие упали на своих хозяев, придавив их так, что те не могли встать». Граф Оксфорд... «расставил лучников... и приказал им стрелять в задние части тела лошадей; вследствие этого оцарапанные или раненые лошади падали, сбрасывая своих всадников, или же поворачивали назад и налетали на тех, кто двигался сзади, увеличивая и без того большое число убитых среди своих же хозяев».

Израсходовав все стрелы, лучники «стали поспешно вырывать их из несчастных, которые были лишь наполовину мертвы», а в другой раз были вынуждены «сразиться с теми, кто был одет в доспехи».

Упомянуто о трудностях, с которыми сталкивался рыцарь в доспехах, когда падал на землю: «он был сбит с ног и не мог подняться». «Многие были опрокинуты, и те, кто упал, не могли подняться», и в число энергичных действий принца на поле входили меры по «поднятию упавших».

«Наши люди уносили своих раненых и укладывали их под кустами и живыми изгородями в стороне от боя». Одли «получил тяжелые раны на теле и на лице. Наконец, в конце битвы, его четыре оруженосца забрали своего сеньора, вынесли с поля и уложили под изгородью, чтобы дать ему освежиться; они сняли с него оружие и перевязали его раны, как умели».

Все это время Чендос оставался на своем удобном наблюдательном пункте, смотрел за передвижениями знамен и флагов и делал из них выводы — и, наконец, смог дать совет: пора наступать. Французы побежали, а победители погнались за ними, чтобы добыть себе пленных. Сохранились красочные описания этой погони¹.

Хронисты действительно добросовестно описывали картины боя, но эти картины были созданы современ-

¹ *Chandos Herald*, строки 1390—1400, *The Chronicles of Froissart*, ed. Macaulay, G.C. (далее — *Froissart*) *Froissart* (Macaulay), 125; (Lettenhove), V, 426. О пленных см. ниже.

никами событий на основе впечатлений участников битвы.

Попытка определить, кому следует воздать честь за победу, имеет пределы, установленные структурой командования англо-гасконской армии и характером свидетельств. Принц был главнокомандующим, но важнейшие решения, как мы уже видели, принимались его советом или по меньшей мере представлялись этому совету на рассмотрение. Единственное свидетельство о его заседаниях, которое мы имеем, — это письменные упоминания о них самого принца, а он сообщал просто: «мы посоветовались» или «было решено». Переговоры, которые шли при посредстве кардинала, были начаты с одобрения совета, первое передвижение войск в день битвы было выполнено так, как «решили» (принц добавляет: «и так было сделано»; есть свидетельства, что сам он предпочитал и, возможно, даже надеялся обойтись без боя, однако был осуществлен именно план, согласованный с советом). То есть по меньшей мере за эту часть действий армии принца в тот день должны нести ответственность он и его совет совместно.

Кто же и как руководил битвой в остальную часть дня? Современники событий не помогают нам ответить на этот вопрос. Авторы писем не сообщают подробностей боя, а хронисты больше интересуются доблестью воинов, чем мастерством полководцев. Один восхваляет Уорвика, другой — Уорвика и Суффолка, третий — капталя де Бюша и т. д. Однако из «Герольда Чендоса» и из сочинения Фруассара ясно, что Чендос оставался с принцем весь день битвы и часть дня с ними был Одли. Чендос даже назван советником принца¹. Поскольку пе-

¹ *Froissart*, V, 436, 440, 454. Дальше цитата, перевод со старофранцузского примерно такой: «Возле принца, чтобы охранять его и подавать ему советы, находился мессир Жан Шандо» (это французское произношение имени «Джон Чендос». — *Пер.*) и см. также *Froissart*, XVII, 356. *Chandos Herald*, строки 1278—1282. Дальше идет цитата на старофранцузском, перевод примерно такой: «Два доблестных рыцаря держали ее с двух сторон, они были весьма любезны и полны доброты. Это были Шондо и Одели» (другие варианты написания фамилий Чендос и Одли. — *Пер.*).

ред ними стояла задача вести решающий бой в труднейших обстоятельствах, была необходима выносливость, причем на долгое время. Это качество не упоминается явно, но подразумевается в хрониках.

Принца хронисты изображают, разумеется, с симпатией. По их словам, он обратился к своим солдатам с речью. В панегирике он говорит им, что в бою сила — это не люди и оружие, она у тех, кто полагается на Бога. В словах принца, переданных Фруассаром (он использует *прямую речь*), тоже есть похожая фраза: «Победу одерживает не тот, у кого много людей, а тот, кому Господь пожелает ее послать». Победа, сказал дальше принц, принесет им великую честь, а поражение будет отомщено. Пусть же они выполняют свой долг. Бейкер приводит две очень гладкие по стилю речи (и сам признает, что это не *подлинные слова* принца); одна обращена ко всей армии, другая к лучникам. В этих речах есть упоминания о прежней доблести его солдат и о претензиях его отца на французский трон. Честь, любовь к родной стране и желание богатой добычи, говорит у него принц, побудили их идти по стопам их отцов. Пусть же они выполняют приказы. Победа скрепит боевое товарищество, смерть принесет вечную славу.

Во всех трех свидетельствах есть упоминание о численном неравенстве противостоящих одна другой армий; и все три источника упоминают о том, как речь подействовала на солдат. Писатели нередко приписывают полководцам речи и придумывают для них фразы, которые считают подходящими. Но, учитывая, что речь зафиксирована в трех независимых один от другого источниках и что вызванное ею чувство похоже во всех случаях, принц все же обращался к своим войскам или к военачальникам, и его слова помогли укрепить дух солдат.

Позже, когда в битве произошел решающий перелом и англичане получили приказ наступать, принц, как о

нем сказано, с радостью вступил в тяжелейший бой и сражался, пока не была одержана победа.

Имена командиров, роль Чендоса и подвиги Одли и Беркли уже давно и широко известны, но другим участникам битвы было уделено меньше внимания. По различным наградам, которые принц выдал в течение нескольких следующих лет, можно немного узнать о роли этих людей в сражении, поскольку в записях о некоторых из них есть фразы аналогичные современной формулировке «за боевые заслуги». В нескольких случаях к такой формулировке добавлено указание на конкретные дела, за которые присвоена награда, остальное — стандартные похвалы. Хотя они и недостаточно ясно сообщают о заслугах награжденного, некоторые заслуживают упоминания, поскольку дают некоторое представление о человеческих аспектах битвы.

Знаменосцем у принца был Уильям Шенк (а не сэр Уолтер де Уоудленд, как все раньше утверждали. Уоудленду были выданы охранные грамоты, но по сохранившимся данным нельзя установить, был ли он в этом сражении).

«Назначены находиться при особе принца» были сэр Найджел Лоринг, сэр Уильям Трассел, сэр Алан Чейн, Джон де Сарнсфилд (крестьянин) и Джон дель Хэй (тоже крестьянин). Каждый из пяти был награжден за «хорошую службу и весьма высокое место, которое он занимал во время битвы при Пуатье».

Со словами «весьма высокое место, которое (они) занимали во время битвы при Пуатье» были упомянуты и другие участники сражения, в том числе сэр Джон Чендос, сэр Балдуин Ботетур, сэр Эдмунд Уонси, сэр Джон Сюлли, сэр Роджер Котсфорд, сэр Стефен Кассингтон, сэр Томас Фелтон, сэр Тидерик ван Дейл и Генри де Беркхемстед (слуга принца).

Еще одна группа охарактеризована как сослужившие «хорошую службу в Гаскони и особенно в битве при Пуатье». В нее входят сэр Даниэль ван Пессе, сэр Бернард ван Зеделес, сэр Ханс Труер, сэр Роберт Невилл,

Уильям Сент-Омер (человек принца), Уильям де Холфорд (тоже человек принца), а также многие чеширцы — и начальники, и рядовые лучники: сэр Джон Дэниэл, Ричард Маски, Саймон де Гримсдич, Дэвид де Торнли, Рэндольф де Стоук, Николас Дунс, Уильям Дунс, Роберт Лей, Джон де Коттон, Уильям де Тенуэлл, Уильям Дэви, Уильям де Стокпорт, Роберт Болт, Адам де Босток, Роджер де Хонфорд, Уильям Ньютон, сэр Джон де Хайд, сэр Джон Фиттон и другие.

Есть и те, кто упомянут со словами «хорошая служба в битве при Пуатье». Это некоторые из уже перечисленных людей, а также Джон де Пелингтон (слуга принца), Уильям Бечинтон и Роджер Симондсон (чеширские лучники).

Отсутствие в этих списках валлийских имен объясняется, без сомнения, лишь тем, что реестраль Северного Уэльса не сохранился.

Для Гаскони нет подобного реестра, но среди платежей, которые произвел комендант Бордо, есть ежегодная рента, которую получил от принца Жерар де Тарта, сеньор де Поран «за хорошую службу в Гаскони и особенно в битве при Пуатье».

Мы проследили по документам имена тех людей из армии принца, которые были упомянуты с почетной формулировкой вскоре после сражения. Через шесть столетий мы по-прежнему с уважением отмечаем мужество, мастерство и стойкость не только названных здесь, но и сотен неназванных воинов, которые отразили мощные атаки французской армии.

Правда, в момент, когда счастье окончательно перешло на их сторону, они почувствовали восторг победы и во время преследования использовали свое преимущество, убив сотни бегущих врагов, но это было естественно. Что многих других врагов они не убили, а взяли в плен, полностью согласуется с правилами, принятыми в их время. Итак, мы переходим к вопросу о пленных.

Во время бегства или даже упорядоченного отступления одной из противоборствующих сторон перед командиром другой стороны вставала одна трудная задача. В те времена война имела и коммерческую сторону, а сумма выкупов за пленных могла быть даже больше, чем стоимость добычи. Рыцари, другие тяжелооруженные конники и лучники надеялись получить для себя пользу от победы, а для этого надо было захватывать пленных. Командиры, конечно, хорошо понимали их надежды и не лишали их этой возможности — при условии, что осуществление надежд не вредит безопасности всей армии в целом. Но потеря строя сражающимися войсками раньше времени все же была серьезной опасностью, и командиры много раз настойчиво приказывали своим подчиненным, чтобы никто не выходил из строя для преследования отступающих врагов. Другой опасностью было настроение, которое вызывала у сражающихся солдат жажда получить выкупы. Главная задача солдата — быстро и вовремя убить врага. Захватить врага в плен и сторожить его — значит напрасно тратить время и нарушать строй боевого порядка, уменьшать его ударную силу, тем самым снижая эффективность действий армии. Были случаи, когда командиры отдавали приказ «никого не щадить» не из-за жажды крови, а по необходимости — для поддержания дисциплины.

Правовая и моральная сторона захвата противника в плен и получения от него выкупа в 1350-х годах, как ее описывает Фруассар, сводилась к трем основным правилам:

1. Солдаты имели право захватывать пленных и удерживать их, пока те не заплатят за себя выкуп.

2. Захватить в плен знаменитого человека было почетно, а получить за него выкуп было выгодно.

3. Но еще больше почета доставалось тем, кто, несмотря на огромное искушение погнаться за личной выгодой, продолжал сражаться везде, где это было необходимо.

Следует помнить, что французы тоже признавали это право и, когда была возможность, осуществляли его так же, как англичане. Отцы Солсбери и Суффолка, например, были захвачены в плен французами и выкуплены.

Перед битвой при Пуатье командующие отдали принципиальные распоряжения по этому поводу. Король Иоанн II, как сообщает «Герольд Чендос», отдал совершенно ясный и недвусмысленный приказ никого не жалеть: «Не щадите их, предайте их всех смерти». Однако он сделал одно исключение: если принц Уэльский будет захвачен в плен, пусть его приведут к королю живым. Более того, была вынесена Орифламма¹.

А для англо-гасконской армии принц, с одобрения своего совета, отдал приказ, который был должным образом объявлен в войсках, «чтобы никто не задерживался надолго возле своего пленника... каждый будет владеть тем пленником, от которого он первый принял клятву покорности». При этой клятве пленный обычно отдавал тому, кто становился его хозяином, что-нибудь из своего оружия или снаряжения.

Во время сражения, когда французы — кто поодиночке, кто группами — стали уходить с поля боя, очень многие воины английской армии помчались в погоню за ними, рассчитывая захватить кого-либо из противников в плен. Фруассар приводит два примера, когда французы поворачивали назад и захватывали своих преследователей в плен. Одним из таких пленных англичан оказался лорд Беркли, который был ранен. Его отнесли в Шательро, лечили там две недели, а затем отвезли на

¹ Knighton, 89; *Chandos Herald*:
дальше идут цитаты на старофранцузском. Смысл примерно такой:
И безотлагательно
Предавайте их всех смерти (957—958)
.....
И смотрите: избавь вас Бог
Миловать англичан —
Предайте их всех смерти (1005—1007)
.....
И смотрите: если возьмете в плен принца,
Приведите его пред мое лицо (1011—1012).

носилках в Пикардию; позже он был освобожден, заплатив за это большую сумму денег.

Когда битва приближалась к концу и началось всеобщее бегство французов, многие из них укрылись в городе Пуатье, под защитой его стен. Во время битвы у ворот города было много убитых, но тех, кто был захвачен в плен, было тоже много, потому что на этом последнем этапе сражения целью победителей везде было не убить врага, а взять его в плен. «Там вы могли бы увидеть, — свидетельствует “Герольд Чендос”, — много рыцарей, много лучников, много оруженосцев, бежавших во всех направлениях во все стороны, чтобы захватить пленных», а Фруассар сообщает, что некоторые английские лучники имели четыре, пять и даже шесть пленных. Успех становился слишком большим.

Что происходило на поле боя, можно судить по свидетельству, которое дал под присягой граф Дамартен о том, при каких обстоятельствах он был захвачен в плен. Сначала его захватил в плен Джон Трейли, оруженосец принца, взял у него шлем и перчатку и поставил своего человека охранять пленника, но тот ушел с поста. Затем графа опять «захватил в плен» некий гасконец, взял у него щит с герба и ушел дальше. После этого солдат из отряда сэра Джона Бленкмаустера в третий раз «захватил» его в плен и привел к графу Солсбери. Чтобы спастись, граф дал клятву верности всем троим, кто его захватывал, и, с согласия третьего из них, также дал ее графу Солсбери. В связи с распоряжением принца «не задерживаться надолго возле пленников» возник спор о том, кому принадлежит граф.

Обстоятельства, при которых был взят в плен французский король, также частично известны. Всеми признана героическая отвага Иоанна II и его ближайших приближенных во время последней схватки. В окружившей короля толпе тех, кто желал взять его в плен, был Дени де Морбек, рыцарь из Артуа, изгнанный из Франции за убийство и принятый на службу в английскую армию. Расталкивая остальных, он пробился вперед и

обратился к Иоанну II «на хорошем французском языке». Тот сдался и отдал де Морбеку правую перчатку. За этим последовала безобразная сцена: короля вырвали у де Морбека. В конце концов Уорвик и Кобхем спасли Иоанна II от этих споривших крикунов и привели к принцу. Однако еще один рыцарь, гасконец Бернар де Труа, сумел представить такие убедительные доказательства того, что короля взял в плен именно он, что невозможно было определить, кто из утверждающих это прав. Поэтому пришли к соглашению, что решение об этом примет король Эдуард¹.

К началу вечера, когда рыцари, тяжеловооруженные конники и лучники вернулись после тяжелого боя под стены Пуатье из Шовиньи и из всех сельских окрестностей и привели своих пленных на сборный пункт, где развевалось над кустами знамя принца, стало ясно, что армия, которая по-прежнему находится в походе, не справится с таким множеством пленных. Поэтому многим менее ценным пленникам быстро сообщили условия освобождения, и те, кто поклялся вернуться и привезти в Бордо выкуп до Рождества, были немедленно отпущены. Условия, как об этом пишут, были легкими: считалось, что уплата выкупа не должна разорить рыцаря настолько, что он «не сможет жить согласно своему званию»². Остальных разоружили, но обращались с ними хорошо: правила рыцарства предписывали, чтобы рыцарь был вежлив с рыцарем любой другой страны, и обычное благоразумие подсказывало победителю, что нужно беречь здоровье человека, за которого он надеется получить выкуп.

¹ *Froissart*. Оба претендента умерли, так и не дождавшись решения спора.

² *Froissart*, V, 463—464. В *Chronique des règnes de Jean II et Charles*, т. V, с. 75, сказано, что граф д'О был отпущен под честное слово до Дня Всех Святых, поскольку был ранен, а менее знатным пленникам объявили сумму их выкупа и отпустили под честное слово, чтобы они смогли собрать этот выкуп. Фруассар пишет, что германцы, в отличие от англичан и гасконцев, предъявляли к пленным очень высокие требования, когда определяли сумму выкупа.

Неизвестно, взяли или нет Уорвик, Суффолк, Оксфорд, Солсбери или Кобхем кого-нибудь в плен сами, однако в этой погоне участвовали не только воины низших званий, но и высокопоставленные богатые военачальники, о чем свидетельствует приведенный ниже список имен. Бартоломью де Бургерш, друг и ровесник принца, захватил в плен сеньора де Помпадура, капталь де Бюш — графа Шарля д'Артуа, сэр Эдмунд Уонси и Джон де Кентвуд совместно захватили Филиппа, сына французского короля. Однако ни Чендос, ни Одли не захватывали пленных. Первый из них исполнял у принца обязанности начальника штаба и потому весь день неотлучно находился при своем повелителе¹, а второй был образцовым солдатом и «в тот день не брал пленных, а все время сражался и шел в наступление на врагов»².

Принц не участвовал в этой охоте за источниками выкупа, но будет ошибкой считать, что он был выше материальных соображений и терпел ее лишь потому, что это было благоразумно и полезно. В Каркасоне и Перигё он отказался от больших денег, которые ему предлагали. Но после Пуатье он очень активно занялся операциями с выкупами. Бейкер сообщает, что принц покупал пленных у их хозяев, а Фруассар пишет, что принц купил у гасконцев большинство пленных французских дворян и заплатил за них наличными. Вероятно, оба утверждения не совсем верны, но принц приобрел многих пленных. К этой теме мы вернемся в одной из следующих глав.

¹ *Froissart*, V, 428, 436, 447, 454. О Чендосе: цитата на старофранцузском, переводится примерно так: «ни разу за день не уходил оттуда» и еще одна цитата на старофранцузском, приблизительный перевод: «с этого совета он начал день и упорно придерживался его до конца дня». О Чендосе и Одли: цитата на старофранцузском, приблизительный перевод «которые в тот день поистине выполнили свой долг указывать путь принцу и наставлять его, поскольку не захватили ни одного пленника».

² Об Одли: цитата на старофранцузском, перевод приблизительно такой: «ни одного... пленного не захватил в тот день и не был намерен захватывать их, а все время сражался и шел на своих врагов».

Разгром французов дал англичанам еще две причины быть довольными. Французский король и его дворяне находились в походе с удобствами и везли с собой большие запасы еды. Их богатства и продовольствие были быстро захвачены, так что, кроме выкупов, англичанам достались золото, серебро, посуда, драгоценности, богато украшенные сбруи и очень много различных ценных вещей.

Среди ценностей короля было серебряное изображение корабля, которое захватили несколько чеширских лучников, корона, звезда и две книги — «Библия в рассказах» и «Чудеса Пресвятой Девы». Корабль был куплен принцем, корону и звезду он позже отдал в залог графу Арунделу, Библия находится в Британском музее, а вторая книга — во французской Национальной библиотеке.

И наконец-то у изголодавшихся английских солдат и их пленников была в изобилии еда. Принц велел приготовить ужин для короля Иоанна II и пленных французских дворян, сам исполнял обязанности хозяина и (ирония судьбы!) кормил своих гостей мясом из их собственных запасов. Если верить чьей-то речи или случайно услышанному разговору, то принц заявил, что в тот день французский король превзошел всех в доблести и по всеобщему согласию заслужил за это награду и венок.

Фруассар также находит возможность показать принца с хорошей стороны — описывает, как тот заботился о своем воинственном друге Одли, который после того, как помогал ему, добился разрешения пойти в бой и был серьезно ранен. Принц заметил отсутствие Одли и, узнав о причине, пообещал ему очень большой пожизненный доход. Одли поступил столь же рыцарственно: считается, что он сразу же отдал этот дар своим оруженосцам, и принц высоко оценил его душевное благородство.

На опустевшее поле спустилась ночь, и принцу поставили шатер среди мертвых и умирающих. Пишут,

что он мало спал в ту ночь, но это же вполне можно сказать о большинстве тех, кто уцелел, — и победителях, и побежденных, ведь этот день ошеломляющим образом изменил планы обеих сторон. Франция была разгромлена; англо-гасконская армия одержала совершенно невероятную блестящую победу. Фруассар, повествуя о множестве битв, почувствовал, что в рассказе о сражении при Пуатье нужно вводное замечание, и написал: «Зачастую любовные и военные приключения бывают более удачными и чудесными, чем любой человек может подумать или пожелать». Виллани говорит о «невероятной победе» и продолжает: «Судьба была на стороне англичан». Жан ле Бель пишет: «Судьба пожелала вознести одну сторону и растоптать другую». Английский хронист, более набожный, приписывает победу Божьей милости, а не человеческой доблести; еще один английский летописец употребляет почти эти же слова и добавляет, что на следующий день «англичане восхвалили Бога за чудесные дела, которые Он сотворил для них». Всем было нужно несколько часов, чтобы приспособить свой ум к новому положению вещей.

Тем временем необходимо было заняться делами, а именно осмотреть поле боя, чтобы выяснить, кто из знатных дворян убит, составить список пленных, решить, как действовать теперь, когда армии принца больше не нужно ни бежать, ни сражаться; и было желательно и притом приятно как можно раньше сообщить о победе в Англию.

Вначале мы поговорим об отправке сообщения. Не сохранилось ни одного письма, отправленного в день битвы. Но в *Issues of the Pells* («Издание пергаментных свитков»; пергаментными свитками назывались некоторые документы Казначейства. — *Пер.*) отмечена уплата денег Джефри Хемлину, «конюху при доме принца, приехавшему из Гаскони с плащом и шлемом французского короля». Значит, в какой-то момент после победы Хемлин был отправлен в Англию с этим

интересным и убедительным доказательством, но всю историю его отправки, путешествия и приема читателю придется дописать в своем воображении. (Возможно, раньше его был отправлен Томас, гонец принца, который прибыл в Англию с письмами от принца не позднее 12 октября; но нет никаких свидетельств о времени написания и содержания этих писем. Они вполне могли быть написаны, когда сорвались переговоры или даже еще раньше.) 10 октября король Эдуард III распорядился публично объявить о полученных новостях.

О выборе основной линии поведения мы знаем только, что на следующий день английская армия двинулась в южном направлении. Из хронистов только Фруассар пытается понять мысли ее военачальников. Он пишет, что ни город Пуатье, ни какие-либо другие крепости не штурмовались, поскольку англичане «считали великим подвигом» (*leur sambloit uns grans exploits*), если они смогут благополучно доставить французского короля, пленных и захваченные богатства в Бордо. Однако, учитывая то, что было известно советникам принца ночью 19 сентября, нужно считать, что принятое решение было подсказано не честолюбием, а здравым смыслом. Возможно, если бы англичане только одержали победу, они бы действовали иначе; но победа и король у них в руках — это была совершенно иная ситуация. С дипломатической и финансовой точки зрения король и его товарищи по плену были (или казалось, что были) огромным сокровищем, но с военной точки зрения — огромной ответственностью. Хотя французы и потерпели сокрушительное поражение, у Франции еще оставались и члены королевской семьи, и дворяне, и конники, и лучники. Король был еще на французской земле и совсем близко от них. Для ордена Звезды было естественно попытаться освободить короля, а для английских военачальников таким же естественным решением было увезти его подалее и под большой охраной. Было незачем делить

малочисленную армию принца пополам и посылать одну часть вместе с пленными в Бордо, а другую оставить в Пуату. Могли быть и другие причины для ухода: то, что армия ослабла в результате понесенных в битве потерь, у англичан закончились стрелы и даже не было артиллерии и осадных машин, необходимых для ведения осады. Армия принца была предназначена для рейда, она вышла в поход не для того, чтобы вступать в большие сражения и осаждать города и крепости, тем более не для покорения Франции. Она сделала гораздо больше того, что, казалось, могли входившие в нее воины. И, разумеется, теперь возвращалась на свою базу.

Во вторник были составлены списки пленных и убитых французов. Официального перечня пленных нет, но существует несколько списков (не совпадающих один с другим). Бейкер называет короля, его сына Филиппа, архиепископа Санса и перечисляет имена еще тридцати дворян. Остальные источники называют общее число тяжеловооруженных конников — примерно две тысячи¹. Несомненно, очень многие из них были отпущены под клятвенное обещание, как мы уже упоминали.

О составлении списка убитых французов в хрониках сказано очень мало. Туманным воскресным утром после битвы при Креси Кобхем и Стаффорд вместе с тремя герольдами выехали на поле боя с этой же целью и занимались этим целый день, прежде чем смогли представить отчет. Вечером после битвы при Нахере (Наваретте) (1367) четыре рыцаря и четыре герольда осмотрели местность, чтобы составить отчет об убитых и пленных и выяснить, жив ли король Генрих (Генрих Трастамара, будущий король Кастилии Генрих II. — *Ред.*). Что-то подобное, должно быть, было

¹ *Baker*, 154. См. также письма принца и Бургерша в *Froissart*, XVIII, 385, 389, письмо сэра Генри Певерела в книгохранилище Уинчестерского собора (изд. Goodman, A.W., Winchester, 1927), 161, 162 и Knighton, II, 92 и др.

сделано и после сражения у дороги Мопертюи, поскольку список погибших французских дворян был вскоре составлен. Возможно, при опознании тел англичанам помогали французские герольды, прибывшие с той же целью из Пуатье, и эта работа продолжалась после ухода английской армии. Найтон коротко упоминает о том, что тела убитых были найдены «ограбленными и раздетыми».

Ни одного официального списка убитых не сохранилось. Бейкер называет имена шестнадцати знатных дворян, в том числе герцога Бурбона, коннетабля Франции, одного из маршалов Франции и знаменосца. Другие источники дают общие цифры потерь — около 2000 тяжеловооруженных конников и 800 прочих убитых¹. Многие из дворян похоронены во францисканском монастыре в Пуатье, а остальные — в доминиканской церкви этого города. Тело де Шарни — знаменосца, который нес Орифламму, позже было перевезено за счет короля в Париж.

По силе французских атак можно предположить, что потери англичан также были велики. Но ни одного составленного в то время списка знаменитых погибших не сохранилось.

Англо-гасконская армия со своей добычей и пленными двигалась на юг, а впереди нее шел большой отряд тяжеловооруженной конницы. Она по-прежнему была готова отразить атаку противника. Но похоже, что путь до Бордо длиной от 170 до 180 миль прошел без событий. Англичане не встретили никакого сопротивления, сами не атаковали ни одного города или крепости, и нет упоминаний о том хвастливом разорении местности, которым было отмечено начало второго рейда.

¹ *Baker*, 155. Принц, Бургерш, Найтон, Певерел и *Eulogium* также приводят имена или цифры (как в предыдущем примечании), и есть списки в *Archives Historiques de Poitou*, т. XLVI, с. 164—170.

Путь, которым шла армия, известен. В полдень вторника (20 сентября) принц покинул место боя, но прошел всего несколько миль по главной дороге Пуатье—Ангулем до Ле-Роша. Там он провел всю среду. Возможно, это медленное начало было подготовкой и имело целью отвести в сторону пленных, пока командиры каким-то образом перегруппировывали армию для долгого похода. Начиная с утра четверга каждый день она проходила значительное расстояние по направлению к Бордо. Армия провела одну ночь в Куэ-Вераке (22 сентября) и затем одну в Рюффёке (23 сентября), а потом, продолжая идти по большой магистральной дороге, переправилась через Шаранту, после этого повернула на юго-восток, прошла через Мортон (24 сентября) и достигла Ла-Рошфуко (25 сентября). Отсюда она сделала небольшой поворот в западном направлении и пришла в Вильбуа-Лавалет (26 сентября). Возможно, где-то поблизости от этих мест часть войск принца подошла к Блай-Сент-Люс на Жиронде и была переправлена через этот эстуарий на лодках. Но основная часть армии 27-го числа продолжала путь по суше и дошла до Сент-Оле в долине реки Дрон, на следующий день переправилась через эту реку и дошла до Сент-Антуана на реке Иль. Эту реку она тоже перешла, и 30-го числа солдаты принца дошли до Сен-Эмильона, где некоторые из них провели зиму. 1 октября армия перешла реку Дордонь, и на следующий день большая часть ее вошла в Бордо. Однако принц и пленный французский король ждали в Либурне, пока все будет подготовлено для официального въезда в Бордо и приготовлено подходящее жилье в городе.

Известие о победе достигло Лондона 10 октября или даже раньше. Его передал королю Джон (Жан) ле Кок из Шербура, который через год получил от Эдуарда III в дар двадцать пять марок «за приятное сообщение, которое названный Джон принес... о взятии в плен Иоанна II, короля Франции, и других знатных французов при Пуатье». Больше я не смог найти ни одного

упоминания о Джоне ле Кокке из Шербура и не думаю, чтобы такое важное сообщение могло быть послано из Гаскони кем-то, кто не был ни рыцарем, ни слугой принца. Но один из слуг при королевском гардеробе носил имя Джон Кок, и я склонен думать, что Джефри Хемлин (или гонец Томас) доехал с этим сообщением до Вестминстера, но был утомлен и измотан долгой дорогой, а короля в тот момент не было в Лондоне, и Джон ле Кок, вскочив на коня, галопом поскакал сообщить ему эту новость.

Влияние этой новости на короля, совет и английский народ в целом мы, вероятно, можем представить себе, когда соотнесем ее с тем, что им было известно перед этим. Каждый взрослый человек в Англии мог вспомнить некоторые успехи англичан во Франции за предыдущие десять лет. О действиях принца в Гаскони было известно, что его кампания 1355 года не встретила серьезного сопротивления (а если до Англии дошли новости о недавней кампании в августе и начале сентября, то было известно, что и она идет легко). Поэтому благоприятные новости имели не слишком большое значение. Победа была полезна и приятна, но для англичан она не была удивительной. Однако захватить в плен короля Франции и такое большое число французских дворян! Этого еще ни разу не было за всю историю Англии. Примечательно, что даже в документах Казначейства указано, что Джон ле Кок награжден не за сообщение о победе при Пуатье, а за сообщение о пленении Иоанна II; и точно так же, когда были оплачены расходы, связанные с продолжавшимся два дня заседанием совета, их причина была описана так: члены совета «задержались в Вестминстере на два дня после того, когда пришла новость о взятии в плен Иоанна II, короля Франции».

Эту новость письменно сообщили архиепископам и епископам, добавив к ней просьбу «возблагодарить Господа и молиться за короля, принца, за дальнейшие успехи в войне и за ее желательный исход». Эти мо-

литвы епископов отмечены в некоторых из их реестров. Фруассар пишет о радости, с которой эта новость была встречена в Англии, и добавляет, что «во всех церквях были отслужены великие торжественные службы, а по всей стране были зажжены великие костры и устроены храмовые праздники»¹.

Эхо этой победы прозвучало по всей Западной Европе. Англия, которая находится далеко от Средиземноморья — края с давними традициями цивилизации, страна, где населения было гораздо меньше, чем во Франции, и которая была гораздо беднее, почти ничтожная для многих европейцев, нанесла своей великой соседке огромное и унижительнейшее поражение. Вассал победил и захватил в плен сюзерена.

¹ *Froissart*, V, 469. Цитата взята из издания Маколея, с. 133, но переводчик (который, возможно, использовал другие источники информации) выразился яснее, чем было сказано в оригинале. Оригинал выглядит так: (цитата на старофранцузском, примерный перевод) «торжественные обряды в церквях, такие великие и такие благородные, что чудесно было думать о них и созерцать их».

Глава 6

ПОСЛЕ РЕЙДОВ

Прошел ровно год с тех пор, как англо-гасконская армия вышла в свой первый рейд. Теперь снова кончалась пора сбора винограда, и армия возвращалась из своего второго рейда, обогащенная добычей, воодушевленная победой и радостно предвкушавшая получение выкупов.

Героев встретили долгим и горячим приветствием, в котором слились воедино местный патриотизм, человеческий интерес и деловой инстинкт. Гасконцы позвали сюда английскую армию, гасконское оружие вместе с английским одержало победу, гасконцы благодаря ловкости и настойчивости наполнили возы добычей. Гиень (как тогда им казалось. — *Ред.*) не будет поглощена Францией. Она останется сама собой и может стать ядром огромного края — Великой Аквитании, а его столицей, конечно, будет Бордо. Бордо процветал и по-прежнему будет процветать.

Город выражал свой восторг шествиями, благодарственными службами, молитвами, празднествами. Принц поселился в одной части аббатства Святого Андрея, а король в другой. Они провели зиму в Бордо, и, по словам Фруассара, горожане веселились и пировали до Великого поста. И англичане, и гасконцы проматывали добытое в боях золото и серебро и даже тратили выкупы, как только получали их. Бордо привык к тому, что принимает у себя в гостях английскую армию. Знатные особы приезжали и уезжали. Отправлялись гонцы в Лондон, Авиньон, Париж. Давались и принимались подарки. Принц даже купил у кого-то львицу.

В сложившихся тогда обстоятельствах для охраны французского короля был необходим большой отряд войск, но я не нашел ни одного упоминания о зимних квартирах английских войск и об их действиях зимой. Сохранившиеся свидетельства касаются продовольствия, связи с Англией, переговоров о перемирии и ухода английской армии вместе с пленными из Бордо.

Присутствие английских войск усилило обычную в Гаскони нехватку продовольствия. Поэтому, помимо обычных грузов зерна, которое привозили английские купцы, торговавшие на основании лицензий на экспорт, надо было искать и другие источники. Нужно было доставить четыреста четвертей пшеницы и овса из Кингстон-апон-Халла (Гулля) специально для нужд принца. Джон де Палингтон был послан из Бордо в Корнуолл и Девон с поручением приобрести как можно больше сена и овса, и добрые жители Девона преподнесли ему две тысячи четвертей овса для лошадей принца. Кроме того, в Линкольншире было заказано большое количество луков, стрел и тетив, которые были отправлены в Гасконь на корабле *Saint Marie*.

Деньги тоже были нужны, и Джон де Падбери, один из постоянных посланников, получил от короля некую сумму золотом в феврале 1357 года. Он проехал через Уинчестер (Винчестер), Эксетер и Плимут и вручил эти деньги принцу в аббатстве Святого Андрея.

Ситуация, сложившаяся в Гаскони, имела первостепенное значение для Эдуарда III и даже для английского парламента и английского народа. Мы уже видели, что сразу после победы англичан при Пуатье какое-то сообщение о ней было послано в Лондон. В конце октября сэр Найджел Лоринг и сэр Роджер Котсфорд получили от принца письмо для короля, и, возможно, это послание было подобное тому, которое он отправил в декабре. Лоринг вез также письмо мэру, старшинам и общинам Лондона, а Котсфорд — письмо епископу Вустерскому. Оба эти письма сохранились до наших дней. Письмо лондонцам похоже по набору затронутых тем на

послание, в котором принц описал первый рейд, но отличается от него по тону. Здесь нет ни слова о разорении земель. Великой битвы принц касается лишь слегка и употребляет безличные выражения: «Хвала Богу, враги потерпели поражение, их король взят в плен, и его сын, и множество других знатнейших людей взяты в плен или убиты». О подробностях лондонцы узнают у Лоринга. Как нам уже известно, Джефри Хемлин был послан в Лондон с плащом и шлемом французского короля, и сэр Балдуин Ботетур тоже отправился в Англию «по делам принца». Нет сомнения, что были посланы и другие письма. Целый ряд наград именно за службу при Пуатье был пожалован в Лондоне в ноябре и в следующие за ним месяцы. Меры, принятые английским королем для сбора кораблей и приема французского короля, свидетельствуют, что он знал, что необходимо сделать в ближайшее время.

Связь в обратном направлении была столь же важна. Лоринг и Котсфорд, вернувшись в Бордо после того, как вручили свои письма, вероятно, привезли новости и указания. Таких посланцев и отправляли именно для того, чтобы полностью сообщать свои мнения друг другу. Падбери тоже мог привезти не только золото, но и письма.

Очень сомнительно, что у англо-гасконских военачальников, когда они вернулись в Бордо в начале осени 1356 года, был ясный план действий на ближайшее будущее. Их быстрый уход с места битвы, соблюдение дисциплины на обратном пути и то, что они не останавливались для отдыха, позволяет предположить, что они опасались нападения. И для этого были серьезные основания. В ноябре предыдущего года Жан д'Арманьяк несколько раз своими ударами мешал возвращению англичан назад. Вероятно, и теперь их могли так же атаковать. Но прежде всего англичане и гасконцы, вероятно, не могли представить себе, что французские дворяне спокойно позволят им увести в плен своего короля и других благородных дворян своей страны и не нанесут быстрый ответный удар. Но проходил день за днем, а никаких бо-

лее или менее крупных действий французских войск не было, и потому вероятность переговоров увеличивалась. Оружие могло уступить место дипломатии.

Папа римский все это время непрерывно и настойчиво убеждал королей Франции и Англии в необходимости заключить мир. С начала мая 1356 года два кардинала — Эли Талейран, кардинал Перигорский, и Никола, кардинал Сан-Витале, — выполняли специальное поручение папы — попытаться стать посредниками между ними. Папа сам руководил их действиями и просил оба народа принять его предложения. Мы уже упоминали о действиях Талейрана при Пуатье. Вскоре после битвы он возобновил выполнение своей задачи. Однако у англичан были две серьезные причины для недовольства им. Во-первых, независимо от того, были или нет чисты его побуждения, перемирие, которое кардинал им навязал, было выгодно для их врагов, поскольку давало французам возможность на следующий день ввести в бой еще больше войск. Во-вторых, некоторые люди из большой свиты кардинала сражались на стороне французов. Поэтому, когда Талейран стал просить охранную грамоту для встречи и совещания с принцем, он получил отказ, так как не был *persona grata* для англичан. Однако несколько гасконских сеньоров убедили принца встретиться с ним, и, услышав от кардинала, что тот является папским представителем, принц выполнил просьбу папы. Кардинал опять стал считаться достойным доверия. Он заслужил доверие и у короля Иоанна II, что говорит о большой ловкости или о честности кардинала.

Переговоры должны были коснуться очень широкого круга вопросов, поскольку ко всем предметам прежних споров теперь добавились еще условия освобождения короля Франции. «Принц будет иметь власть, заключать, скрепляя их большой печатью короля, договоры о перемириях на короткий или долгий срок так, как будет, по его мнению, наиболее полезно для короля...» — было сказано в договоре от июля 1355 года. В августе 1356 года принц по просьбе папы римского получил до-

полнительные полномочия для переговоров с французским королем, а в декабре эти полномочия были подтверждены. Но в них не входило право на освобождение пленного монарха.

Принц, вероятно, не превышал своих полномочий. Он продолжал действовать так же правильно, как действовал в начале первого рейда. При каждом важном шаге он давал ясно понять, что получил согласие сопровождающих его лордов или что он является лишь орудием политики своего отца и не может связывать короля Эдуарда III обязательствами, не посоветовавшись с ним перед этим. Французского короля принц вежливо заверил в дружеском отношении к нему своего отца, но послал королю Эдуарду III отчет о переговорах, чтобы не казалось, будто принц действует не имея полного согласия отца. А когда у принца был серьезный спор с гасконскими сеньорами по поводу того, что французского короля увозят в Англию, он оправдывал свои действия именно желанием отца.

Для короля Эдуарда III обстоятельства складывались очень благоприятно. Шотландцев он усмирил. Король Франции из династии Валуа был в английском плену. Филипп Наваррский в сентябре дал Эдуарду III клятву верности и заключил договор о ведении войны в Нормандии. В октябре Генрих, герцог Ланкастерский осадил город Рен в Бретани. Если Эдуард III снова начнет переговоры с Иоанном II, — а он, по сути дела, дал принцу разрешение заняться их возобновлением, — то юридически его собственная позиция не изменится, но в огромной степени возрастет возможность оказывать давление на короля Валуа. Когда император (Священной Римской империи) предложил свои услуги для составления условий мирного договора, Эдуард радушно ответил, что желает мира так же сильно, как желал всегда. Однако теперь прежние слова имели новый смысл. Очень рано узнав о намерениях Талейрана, он прислал для участия в переговорах Уильяма де Линна, старейшину Чичестера. Линн был доктором права. Это звание имел и

Джон де Стретли, комендант Бордо. Здравый смысл аристократов надо было укрепить профессиональным мастерством должностных лиц. Перспективы подписания договора, благоприятного для дела Плантагенетов, были блестящими. Битва при Креси в 1346 году для Франции была поражением, битва при Пуатье в 1356 году стала великим бедствием. Кажется, что последствия были слишком малы для такой причины, но дело в том, что постройка, на которую обрушились удары, не была прочной. Во Франции еще не сформировался правительственный и административный аппарат, соответствующий ее потребностям. В значительной степени государство олицетворял король. Королевские чиновники служили лично королю, феодалы приносили клятву верности лично королю. Но при этом его полномочия были весьма ограничены, его гарантированный доход был невелик. В час унижения французы возлагали ответственность за беды Франции на какую-то одну группу или класс общества и требовали реформ. Появлялись местные лидеры, вновь выходили на передний план утратившие доверие советники, и всегда рядом был злой гений — Карл Наваррский. Но не было ни одного сильного лидера, способного поставить национальные интересы выше всех остальных.

Первой проблемой молодого дофина Карла, который теперь замещал пленного короля, была война. Военные действия продолжались и после поражения, но Карл не был известен ни как отважный герой, ни как вождь, не пользовался личным авторитетом, вообще не имел никакого престижа. В тех обстоятельствах, в которых он оказался, он не мог в ближайшее время повести армию против англичан. Значит, нужно было идти на переговоры. И его отец уже брал на себя эту инициативу.

Иоанн II Валуа находился в особом и необычном положении. Эдуард III считал себя юридически королем Франции (претендовал, будучи Капетингом по женской линии. — *Ред.*), но должен был вести переговоры с Иоанном II как с фактическим правителем Французского государства (законно избранным королем, представителем

младшей ветви Капетингов. — *Ред.*). А с тех пор, как Иоанн II попал в плен, он не был даже фактическим правителем. Как подчеркнул император, «находясь в плену, он не имел власти над собой». Тем не менее переговоры были начаты именно с Иоанном II, а соглашение, принятое в результате долгих обсуждений, было договором между Иоанном II и принцем.

С пленным королем обращались весьма заботливо и почтительно, но его несчастье, разумеется, вызвало у многих сочувствие к нему. Помещики Лангедока, поспешно собравшиеся в Тулузе в середине октября, приняли решение сделать большие пожертвования, чтобы снарядить и затем снабжать французские войска для войны, и приняли постановление, запрещающее носить драгоценности и дорогие наряды и устраивать публичные празднества, пока король Франции будет в плену. В Париже народ проголосовал за денежные взносы в поддержку дофина, чтобы дать ему возможность освободить короля. Такие проявления патриотизма говорили о многом. Однако Иоанн II был против продолжения войны. В письме, адресованном парижским купцам (а позже всему королевству), он попытался убедить их не продолжать борьбу. По его словам, военная удача переменчива. Любая попытка освободить его силой будет легко предотвращена. Поэтому пусть они примут решение согласиться на почетный мир, иначе его освобождение будет невозможно. Возможно, этот совет был разумным, но это откровенно выраженное желание, чтобы народ действовал так, как было выгодно лично королю, плохо отразилось на репутации Иоанна II. (Иоанн II заботился не о себе, а о стране, чтобы, обеспечив передышку, накопить силы. В дальнейшем своим жертвенным поведением заслужил у французского народа прозвище Добрый. — *Ред.*)

Состав группы лиц, назначенных принцем для переговоров с представителями Французского королевства, был таков: граф Уорвик, граф Суффолк, Бургерш, Чендос, Кобхем, Лоринг, Стаффорд, капталь де Бюш, сень-

ор де Помье, сир де Монферран, Стретли и Ленн (доктора права), Жильбер де Шатильон (Шатийон) и Уильям Бертон.

С французской стороны в переговорах участвовали Иаков де Бурбон и несколько знатных французских дворян, находившихся в плену. Они считались представителями короля Франции и герцога Нормандского, его старшего сына.

У этих переговоров была одна курьезная особенность: посредники сами спорили друг с другом. Еще до начала переговоров кардинал Никола получил от папы выговор за разногласия с кардиналом Талейраном. У них были разные задачи (а возможно, и несхожие характеры). Талейран, который вел дела в Бордо, мог выражать надежду на благополучный исход переговоров. Никола, старавшийся поддерживать связь с Лондоном и Парижем, был вынужден сообщать неприятные новости. Он также утверждал, что редко встречается со своим коллегой и еще реже соглашается с ним. Папа, опасавшийся, что переговоры будут сорваны, настаивал на том, чтобы кардиналы действовали согласованно.

Перечень вопросов, обсуждаемых на переговорах, видимо, не был определен заранее. Перед их участниками стояли три большие проблемы: прекращение военных действий, освобождение пленных и условия заключения мира. Процедура решения первой из них уже существовала в документе, который определял отношения между королями и их народами с 1347 по 1355 год. Вторую и третью проблему нельзя было решить быстро. У Бейкера есть не слишком ясное упоминание о совещании по поводу мирного договора, которое принц созвал по настойчивой просьбе пленных, а папа упоминает о заключении в итоге мира. В анонимной хронике и у Фруассара есть также свидетельства о том, что французские представители старались уладить вопрос с выкупам и добиться освобождения французского короля, его сына и остальных пленных. Но достичь удалось только соглашения о перемирии.

Условия перемирия, заключенного в Бордо 23 марта 1357 года, похожи на те, которые действовали с 1347 по 1355 год. Они должны выполняться всеми союзниками обеих сторон, из которых особо упомянуты правители Кастилии, Арагона, Португалии, Богемии (Чехии), Фландрии, Геннегау (Эно), Шотландии и других государств. Обе стороны берут на себя обязательства не вести боевые действия и не устраивать провокаций. Осады должны быть прекращены. Народ и купцы получают свободу приезжать и уезжать. Явным образом упоминаются осада Рена, Филипп Наваррский, пленные, не уплатившие за себя положенный выкуп, и свобода передвижения. Живущие на территории обоих государств люди, изгнанные с родины не из-за войны, не имеют права вернуться на родину — за исключением баронов из Гиени, Гаскони, Лангедока и Фландрии, которые имеют право свободно приезжать и уезжать независимо от того, были они изгнаны или нет. Сделаны распоряжения о выполнении этих условий. Перемирие должно продолжаться до Пасхи 1359 года.

Так кончились военные действия. Экспедиционная армия прекратила активные действия еще осенью, в тот день, когда вернулась в Бордо. Плоды ее ратного труда еще не были собраны, но у принца в руках находились ценнейшие сокровища, которые будут использованы позже на более широких по масштабу переговорах — король Иоанн и его товарищи по плену.

Что касается судьбы пленных, то вопрос о каждом из них решался отдельно, согласно иным договоренностям. Хотя формально перемирие было соглашением между королем Иоанном II и принцем Эдуардом III, оно, по сути дела, было документом международного права. В нем было и несколько положений, касавшихся уплаты выкупа. В них нельзя было указать конкретные суммы выкупов. Тем более нельзя было предсказать, сколько времени понадобится тому или иному пленнику, чтобы вернуть себе свободу. Обычно самые важные пленники проводили в уютной неволе много лет, и были очень ши-

роко известны случаи, когда пленных французов увозили в Англию¹. Все хорошо информированные люди в английской и гасконской армиях, видимо, предполагали, что Иоанна II, вероятно, тоже увезут туда. Однако сообщение о том, что принц действительно готовится забрать короля с собой, когда будет отплывать домой, привело к серьезным разногласиям между английскими и гасконскими военачальниками.

У Фруассара этот эпизод изображен драматически. Этот хронист говорит, что, когда все было готово к отъезду принца, тот созвал официальное собрание, на котором не только поблагодарил присутствующих за оказанные услуги, дал обещания на будущее и сделал распоряжения об управлении Гасконью, но и объявил, что собирается взять Иоанна II с собой в Англию. Ответ гасконцев последовал немедленно. Вежливо, но очень твердо они заявили: «В наши намерения не входит, чтобы вы увозили от нас короля Франции». Они считали, что внесли большой вклад в пленение короля и достаточно сильны, чтобы защитить его от любых французских войск, которые попытались бы его освободить. Принц объяснил им, что выполняет желание своего отца, а их услуги высоко ценит и вознаградит их. Но этот ответ не удовлетворил гасконских сеньоров. Тогда Кобхем и Чендос посоветовали выплатить гасконцам большую сумму денег наличными. На эти платежи было выделено шестьдесят тысяч флоринов, но эту сумму пришлось увеличить до ста тысяч флоринов, и лишь тогда гасконцы согласились с принцем.

Этот рассказ согласуется с представлением Фруассара о характере гасконцев, и к тому же он правдив в своей основе, но нужно добавить еще одну подробность (о которой сам Фруассар рассказывает намного позже): спор по поводу увоза французского короля в Англию продолжался четыре месяца. Кроме того, чтобы объяснить по-

¹ Например, Шарль де Блуа, претендент на место герцога Бретани, тогда находился в плену в Англии с 1347 года, а Жан де Мелен, сир де Танкарвиль, камергер французского короля, — с 1346 года.

ведение гасконцев, нужно предположить, что король Эдуард, принц и Дени де Морбек (или Бернар де Труа) имели законное или почти законное право на большие денежные суммы, которые (как все ожидали) будут выплачены в качестве выкупов или компенсаций, но у гасконцев было моральное право на эти деньги, поскольку без их помощи великие пленники не были бы захвачены. Наконец, к концу марта 1357 года, принц вручил крупные денежные награды нескольким английским военачальникам. Гасконцы тоже хорошо послужили ему.

Когда было заключено перемирие, достигнуто согласие по поводу отъезда короля, а в Гаронне собраны корабли для возвращения в Англию, принц перешел к завершению своих дел в Гаскони и стал отдавать различные распоряжения на этот счет. Некоторые из его соратников-иностранцев вернулись к себе домой: Джон Ньюфи вернулся в Бургундию, Джон Гансалс (очевидно, Хуан Гонсалес. — *Пер.*), Бенедикт Лопес и Ферран Мартин — в Испанию. Но испанец Деосент и некоторые из германцев должны были сопровождать принца в Англию. Некоторые гасконские сеньоры получили ответственные должности в системе обороны своей страны. Другие (среди них капталь де Бюш, сир Эмери де Тарс и сеньор де Мюссидан) были выбраны для поездки с принцем в Лондон. Значительная часть английских войск должна была отплыть в Англию, но два военачальника, которые в боях так часто действовали вместе — Чендос и Одли, — оставались в Гаскони. Некоторые из пленных были отпущены на родину. Остальных, в том числе самых знаменитых, победители увозили в Англию.

Тем временем в Англии шла подготовка к возвращению принца. В декабре 1356 года были реквизированы девять кораблей, но не было ясно объявлено, для какой цели. А в январе 1357 года Роберт Ледрид был назначен командовать «флотом, который вскоре должен быть по-

слан в Гасконь для доставки вина в Англию». Король вполне мог посылать эти корабли для другой цели. Некоторые из этих судов (или все они) действительно были использованы для доставки английской армии домой из Гаскони. С середины февраля появились более ясные признаки скорого возвращения. Двое приставов принца должны были к 15 февраля собрать запасы сена, овса, подстилки для скота и пшеницы. 27 февраля сделана запись, где упомянута «большая нужда в деньгах, которая, как принц предполагает, будет у него по возвращении в Англию». Казначей Честера и управляющий Корнуолла должны к Пасхе собрать все деньги, которые могут изыскать, а также приготовить для принца лошадей. В марте приказы стали уже касаться самого приезда. Принц Уэльский и Иоанн II Французский «вскоре должны прибыть в Плимут». Поэтому Джон Брокас и Томас Дюран должны получить и привести лошадей для всадников и для перевозки грузов, шериф Девона должен поставить продовольствие и повозки, таможенные сборщики в Эксетере должны выдать Дюрану деньги на расходы.

Некоторые корабли, доставившие принца, его войска и пленных из Бордо в Англию, были, несомненно, присланы специально для этого, но, вероятно, и другие суда, случайно оказавшиеся в порту, были насильно привлечены к этим перевозкам. Насколько известно, не сохранилось ни одного полного списка задействованных кораблей, но вот названия тех, которые, несомненно, были использованы:

Clement из Дартмута

Edward

Eleanor из Дартмута

Espirit из Байонны

George из Сидмута

Gracedieu из Хока

John (ког — малый корабль)

Michael из Хока

Rode (ког) из Бристоля

Saint Marie

Saint Marie (ког) из Дартмута

Saint Marie (ког) из Полруана

Saint Sauvourcog из Фоя

Thomas (ког) из Дартмута

Welfare из Хока

Вероятно, были использованы также:

Blanche

Cristofre

Jerusalem

Gabriel

Считается, что флот отплыл из Бордо 11 апреля.

Королю Франции для этого плаванья предоставили *Saint Marie*, а принц отплыл на *Espirit*, корабле из Байонны¹. К 1 мая некоторые или даже все корабли были уже в Плимуте. Принц вознаградил капитана и команду *Saint Marie* со своей обычной щедростью: капитану Уильяму Пьерсу он дал 20 *l.*, двум лоцманам, которые вели корабль часть пути, по пять марок каждому, а каждый из ста моряков команды получил по марке.

В Плимуте принца уже ждал Джон Брокас с двенадцатью конями из Виндзорского парка и двенадцатью конюхами. Он также привел кузнеца дляковки лошадей и еще восемь коней и восемь конюхов от епископа города Бат, аббата из Гластонбери, графа Девонского, градоначальника города Крукерн (в Сомерсетшире. — *Ред.*) и аббата из Торна.

Прошло больше трех недель, прежде чем принц вошел в Лондон. Причиной этого явного промедления могли быть нехватка приспособлений для разгрузки кораблей в порту Плимута, необходимость дать переплывшим море людям и лошадям отдохнуть после долгого нахождения в тесноте, а также то, что многие сопровождавшие принца военные отряды пришли в Лондон пешком, и желание принца и короля Эдуарда III, чтобы Лондон был должным образом подготовлен для соответствующей

¹ Это судно было приготовлено для принца еще в июле 1355 года.

щего данному случаю приема. Принц и его люди шли через Солсбери и Уинчестер. Из Солсбери вперед был послан гонец, который должен был получить и привезти принцу большое количество леденцов. А 22 мая принц получил 200 *l.* от хранителя своего гардероба на расходы по перевозке пленных королевских особ из Плимута в Лондон.

Официальная церемония въезда в столицу была устроена в среду 24 мая. Никогда за всю свою историю Лондон не видел такой радости и такого воодушевления. (Впереди, за исключением периода 1415—1428 гг., много разочарований, поражений, смута и, наконец, окончательный разгром в 1453 г. — *Ред.*) К этому торжественному случаю были сделаны большие приготовления, вино было в изобилии, и его бесплатно давали всем желавшим выпить. Мэр, старейшины и члены гильдий, в новых дорогих нарядах, выехали верхом навстречу конной процессии, во главе которой ехали принц, король Иоанн II, его сын Филипп и тринадцать главных пленников. Встретив ее, лондонцы развернули своих коней кругом и поехали впереди. Так они провели эту длинную колонну всадников через Лондонский мост, затем по улицам, которые были украшены гербами, оружием и коврами, мимо двора собора Святого Павла, где стояли епископ Лондонский и духовенство, и через Ладгейт и Флит-стрит дошли до Вестминстера. Там король Франции вошел во дворец и встретился с королем Англии.

Экспедиционная армия закончила свое дело. Теперь наступила очередь дипломатов добиться, чтобы Англия получила как можно больше выгоды от одержанной победы и от захваченной добычи. Иоанну II и его товарищам по плену выделили достойное их жилье¹. Кардинал Талейран приехал в Англию, и переговоры, не завершенные в Бордо, были возобновлены в Лондоне.

¹ Иоанн жил в Савое, в Беркхемстеде, в Хертфорде, в Сомертоне (Линкольншир). В документах того времени сохранилось очень много упоминаний о его охране, его слугах, еде и вине.

Эти переговоры очень усложняло странное положение Иоанна II: возможность настаивать на огромном размере выкупа была такой огромной удачей, что ее невозможно было упустить. К хорошо известным требованиям Эдуарда III Плантагенета — династическим и территориальным — были добавлены почти постыдные финансовые требования. А чтобы права короля Эдуарда III казались неоспоримыми, было явным образом определено положение короля Иоанна II. В договоре, скрепленном печатью, от 1355 года между Эдуардом III и его сыном было сделано одно важное исключение: король Франции в случае его захвата в плен становился пленником Эдуарда III. Иоанн II признал — может быть, не формально, а лишь в беседе, — что он, по законам войны, находился в подчинении у принца, и позже, еще находясь во Франции, засвидетельствовал, что его захватил в плен де Морбек. Однако было необходимо закрепить право Эдуарда III на пленного короля. Это было сделано в декабре 1357 года письменными свидетельствами, в которых ясно утверждалось следующее: Иоанн II признал, что сдался в плен Дени де Морбеку в день битвы при Пуатье, Дени де Морбек в тот же день доставил Иоанна II к принцу и добровольно, без принуждения передал все свои права на Иоанна II. Теперь юридическое и моральное право Эдуарда III договариваться с Иоанном II о выкупе было неоспоримым.

Поскольку долгие переговоры, последующие сражения и окончательное решение стали частью английской истории, мы скажем о них лишь коротко. Иоанн II и Эдуард пришли к соглашению, по которому французский король признавал значительную часть притязаний Плантагенета на земли во Франции. Эдуард становился полным сувереном этих территорий и отпускал Иоанна II, а тот давал обещание уплатить выкуп в размере 4 000 000 золотых крон. Однако дофин и его советники отвергли эти условия. Поэтому в октябре 1359 года война возобновилась, а в мае 1360 года в Бретиньи был заключен мирный договор. По нему Эдуард III отказался

от своих притязаний на французский трон, сократил выкуп за Иоанна II до 3 000 000 золотых крон, но вернул себе Ажен, Перигор, Керси, Руерг, Бигор, Лимузен, Сентонж, Ангума, Пуату, Монтрёй, Понтьё и Гин и сохранил за собой Кале. Первую часть выкупа размером в 600 000 крон Иоанн II должен был уплатить в Кале в течение четырех месяцев после своего прибытия в этот город. В июне 1360 года оба короля одобрили этот договор, а в июле Иоанн II был уже в Кале. Первый платеж был внесен не полностью, но Эдуард III временно был удовлетворен и суммой в 400 000 золотых крон. 24 октября в Кале был подписан окончательный договор, и на следующий день Иоанн II уехал из этого города (захваченного англичанами после одиннадцатимесячной осады в 1347 г. Кале оставался в руках англичан до 1558 г., когда был отвоеван герцогом де Гизом. — *Ред.*) в свою страну.

Результаты военной экспедиции Черного принца надо оценивать с точки зрения этого договора. Экспедиция была задумана для того, чтобы продвинуть вперед дело Плантагенетов путем возвращения утраченных территорий и потерянных союзников и приобретения новых друзей и дополнительных войск. Во всех трех направлениях было сделано очень много, но ситуацию усложнило нестандартное положение Иоанна II: для договора нужно было одобрение Иоанна II, но договор, который он был готов подписать, был неприемлем для его народа. В результате боевые действия были продолжены. Тем не менее, как писал Делашеналь, «договор в Бретињи был прямым следствием пленения Иоанна II». Таким образом, территориальные (а также и финансовые) приобретения, оговоренные в этом соглашении, были в значительной степени плодами экспедиции, проведенной принцем в 1355—1357 годах. Король Эдуард III отказался от своих притязаний на французский трон, но был теперь полным сувереном всего герцогства Аквитании, графства Понтьё и недавно завоеванного им города Кале. Плантагенеты получили не все, о чем мечтали, но все же это был огромный успех.

Глава 7

ВЫКУПЫ¹, НАГРАДЫ И АМНИСТИИ

Участники экспедиции познали восторг от приключений, мужскую дружбу, почет, заслуженный благодаря мастерству, отваге и стойкости. Но, кроме этого, были материальные или почти материальные награды. Выкупы, подарки и прощение прежней вины в награду за службу не были чем-то новым в истории Англии, но на этот раз их значение увеличивали два обстоятельства: еще ни одна из экспедиций не привозила так много богатых пленников. В то время рыцарские идеалы сочетались с экономическими побуждениями. Английский рыцарь тогда

Любил... честь, учтивость и свободу,
Усердный был и преданный вассал,
И редко кто в стольких краях бывал...

Однако эту службу полагалось не оставлять без награды, поскольку «королю, который правит своим королевством, следует давать вознаграждение людям, которые смиренно служат ему, иноземцам, всем людям, чтобы почтить их дарами. Вознаграждение делает его любимым, вознаграждение делает его человеком». (Приблизительный перевод этой стихотворной цитаты

¹ Nys (Nys, E. *Les Origines du Droit International*) и Audinet (Audinet, E. *Les Lois et Coutumes de la Guerre / à l'Epoque de la Guerre de Cent Ans*) коротко говорят о выкупах. Кювелье в своей *Vie de Bertrand du Guesclin* (ed. Clairiere, vv. 13, 367—413, 725) приписывает Черному принцу несколько замечаний по поводу выкупов вообще и выкупа Бертрана в частности.

со староанглийского, написанной аллитерационным стихом — старинным размером, где каркасом строки служит повторение одного и того же звука в словах. — *Пер.)*

Приключения и награды были неразлучной парой, а если была еще и перспектива получить выкупы, то личная выгода и польза для страны совпадали — или казалось, что совпадали, поскольку выкупы приносили деньги в страну.

Добыча, собранная во время походов, была доставлена в Бордо, и нет сомнения, что там она была истрачена и утеряна так же легко и быстро, как была добыта. Но пленные оставались в руках своих победителей или же были отпущены, но дали торжественную клятву вернуться. Они должны были обогатить победителей. Некоторые уплатили выкуп за себя во Франции, другие — именно те, кто был особенно богат, — были увезены в Англию, где их держали в плену много месяцев, а иногда и лет.

Обстоятельства, при которых их брали в плен, станут яснее после нескольких слов о захвате пленных в то время.

Тогдашняя точка зрения на право того, кто захватил противника в плен, сформулирована у Фруассара так: «В тот день, если кто-либо захватывал пленного, тот принадлежал только ему, и он мог отпустить пленного или взять с него выкуп, как пожелает». У Фруассара есть также два небольших драматичных эпизода захвата в плен раненых англичан, где решающие слова звучат так:

1. «Вы будете моим пленником... и я позабочусь, чтобы вас вылечили от вашей раны».

«Я рад быть вашим пленником, поскольку вы захватили меня по закону».

Затем он поклялся быть его пленником, если будет освобожден силой и если нет.

2. «Сдавайся, если будешь освобожден силой или нет, иначе я убью тебя».

Англичанин сдался и ушел с ним¹.

Право того, кто взял противника в плен, и обязанность пленного уплатить согласованную сумму денег, чтобы его отпустили на свободу, были признаны везде; но эти двое не обязательно договаривались о выкупе именно друг с другом, особенно в случае, когда боец низкого происхождения захватывал в плен знатного воина (возможно, благодаря тому, что тот был ранен или же обессилел от усталости). Пленный мог быть передан за вознаграждение кому-то, занимавшему более высокое положение. Таким образом, попавшие в плен французские дворяне вскоре стали собственностью английских аристократов или рыцарей.

Пленный мог сдаться вполне добровольно, почти выбирая себе хозяина, или сдаться только под угрозой смерти. Он мог быть захвачен одним человеком или несколькими людьми, которые считали, что имеют законное право на равные доли его выкупа. Позже он мог быть приобретен одним человеком или несколькими людьми. Каждый из совладельцев мог продать свою долю выкупа.

Согласно договору о перемирии, который был заключен в Бордо, пленные, если не было достаточных оснований для того, чтобы не держать их в плену, должны были отправиться в Англию со своими хозяевами. Поэтому многие из них были увезены туда. И правила рыцарства, и здравый смысл заставляли хозяина заботиться, чтобы пленный был здоров; в Англии пленного могли даже приглашать на рыцарские состязания и праздники. Но при определении суммы, которую он был должен уплатить за свою свободу, стороны могли торговаться долго и упорно.

¹ *Froissart*, V, 449, 451. Во второй редакции эта фраза выглядит так: «vous m'aves loyaument conquis», что можно перевести, как в тексте, процитированном здесь: «ye have by law of arms won me» (то и другое значит: «вы законно победили меня». — *Пер.*). В первой редакции эта фраза выглядит так: «par bel fet d'arme l'avoit-il conquis» (что можно перевести так: «совершив прекрасный воинский подвиг, он победил его». — *Пер.*). В третьем драматичном эпизоде захвата противника в плен (относящийся к 1388 году) тоже есть слова «если будешь освобожден силой и если нет».

После того как они приходили к соглашению, составлялся документ, в котором фиксировалась сумма выкупа, валюта, в которой он должен быть уплачен, и (поскольку и французские, и английские денежные единицы часто претерпевали изменения) обменный курс или монеты, в которых нужно было платить. Можно было также договориться о том, чтобы уплачивать выкуп по частям в заранее определенные сроки.

Но французский дворянин, находясь в Англии, не мог гарантировать доставку в Англию большой суммы денег; сначала он должен был увидеть, в каком состоянии находятся его поместья во Франции. Иногда ему приходилось заложить свое имущество, продать одно из поместий или занять деньги у банкира-итальянца. Поэтому либо он должен был получить разрешение на поездку во Францию и сам совершить необходимые сделки, либо его поверенный должен был приехать из Франции, посоветоваться с ним и получить разрешение действовать от его имени. В связи с этим во второй половине 1357 года и в 1358 году движение между Англией и Францией в обе стороны было очень оживленным.

После того как пленный полностью уплачивал запрошенную сумму, его отпускали на свободу — если для этого не было политических препятствий. Но если он был из правящей семьи, его плен мог продолжаться очень долго. К 1357 году, когда начались переговоры по поводу знатнейших французских пленников, король Шотландии Давид провел в плену в Англии одиннадцать лет, а Шарль де Блуа десять.

Вернемся теперь к королю Эдуарду и его пленнику-королю. Первая часть выкупа короля Иоанна II, 400 000 крон, была, как мы уже знаем, выплачена в октябре 1360 года. Согласно договору, выкуп следовало уплатить во французских золотых кронах, две кроны были равны по стоимости одному английскому ноблю, а нобль равнялся шести шиллингам и восьми пенсам. Предполагалось, что огромное количество монет, которое постепенно поступит к получателю, будет храниться, употребляться на

чеканку новых денег или расходоваться согласно сложившимся обстоятельствам и решению короля. Следующие выкупные платежи были получены в 1361—1363 годах. Монеты, из которых они состояли, были отчеканены в разное время и из металла разной чистоты. До сих пор сохранились подробные описи некоторых из этих сумм, где указано содержимое каждой сумки с деньгами и их стоимость в английской валюте того времени¹.

Французам было очень трудно собирать деньги, необходимые для регулярной уплаты частей выкупа. Поэтому Иоанн II, как хороший рыцарь, решил вернуться в Англию. В январе 1364 года он вернулся, а 8 апреля того же года умер в Англии. Однако платежи продолжались в течение еще нескольких лет после его смерти. Исследователи вычисляли общую сумму денег, полученных в Англии, но чтобы назвать точную цифру, нужны расчеты, слишком длинные и слишком сложные для этой книги.

Король Эдуард III предъявил свои права лишь на короля Франции. Об остальных пленных, которые могли быть захвачены, в его договоре с принцем было сказано: «Принц будет распоряжаться ими по своей воле». Поэтому принц мог сам решать, какую долю выкупов, полученных его подчиненными, он будет, и будет ли вообще, требовать для себя. Такое требование уменьшало права того, кто захватил пленного, но и до, и после экспедиции принца король обычно требовал себе часть каждого выкупа — обычно треть². Размер королевской доли мог быть установлен обычаем или, говоря языком более поздних времен, «состоянием рынка», поскольку перспектива получить выкуп влияла на вербовку солдат. Война в Шотландии была менее прибыльной, чем во Франции.

К несчастью, сохранилось очень мало свидетельств о том, какую долю выкупов требовал себе принц во время

¹ О весе и составе монет см. *C.P.R.*, 1358—1361, 582.

² *Нау*. В 1359 году граф Уорвик получил разрешение взять выкуп со своего пленника, архиепископа города Ле-Мана, с условием, что «четверть его выкупа принадлежит королю». *C.P.R.*, 1358—1361, 167.

кампаний 1355 и 1356 годов. В двух договорах, скрепленных печатью, от 1347 года между принцем и двумя его рыцарями есть статья: «Если он захватит пленного, то получит половину выкупа». И в единственных ясных упоминаниях о доле принца в выкупах во время экспедиции 1355—1357 годов, которые мне известны — их два, — названа эта же цифра. В одном случае (в приказе, который последовал за обвинением кого-то из участников экспедиции в том, что он скрыл, что захватил пленного) постановлено, что «принц должен получать половину каждого выкупа, полученного людьми, которые следуют за ним». Во втором рыцарю напоминают, что половина денег, которые он получил за пленного, принадлежит принцу. Эти два текста достаточно ясны и не оставляют сомнений в том, что принц при любой возможности настаивал на осуществлении своего права. Однако я не нашел свидетельств того, что подчиненные принца действительно, как правило, платили ему половину выкупа.

Но были и случаи, когда вопрос о выделении доли выкупа не вставал, — тогда, когда принц сам покупал пленных. Цены, которые он давал за них, сильно зависели от того, насколько богат был пленник, и это естественно. Но эти цены не равнялись определенной доле от ожидаемого выкупа, поскольку, во-первых, в документах употребляется только слово «купил» (без каких-либо уточнений) и, во-вторых, пленный мог быть перепродан (обычно королю), о чем упоминается тоже без каких-либо указаний на размер будущего выкупа.

Однако записи, относящиеся ко времени самих событий, явно делятся на две категории. С одной стороны, принц покупает пленных для себя и затем продает как перекупщик. Так он приобрел Филиппа, сына короля Иоанна II, графа де Сансера и сеньора де Краона (Крана) и продал их всех вместе королю. С другой стороны, он выступает в качестве торгового агента — покупает пленных от имени короля. Есть свидетельства о том, что в этой второй роли он уплатил деньги про-

давцам за некоторых пленных, которых купил «для королевского пользования». Вероятно, когда начались сделки, этого разграничения функций принца еще не было, оно появилось позже из-за состояния его финансов. Напомним: у него были денежные затруднения, когда он покидал Англию в 1355 году. Было ли достаточно тех средств, которыми он мог пользоваться в Гаскони, для уплаты жалованья его войскам, оплаты его собственных прихотей и, помимо этого, еще и для покупки виднейших пленников и даже для платы гасконцам за согласие на отправку короля Иоанна II в Англию, — этот вопрос находится за пределами той темы, которую мы рассматриваем. Очевидно, что принц пытался купить большинство тех пленных, которых англо-гасконская армия привела в Бордо. Для этого он должен был уплатить большие суммы денег в строго определенные сроки, из-за чего потерял возможность выполнить некоторые свои обязательства. В результате король взял эти обязательства на себя, выплатил неуплаченные остатки согласованных сумм напрямую продавцам (но по частям), и в этих случаях сказано, что принц купил пленных для короля.

Так некоторые приобретения принца перешли в собственность короля. За других пленных, например за принца Филиппа, он уплатил сам и продал их королю. Более того, король покупал знатных пленников или доли в обладании ими не только у принца, но также у английских и гасконских рыцарей. В конце концов тем или иным путем почти все знатные пленники, которые договор в Бретињи упоминает как взятых в плен при Пуатье, стали собственностью короля, и переговоры о размере выкупов шли именно под его руководством. Какое-то время его представителем на переговорах был граф Уорвик, и король лишь давал разрешение на составление документов, в которых указывались суммы, согласованные Уорвиком с пленными.

Если король проявлял огромный интерес к пленным как источнику финансов, то и у принца этот интерес

был очень большим. Я не обнаружил свидетельств того, что он сам или какой-либо его посредник вел переговоры о выкупах, но за трех названных выше пленных он получил очень большую сумму (20 000 л.), и это позволяет предположить, что его сделки были достаточно выгодными. К таким денежным приобретениям нужно прибавить доли выкупов, которые принц получал от своих людей. О поступлениях из этого источника у нас нет данных, но все вместе они должны были составить крупную сумму. Например, доля принца (неясно, половина или нет) в выкупе графа Даммартена составила 1000 л.

Доходы, которые пленные принесли другим участникам военной экспедиции, делятся на две категории — выкупы, полученные непосредственно от пленных по договорам с ними, и прибыль от продажи пленных. Граф Уорвик выкупил архиепископа города Санс за 48 000 крон. Граф Солсбери, видимо, получил 2000 л. за графа Даммартена. Однако в большинстве случаев невозможно найти данные о размере выкупов, согласованных только между пленным и его владельцем. Некоторые суммы, полученные за продажу пленного в другие руки, записаны, и эти записи будут процитированы позже. Интересно отметить, что Одли и Чендос, которые во время сражения были образцами добродетели, позже приобрели доли в выкупе одного из пленных. Сохранилось много свидетельств о поездках пленных или их доверенных лиц из Англии во Францию для сбора денег. Для всех них эта задача оказалась такой же трудной, как для регента Карла. Согласно установившейся вежливой традиции, выкуп не должен был разоритьплательщика. Но на деле запрошенные суммы были велики, и тот, кто не платил их, оставался в плену на неопределенный срок. Муазан называет нескольких человек, которые вынуждены были освобождать своих крепостных, чтобы собрать деньги на свой выкуп, а в архивах Пуату есть примеры применения других средств.

Мысленно окидывая взглядом богатства, которые победители получили благодаря выкупам, мы должны

учесть и многочисленные сделки, которые не были упомянуты ни в реестре Черного принца и ни в одном государственном документе. О них сохранилось мало свидетельств, но все же до нас дошли рассказы о нескольких интересных случаях этого рода. Лорд Беркли, попавший в плен к французам, видимо, освободился, уплатив большой выкуп, а затем сам занялся сделками с выкупами. Его правнук рассказал Леланду, что замок Беверстон (в Глостершире) был построен на выкупе пленных, захваченных при Пуатье. Второй пример есть у Фруассара. В 1388 году в гостинице в Ортезе он встретился с человеком по имени Баско де Молеон, который путешествовал как очень важная особа и охотно рассказал летописцу о своих приключениях. «Первый раз я надел доспехи, когда воевал под началом капталя де Бюша в битве при Пуатье, — вспоминал Баско. — Мне посчастливилось: я захватил в тот день трех пленных — рыцаря и двух дворян; от них я получил общим счетом [три тысячи] франков».

Третий пример можно увидеть в документах города Лондона. Тома де Водене, рыцарь из Бургундии, прислал свой выкуп английскому рыцарю Уильяму де Уэлсби через купца из Лукки, которого звали Тюрель Гаскойн. Этот выкуп (300 золотых флоринов, серебряный кубок с крышкой и золотое кольцо без камня) был передан гражданину Лондона Саймону из Уорстеда, который действовал от имени Уэлсби, и официально принят Саймоном в присутствии мэра Лондона в рождественский сочельник 1356 года.

Сроки, в течение которых захваченные французы находились в плену, были очень разными. В числе тех, кто сумел освободиться быстро, был Жан ле Менгр по прозвищу Бусико. 2 июня 1357 года были выданы охранные грамоты его гонцу для поездки в Пуату и Сентонж. Бусико, видимо, заплатил свой выкуп очень быстро, поскольку в мае 1358 года или немного раньше он уже был назначен на должность во Франции и вскоре стал маршалом Франции, сменив на этом посту Жана де

Клермона. Другим пленным повезло меньше. Король Иоанн II и его многочисленные приближенные пробыли в Англии до июля 1360 года, граф Даммартен освобожден лишь в феврале 1361 года. Яков де Бурбон уплатил первую часть выкупа за себя только в январе 1362 года, а архиепископ Санса на Пасху 1362 года. Кроме того, некоторые из пленников должны были остаться в Англии или вернуться в Англию согласно договору, подписанному в Бретињи.

Теперь мы коротко подведем итоги — перечислим примеры сделок, в которых участвовали король, принц и остальные.

Принц приобрел:

Якова де Бурбона у капталя де Бюша и других за 25 000 крон, которые были выплачены наличными в Бордо.

Филиппа, сына короля Франции, у Джона де Кентвуда и сэра Эдмунда Уонси за 4000 марок.

Графа Овернского у Деосента из Испании за 5000 старых крон.

Пленного (имя не названо), которым владели сэр Джеймс Одли, сэр Джон Чендос и сэр Роберт Невилл, за 565 *l.* 12 *s.* 6 *d.*

Пленного (имя не названо) у Хью де Колсвейнсока и Рандольфа д'Оукстона за 20 флоринов с «леопардом».

Графа де Вандома у сеньора де Капена (3000 флоринов).

Графа де Жуаньи у Арнольда Реймонда (1500 флоринов).

Сеньора де Дирваля у капталя де Бюша и других.

Графа д'Одрема.

Король приобрел пленников:

1. По оговоренному заранее праву на «главу (*chief*) войны» — короля Иоанна II.

2. Купив у принца Уэльского, в том числе Филиппа, сына короля Иоанна II. Графа де Сансера за 20 000 *l.* Сеньора де Краона (Крана).
3. Путем передачи от принца Уэльского, например: Якова де Бурбона, графа де Вандома, графа д'Од-рема, графа де Жуаньи, сеньора де Дирваля.
4. Купив у других, например:
Графа д'Осера (долю) у графа Суффолка за 3000 старых флоринов.
Сеньора Добиньи у сэра Джона Венгфельда за 2500 марок.
Графа де Лонгвиля (долю) у сэра Реджинальда Коб-хема за 6500 старых флоринов.
«Архиепископа» Ле-Мана (долю) у Роберта де Клинт-тона за 1000 *l.*
Многих других пленных у каптalia де Бюша, сень-ора де Монферрана и виконта д'Юртриа за «боль-шие суммы денег».
Графа д'О у Эли де Помье за 10 000 флоринов.

Из остальных пленных заслуживают упоминания (в скобках — имя владельца. — *Пер.*):

Бусико (у короля), Эрпен де Сен-Совёр и Симон де Жуа (у Дени де Морбека), сеньор де Маньялер (у Тома-са де Уолкфера), Жан де Ширльё (у Ричарда де Бервика), Жан де Мелен, граф де Танкарвиль (у Томаса де Брон-на), Флоримон де Сулли (у Риса ап Гриффитса) (именно Сулли — не Сюлли. — *Пер.*), Гишар Дольфин (у Уолтера де Делдби), Жан Рокур (у Ральфа Шелтона), Робер Фа-вероль (у Томаса Чондлера), Жан де Курботон (у Родже-ра де Вара), Петр (очевидно, Пьер. — *Пер.*) де Кран (у Бернарда ван Зеделеса), Теобальд Виапр и Вальтер Фе-лоньес (у Джона Диммока).

Точно определить полный масштаб этих операций с выкупами мы не можем. Французские источники содер-жат слишком мало сведений о них. Лишь малая часть пленных была увезена в Англию. Некоторые утвержде-

ния французов невозможно проверить по английским источникам, и есть предания (например, о Беверстоне), истинность которых невозможно установить. Некоторые сделки были заключены во Франции еще до отплытия армии принца из Бордо в Англию и не отмечены в официальных английских документах. Доля принца была так велика, что из-за одного этого кто-то должен был заключать сделки тайно. И наконец, как мы уже показали, продавал пленного не обязательно тот, кто его захватил. Французский дворянин мог сменить нескольких хозяев, прежде чем его продавали королю Эдуарду III, сделав об этом запись, которая могла дойти до нас. Однако существующих свидетельств достаточно, чтобы увидеть, что многочисленность и богатство пленных, захваченных при Пуатье, повлекли за собой много сделок о выкупах и появление в Англии большого количества французской валюты, привели к обогащению многих участников военной экспедиции и создали большие трудности самым знатным и богатым из их пленников.

Выкупы не обязательно были добыты благодаря воинской доблести и могли быть просто результатами торговых операций. Но вознаграждения могли быть действительно получены людьми принца за их заслуги. «Хорошая служба в Гаскони», «хорошая служба... особенно в битве при Пуатье» признаны в целом ряде документов о пожаловании денег, ежегодных выплат и должностей. Наиболее ценные из этих наград перечислены на следующих страницах.

Чтобы в полной мере понять, за что получены эти награды, было бы нужно очень подробно знать биографии получателей. Здесь мы сделаем лишь несколько замечаний. Шедрая раздача даров была не просто свойством характера принца, это было в духе времени. Было политически выгодно «давать вознаграждение тем, кто смиренно служит ему... почтить их дарами». Почти все, кого принц награждал, были уже хорошо известны ему. Они

были, по сути дела, членами его штаба, и нет сомнения, что некоторые из них раньше или позже в любом случае получили бы дары, доходы от которых должны были позволить им вести образ жизни достойный приближенных принца. Несколько пожалований были обещаны уже на поле битвы при Пуатье, некоторые пожалования были сделаны вскоре после нее, когда армия находилась во Франции, а остальные после возвращения в Англию. Кроме того, из-за краткости нашей книги и для большей ясности мы вынуждены назвать большинство этих наград просто ежегодными выплатами, хотя многие из них были пожалованы (как это обычно делалось) «до тех пор, пока принц не предоставит им равноценную землю и ренту где-либо еще». Крупные дары Одли и Чендосу имеют большой дополнительный смысл: одинаковые ежегодные выплаты, пожалованные во Франции, еще раз объединяют этих двоих людей, но, вероятно, их можно объяснить тем, что в то время, когда принц пожаловал им эти доходы — в апреле 1357 года, — они оба должны были остаться для выполнения обязанностей во Франции.

Получатель	Кем был у принца	Награда	Место упоминания в В.Р.Р. (или С.С.А. ¹)
Одли, сэр Джеймс	Рыцарь	Ежегодно 400 л. Ежегодно 600 золотых крон (из Мирманда, Гасконь)	II, 105; IV, 291; IV, 359
Баскервиль сэр Ричард	—	Дар 100 марок	IV, 403
Беркемстед Генри де	Слуга	Должность и ренты	IV, 194, 196, 224, 225
Блэкуотер Уильям	Клерк	Дар 20 л.	IV, 208
Бонд Николас	Слуга	Ежегодно 50 марок (позже имения Кеннингтон и Воксхолл)	IV, 197, 360

¹ *Cheshire Chamberlain's Accounts*, ed. Stewart-Brown, R., The Record Society (далее — С.С.А.).

Получатель	Кем был у принца	Награда	Место упоминания в В.Р.Р. (или С.С.А.)
Ботетур, сэр Уильям	Рыцарь	Пожизненно имение Ньюпорт (в Эссексе). Ежегодно 40 <i>l.</i> Дар 100 <i>l.</i>	IV, 10, 215, 252
Чендос, сэр Джон	Рыцарь	Доходы от Кирктоната (в Линкольншире) и от Дрейклоу (в Чeshire). Ежегодно 40 <i>l.</i> Ежегодно 600 золотых крон (из Мирманда, Гасконь)	IV, 193, 210, 223; III, 231, 267; IV, 359
Чейн Алан	Слуга	Ежегодно 40 <i>l.</i>	С.С.А., 242, 253, 270
Котсфорд, сэр Роджер	Рыцарь	Ежегодно 40 марок	IV, 196
Касингтон, сэр Стефен	Рыцарь	Прежняя ежегодная выплата увеличена до 100 <i>l.</i> Кроме того, ежегодно 40 <i>l.</i>	IV, 178—179, 555
Дале, сэр Тидерик ван	Рыцарь	Ежегодно 200 марок	IV, 207, 218
Доксеу Ричард де	Пекарь	Ежегодно 10 марок	С.С.А., 243, 253, 270
Фелтон, сэр Томас де	Рыцарь	Ежегодно 40 <i>l.</i>	IV, 207
Харпенден Уим де	Слуга	Ежегодно 40 марок	IV, 203
Хей Джон дель	Слуга	Ежегодно 20 <i>l.</i>	IV, 209
Илег, сэр Ричард де	Рыцарь	дар 100 марок	IV, 289
Ленч Уильям	Носильщик	Доходы от паромной переправы в английском городе Солташ (близ Плимута. — <i>Ред.</i>)	II, 98
Леоминстер Ричард	Монах-проповедник	Ежегодно 20 <i>l.</i>	IV, 255
Лоринг, сэр Найджел	Камергер	Ежегодно 83 <i>l.</i> 6 <i>s.</i> 8 <i>d.</i>	IV, 206; II, 136
Лотрел, сэр Эндрю	—	Дар 20 <i>l.</i>	IV, 251
Муан, сэр Уильям	Рыцарь	Дар 100 марок	IV, 284

Получатель	Кем был у принца	Награда	Место упоминания в В.Р.Р. (или С.С.А.)
Невилл, сэр Роберт	Рыцарь	Ежегодно 100 марок	III, 306; IV, 219, 308
Палингтон Джон де	Слуга	Земли пожизненно	IV, 193
Пессе, сэр Даниэл ван	Рыцарь	Ежегодно 100 марок	IV, 234
Плейс, сэр Ричард де	—	Дар 250 марок (или 1000 крон?)	IV, 289, 388
Панчердон Ричард	Слуга	Ежегодно 40 марок	IV, 307
Репс Джон де	—	Дар 100 марок	IV, 283
Роуд Джон де	—	Дар 20 l.	IV, 252
Сент-Омер Уильям де	Слуга	Поместье Уисли пожизненно	IV, 191
Сэндвич Томас де	Слуга	Продление арендного договора	IV, 198
Сарнсфилд Джон де	Слуга	Ежегодно 50 марок	С.С.А., 243, 253, 270
Шенк Уильям	Йомен	Ежегодно 40 марок	IV, 203
Стаффорд, сэр Ричард	Рыцарь	Дар 500 марок	IV, 202, 232
Сюлли, сэр Джон	Рыцарь	Ежегодно 40 марок	II, 99
Труер, сэр Ханс	Рыцарь	Ежегодно 100 марок	IV, 236
Трассел, сэр Уильям	Рыцарь	Ежегодно 60 марок, позже еще ежегодно 40 l.	IV, 261—262; III, 461
Уонси, сэр Уильям	Рыцарь	Ежегодно 20 l.	IV, 198
Уолкфер, сэр Томас	Рыцарь	Дар 100 марок	IV, 308, 388
Зеделес, сэр Бернард ван	Рыцарь	Ежегодно 100 марок	IV, 234

Награды, выданные чеширским лучникам, были ничтожными по стоимости сравнительно с вознаграждениями, которые принц раздал служившим ему людям, однако и эти награды представляют интерес для исследователя. Для немногих недавно разбогатевших рыцарей и крестьян Чешир был источником дохода, но для лучников это был родной дом. Через несколько недель после завершения кампании, когда стало ясно, что они

скоро взойдут на корабли и отправятся в Англию, эти люди попросили у принца вознаграждение. И награды были личными, местного уровня и весьма скромными. Многие выданы, когда чеширцы были еще в Гаскони, другие сразу после прибытия в Англию, еще несколько во время приезда принца в его графство в 1358 году. Кто-то получил право пасти шесть, восемь или двенадцать голов крупного скота в том или ином чеширском лесу, кто-то — право на добычу торфа, кто-то получил в дар два, три, четыре или пять пригодных для изготовления пиломатериалов дубов из лесов принца (чаще всего в Пекфортоне) «для починки своего дома». Некоторые получили должности — невысокие, но желанные для людей, которые рассчитывали прожить всю жизнь возле своего дома, — сторожем изгородей (сторож, который следил за живыми изгородями из кустарника в полях и не давал скотине делать в них проломы и объедать кусты. — *Пер.*) в принадлежавшем принцу имении Фродшем, хранителем его парков в Меклесфилде, Пекфортоне, Лойткойте, приставом сотни (сотней назывался округ, имевший свой суд. — *Пер.*) Баклоу, продавцом имущества преступников и должность в администрации Чешира — хранителем актов о завладении имуществом для обеспечения обязательств. Кто-то получил право свободно торговать в городе Мидлуиче. Один бывший солдат сообщил, что у него возник спор с чиновниками принца о том, какой морской зверь был пойман на его земле на берегу реки Мерси — морская свинья (*Phocaena phocaena*, мелкий представитель зубатых китов; длина тела до 1,8 м, вес до 80 кг. — *Ред.*) (которая принадлежала бы ему) или касатка (она принадлежала бы принцу). Чиновники получили указание быть справедливыми по отношению к жалобщику, «тем более что он хорошо проявил себя в битве при Пуатье». И наконец, около пяти человек пожизненно были избавлены от избрания в качестве присяжных в суды графства Честер.

Эти малые награды были выданы в то же время, что и награды рыцарям, и сопровождались соответствующими

щим случаю признанием услуг, оказанных принцу в Гаскони. Но с начала сентября 1357 года принц и его совет были так заняты другими делами, что «забыли о многом» из того, что пожаловали. Некоторые бывшие солдаты снова попросили о такой же награде. Поэтому заместитель судьи Честера получил указание: если к нему поступят «две просьбы от одного человека об одной и той же награде — деревьях или чем-либо иным», вторую просьбу оставлять без внимания.

И наконец, были награды нематериальные, но желанные или даже необходимые для людей, которые желали жить спокойно, — прощение совершенных преступлений. Списки патентов за этот период изобилуют записями о помиловании преступников за службу в Бретани, Шотландии и Гаскони. Обычно в записи указан вид преступления и сказано, что помилованный прощен по просьбе или благодаря свидетельству начальника той компании, в которой служил. Многие солдаты экспедиционной армии принца были таким образом амнистированы.

Чеширцы получали амнистию и награду одновременно, о чем свидетельствуют списки пожалований. И то и другое давалось в дар за службу, и амнистии раздавались со всей возможной щедростью, на которую была способна административная машина. Судьи и казначей получили указания исполнять все поступившие к ним приказы с гасконской печатью, так же как если бы на них стояла печать, применявшаяся в Англии; и чеширцы, служившие в Гаскони в армии принца, получили свидетельства о помиловании. Троице людям прощены убийства. Было несколько более редких нарушений общественного порядка, но большинство грамот о помиловании составлены по единому образцу: «прощены все преступления и вред, совершенные им в графстве Честер до...» такого-то дня. Дата могла быть от декабря 1356 года до 8 мая 1357 года.

Кроме чеширцев были помилованы еще около ста двадцати человек. В этих случаях прощал, разумеется, король, и общая формула выглядела так: «По просьбе сына короля Эдуарда III, принца Уэльского, а также за хорошую службу принцу и королю в армии принца в Гаскони прощены (убийство такого-то, изнасилование такой-то, кражу _____, принадлежавшего А. В.), в котором(ой) он был обвинен или по поводу которого(ой) вызван в суд, и от объявления вне закона в связи с этим». Почти все прощенные преступления — убийства, и в подавляющем большинстве документов после имени жертвы вставлены слова «убитого до 20 сентября тридцатого года». Помилование преступников началось еще до возвращения армии в Англию. Очень многие документы датированы июлем 1357 года, но их продолжали выдавать почти до конца 1358 года¹. По упомянутым в них названиям мест видно, что практически из каждого английского графства к югу от реки Тис в походе принца участвовал хотя бы один убийца.

Подводя итоги, можно сказать, что жалованье, установленное договором, было далеко не единственным источником дохода для тех, кто служил с принцем в Гаскони. На профессиональном языке того времени выражение «выгоды от войны» означало несколько видов материальных выгод, которые можно было получить в результате военных действий, — те выгоды, которые король мог распределять по своему усмотрению. Если же говорить без профессиональных терминов, то прибыли, полученные участниками кампаний 1355 и 1356 годов, можно разделить на четыре основные категории: доля в добыче (ценные вещи, драгоценности, деньги), доля в выкупах (уплаченная во Франции или в Англии) или доход от продажи пленных, прощение преступлений,

¹ И было еще несколько в 1359 году. Три были пожалованы в ноябре—декабре 1356 года. Четыре были пожалованы «по просьбе графа Уорвика». Двое из помилованных служили у графа Солсбери. Самый поздний документ о помиловании из обнаруженных мной (датирован 15 сентября 1359 года) содержит слова: «убитого до 28 марта тридцать первого года».

награды (подарок, ежегодная сумма, должность или право). Мало кто в экспедиционной армии не «получил выгоду» хотя бы из двух перечисленных источников. Некоторые чеширцы, возможно, воспользовались всеми четырьмя.

Практически невозможно собрать такие же подробные сведения об имущественных делах гасконских участников похода, но гасконцы тоже получили от него выгоду. Их страна теперь была в безопасности. (Гасконь — часть Франции, которую сепаратисты и коллаборационисты пытались с помощью Англии от нее оторвать. Это им не удалось. В конце концов интервенты и их пособники были разгромлены. 19 октября 1453 г. капитуляцией английской армии в Бордо завершилась Столетняя война. — *Ред.*) Они получили свою часть добычи и выкупов. Они получили большую сумму денег за согласие на отправку короля Иоанна II в Англию, и нам известны суммы некоторых из их сделок и наград. Например, капталь де Бюш и еще несколько гасконцев получили крупную сумму в 25 000 крон от продажи Якова де Бурбона. Тот же капталь и сеньор де Мюссидан продали сеньора де Дирваля за 3000 флоринов. В реестре принца отмечены суммы денег, которые получили в подарок сир Аманье де Помер, сир Иоанн де Помер, сир Петитон де Кюртон, сеньор де Леспар, сир Эмерик де Таст и сир Жерар де Тарта, а в отчетах Казначейства сохранилось много расписок в получении денег, которые свидетельствуют, что пенсии получили Аманье де Монте-Пезато, сир Эмерик де Таст, сир Аманье де Помер, Раймон де Пелагриа, Арнольд де Ренинья, Бертран Франк, сир Иоанн де Помер и солдан де Трау (солдан — титул, а не имя. В одном из исторических романов писательницы Бенцони сказано: «солдан — начальник полиции». — *Пер.*). Пенсион, пожалованный сиру Жерару де Тарта, уже был упомянут.

ЭПИЛОГ

Нам было бы приятно описать роспуск экспедиционной армии так же, как мы описали ее сбор, но, к несчастью, это невозможно. Создание такой армии оставляет после себя гораздо больше документов, чем ее роспуск. Когда армия расходится по домам, не нужно назначать для этого начальников и отдавать приказы. Откуда именно, в какое время, какими путями различные отряды армии ушли из нее, я не могу сказать. Члены «штаба» принца отправились в Лондон. Я думаю, что графы и значительная часть солдат тоже приехали в Лондон и приняли участие в шествии по городу перед тем, как отправиться по домам.

Некоторые из рыцарей-иностранцев пробыли в Англии еще больше года. Один из них, Зеделес, получил от принца похвальную грамоту, в которой особенно была подчеркнута честность этого рыцаря в том, что касалось жалованья и пленных. В 1358 году он и остальные иностранцы вернулись в свои дома во Фландрии, империи, Испании и Гаскони.

В начале лета 1357 года чеширцы уже были у себя на родине, и множество мелких административных дел, мало значащих поодиночке, но много вместе, позволяют нам увидеть слабые и отдаленные результаты участия этих людей в экспедиции. В течение многих месяцев поступали приказы, обеспечивавшие тому или иному вернувшемуся лучнику какую-либо мелкую выгоду: право выпаса скота или добычи торфа, лес для постройки, должность, торговые привилегии, освобождение от обреме-

нительных обязанностей или прощение совершенных преступлений. Разумеется, другие лучники начинали просить дать им такую же награду. Были также улажены денежные дела: лучники, нашедшие серебряный корабль короля Иоанна II среди захваченной в битве добычи, получили свою половину его стоимости; человек, за четыре дня до битвы продавший принцу лошадь, получает плату за нее в Чешире; солдат, раненный в Гаскони и оставленный там, наконец возвращается в Чешир и получает денежный подарок; два армейских начальника, которым заплатили больше денег, чем полагалось, должны были вернуть излишки. Были и более печальные случаи: женщина, муж которой был убит в битве, жаловалась, что не могла получить принадлежавшие ему деньги; два человека, обвиненные в том, что, захватив пленного, они не отдали принцу его долю выкупа, были посажены в тюрьму, а позже выяснилось, что обвинение было несправедливым.

Память о двух больших конных набегах и битве при Пуатье была еще свежа, когда началась новая экспедиция. В 1359 году король решил нанести Франции еще один удар. На этот раз армией командовали совместно он сам и герцог Ланкастерский. Вместе с ними были принц и многие из тех рыцарей и солдат, чей путь мы проследили в этой книге, — Уорвик и Солсбери, Одли и Чендос, Кобхем и Бургерш, Стафффорд и Чейн, а также чеширские военачальники, которые плавали за море в 1355 году. И когда они шли к порту отправления — на этот раз им был Сэндвич, — среди лучников было несколько человек из тех, кто был с ними в Гаскони в 1355—1357 годах. (В ходе Столетней войны (1337—1453) менялся ее характер. Все большую роль играла артиллерия, в применении которой французы далеко опередили англичан. Ядра французских орудий заставили капитулировать английские гарнизоны захваченных французских городов. И после проигранной войны англичанам осталось только вспоминать ее удачное начало, лучников и т. д. — *Ред.*)

Приложение А

ОРУЖЕНОСЦЫ ОДЛИ В БИТВЕ ПРИ ПУАТЬЕ

По свидетельству Фруассара (*Lettenhove*. Т. V. С. 457—466), принц посетил раненого Одли и пообещал ему крупную сумму денег ежегодно, а Одли сразу же передал эти деньги тем четверым оруженосцам, которые находились при нем во время битвы. С какого-то времени возникла традиция считать, что этими оруженосцами были Делвс из Доддингтона, Фулхерст из Бартомли, Хокстон из Ринхилла и Даттон из Даттона (селение Даттон находится в местности Литл-Ли на севере Чешира, три остальных места все расположены в графствах Шропшир и Стаффордшир возле их границы с Чеширом).

Самое раннее упоминание об этой традиции, которое я смог найти, содержится в книге *Ashmole, Elias, The Institution, Laws and Ceremonies of the most Noble Order of the Garter*, London, 1672, с. 705 («Устав, законы и церемонии благороднейшего ордена Подвязки». — *Пер.*). Эшмол упоминает *Lib. MS penes W. Flower nuper Norry King of Arms*. Его примеру последовали *Beltz, G.F., Memorials of the Order of the Garter* («Хроники ордена Подвязки». — *Пер.*), London, 1841, с. 79., и *Ormerod, G., History of Cheshire* (2-е издание, ed. Helsby, London, 1882), т. III, с. 518, а также *Dictionary of National Biography* («Национальный словарь биографий». — *Пер.*) (статья: *Audley, Sir James*). Эти же имена повторялись снова и снова в менее авторитетных работах.

Но есть очень большие сомнения в том, что можно доказать присутствие при Пуатье хотя бы одного из этих оруженосцев.

Очень велика вероятность, что Делвс там не был, и вот почему:

1. Джон де Делвс занимал важную должность — замещал судью города Честер (*B.P.R.*, III, 141 и далее). Поскольку этим судьей был Бартоломью де Бургерш, находившийся с принцем во Франции, маловероятно, чтобы его заместитель тоже был послан (или получил разрешение уехать) из Англии в это же время.

2. Делвсу было уплачено жалованье как заместителю судьи за время от Дня Михаила-архангела (29 сентября. — *Пер.*) 1356 года до июня 1357 года (*C.C.A.*, 235).

3. В середине июля 1356 года ему было отдано несколько приказов, и он также был назначен уполномоченным по поддержанию порядка в графстве Салоп (так в то время называлось графство Шропшир. — *Пер.*) (*B.P.R.*, III, 229, 230; *C.P.R.*, 1354—1358, 388, 449).

4. Он находился в Лондоне 12 ноября 1356 года (*B.P.R.*, III, 231).

5. В реестре есть запись, датированная «20 октября, Лондон», о выполнении некоего дела «по совету Джона де Делвса» (*B.P.R.*, II, 101).

6. Я не нашел его имя ни в одном списке тех, кому были выданы охранные грамоты, и он не получил никакого вознаграждения за службу принцу в кампаниях 1355—1356 годов. Также, насколько мне известно, его имя не упоминается в дневнике Хенкстуорта.

Даже если предположить, что Делвс дал свой «совет» (см. выше, 5) за несколько месяцев до его выполнения, все же представляется совершенно невероятным, чтобы он успел выехать из Англии и вернуться назад за время от июля до ноября 1356 года.

Томас де Даттон был шерифом Честера и за период от Дня Михаила-архангела 1356 года до Дня святого Иоанна (24 июня. — *Пер.*) 1357 года отправил казначею в форме платежа деньги, взысканные по платежным документам судами графства, так же как делал в предыдущем и затем в следующем году (*C.C.A.*, 208, 224, 233, 238).

Что касается Роберта де Фулхерста, то 28 июня 1355 года камергер, ведавший делами Честера, получил указание выдать ему охранные грамоты. Фулхерст должен был «отправиться с *королем* на войну в страны, расположенные за морем» (*B.P.R.*, III, 207). Я не могу с уверенностью сказать, что слово «король» не написано по ошибке вместо «принц», но *a)* существует по меньшей мере еще один приказ тому же камергеру о выдаче охранных грамот, и в нем слово «король» поставлено правильно и *b)* в охранных грамотах тех людей, которые должны были уехать с принцем, обычно добавлены слова «в земли Гаскони» (*B.P.R.*, III, 203, 211).

О Хокстоне я не нашел никаких сведений о том, где он находился в то время.

К этому можно добавить, что у Хенкстуорта встречаются имена двух других оруженосцев Одли — Лоренса Пеке (раздел 6, дата 3 октября 1355 года) и Джона Уэллса (раздел 68, дата 16 марта 1356 года).

Разумеется, в этом приложении речь идет только об упомянутой здесь традиции. Очевидно, что все четыре оруженосца оказали принцу ценные услуги. Делвс и Даттон, как мы уже видели, в 1356 году выполняли важные поручения на родине. В 1346 году Делвс и Хокстон служили во Франции в подразделении Ричарда, графа Арундела, и Одли был в том же подразделении (*Wroottesley, G. Crécy and Calais*, 33, 34, 114).

Приложение В

ИЗВЕСТИЕ О БИТВЕ ПРИ ПУАТЬЕ

Мнение Делашеналья (*Histoire de Charles V*, I, 243 and 243 n. 1), что Черный принц выбрал в качестве гонца Дени де Морбека и тот привез эту новость в Лондон, не соответствует действительности.

1. Делашеналь сам пишет, что де Морбек был ранен.

2. Делашеналь основывает свое утверждение на записи в Pells Issue Rolls, 31 Ed. III (Пасха), m. 28, но делает в ней правку — ставит слово *nuncio* (лат. «извещение». — *Пер.*) вместо *servicio* (лат. «служба». — *Пер.*). Я думаю, что исправлять ее нет никакой нужды, и в ней идет речь просто о выплате де Морбеку части награды за хорошую службу при взятии в плен Иоанна II, а не за хорошую новость о взятии Иоанна II в плен.

3. Я показал здесь, что Джефри Хемлин, Джон ле Кок и гонец Томас, несомненно, несли эту новость. Похоже, что Делашеналь ничего не знал об их работе.

Даты уплаты денег этим людям, отмеченные в Issue Rolls, разумеется, не обязательно соответствуют датам их прибытия. Джон ле Кок, который первым сообщил эту новость королю, получил деньги за это последним. Джефри Хемлин — первый, о ком мы точно знаем, что он и приехал из Гаскони, и привез известие о битве.

Вот даты платежей:

Томасу, гонцу 12 октября 1356

Джефри Хемлину 14 декабря 1356

Джону ле Коку 14 октября 1357.

Оплата расходов, связанных с «задержкой в Вестминстере» членов совета, когда было получено известие о взятии в плен Иоанна II, отмечено 25 ноября 1357 года (Issue Rolls, 30 Ed. III (Mich.) и 31 Ed. III (Mich.)).

Я предположил, что Джон ле Кок из Шербура был служителем при гардеробе. Но слова «из Шербура» позволяют сделать и другое предположение: это мог быть нормандец, который рано узнал о захвате Иоанна II в плен, поспешил *на север* (возможно, через Бретань, где ему мог помочь Генрих Ланкастерский), добрался до одного из портов на Ла-Манше и прибыл в Англию раньше обоих английских гонцов. Он мог быть одним из «сорокоходов» Ланкастера. К этому можно добавить, что имя «гонец Кок» встречается в списке людей, служивших в 1330 году Эдуарду III в крепостях возле Гина (E 101/27/6).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Глава 1. Фон описываемых событий</i>	<i>11</i>
<i>Глава 2. Приготовления</i>	<i>31</i>
<i>Глава 3. Первый рейд</i>	<i>73</i>
<i>Глава 4. Между рейдами.....</i>	<i>124</i>
<i>Глава 5. Второй рейд и битва при Пуатье</i>	<i>155</i>
<i>Глава 6. После рейдов</i>	<i>213</i>
<i>Глава 7. Выкупы, награды и амнистии</i>	<i>229</i>
Эпилог.....	248
<i>Приложение А. Оруженосцы Одли в битве при Пуатье</i>	<i>250</i>
<i>Приложение В. Известие о битве при Пуатье</i>	<i>253</i>

Герберт Хьюит
РОЖДЕННЫЙ С МЕЧОМ В РУКЕ
Военные походы Эдуарда Плантагенета
1355—1357

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.Н. Должикова*

Ответственный корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать 01.07.2010.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 12,35.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 5608

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ХРОНИКИ ВОЕННЫХ СРАЖЕНИЙ

Герберт Хьюит
**РОЖДЕННЫЙ
С МЕЧОМ
В РУКЕ**

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ
ЭДУАРДА ПЛАНТАГЕНЕТА
1355—1357

Эдуард Плантагенет — наследник английского престола, прозванный Черным принцем, — выдающийся военачальник, возглавивший ряд военных экспедиций во Францию в период Столетней войны. Одержав немало крупных побед, в том числе в знаменитой битве при Пуатье, он сумел упрочить не только политическое положение, но и экономическое благосостояние своей страны. Государственная казна пополнялась в основном за счет выкупа пленных и грабежей.

Автор книги дает подробное описание вооружения и амуниции воинов, приводит многие другие составляющие средневековой армии. Рассматривая кампанию принца 1355—1357 годов, он заостряет внимание не только на общей стратегии ведения войны, но и на составе его войска, снабжении продовольствием, обеспечении должного уровня военной дисциплины.

Эдуард Плантагенет остался в истории наследным принцем, сумевшим внести достойный вклад в развитие своей страны. Возможно, если бы ранняя смерть не помешала ему стать королем Англии, этот вклад был бы куда значительнее.

ISBN 978-5-227-02271-4

ЦЕНТРОЛИГРАФ®